

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

HUMAN IN PAST AND PRESENT:
Multidisciplinary studies

Volume 5

Moscow
2011

Российская Академия Наук
Институт философии

ЧЕЛОВЕК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
Междисциплинарные исследования

Выпуск 5

Москва
2011

УДК 300.312
ББК 156.56
Ч–39

Ответственный редактор

доктор филос. наук *М.С. Киселева*

Рецензенты

доктор филос. наук *А.А. Воронин*

доктор филос. наук *Е.Н. Ивахненко*

Ч–39

Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0199-0.

Пятый выпуск сборника посвящен различным аспектам коммуникативной деятельности. Более чем столетняя история изучения коммуникативных процессов в человеческих сообществах объясняет обращение к философским и методологическим проблемам, формирующим коммуникативную предметность. Исследование социальных и политических контактов на разных уровнях социальной организации (государство, нация, этнические общности, и т. д.) значимо для понимания коммуникаций в современном социуме. Кросс-культурные коммуникации в историческом аспекте, а также новые коммуникативные реальности – расширяющееся пространство интернета исследуются в самостоятельных разделах сборника. Существенно, что в поле зрения исследователей всегда фокусируется человек в его разнообразных коммуникативных связях.

Статьи сборника представляют интерес для научного сообщества, аспирантов и студентов, а также могут иметь значение для социальных, политических и информационных практик в современном обществе.

ISBN 978-5-9540-0199-0

© Коллектив авторов, 2011
© ИФ РАН, 2011

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ

<i>Игорь Михайлов</i> Теория коммуникации как методология знания о человеке	9
<i>Наталья Смирнова</i> Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций.....	30
<i>Ирина Мелик-Гайказян</i> Взаимосвязь коммуникативных процессов и динамики форм знаков.....	49
<i>Игорь Ашмарин</i> Дискретность и континуальность: что первично	66
<i>Елена Ярославцева</i> Коммуникативная онтология человека: принцип фокуса.....	76

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

<i>Юрий Гранин</i> Формирование российской нации: коммуникативный процесс.....	94
<i>Александр Разумов</i> Идеи и идеологии: опыт коммуникаций XX века.....	112
<i>Юрий Резник</i> Альтернативность как способ существования личности.....	128

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

<i>Владимир Кантор</i> Италия как духовный ориентир русской культуры: пять эпизодов кросс-культурной коммуникации	148
<i>Марина Киселева</i> Интеллектуальная коммуникация в культуре восточных славян конца XVI–XVII вв.....	160
<i>Татьяна Чумакова</i> «Свой и чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации	184
<i>Ольга Шульман</i> Афоризм как философский жанр во французской салонной культуре XVII в. и в современной французской мысли	197

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

<i>Галина Степанова</i>	
Общение и коммуникация: традиции и новации	215
<i>Сергей Малков</i>	
Закрытый Интернет-форум как средство коммуникации: bank case	236
<i>Игорь Андреев</i>	
Интернет как прелюдия информационной цивилизации.....	250
<i>Олег Скоркин</i>	
Игровые компоненты коммуникации	275
Аннотации	286
Summary	291

Contents

PHILOSOPHICAL AND INTER-DISCIPLINARY ISSUES OF COMMUNICATIONS

<i>Igor Mikhailov</i> Communication Theory: From Human Problem to Humane Knowledge	9
<i>Natalia Smirnova</i> Phenomenological Project in the Study of Social Communications	30
<i>Irina Melik-Gaykazyan</i> Interconnection of Communicative Process and Dynamic of Sign Forms	49
<i>Igor Ashmarin</i> Discreteness and Continuity of Meanings within Communication	66
<i>Elena Yaroslavtseva</i> Communicative Ontology of a Human Being: Focus Principle	76

SOCIAL AND POLITICAL COMMUNICATIONS PAST AND PRESENT

<i>Yuri Granin</i> Formation of Russian National Identity: Communicative Process	94
<i>Alexandr Razumov</i> Ideas and Ideologies: Communications Experience of 20th century	112
<i>Yuri Reznik</i> Alternativity as Individual's Way of Existence	128

CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS: THE HISTORICAL ASPECTS

<i>Vladimir Kantor</i> Italy as a Spiritual Reference Point of the Russian Culture: Five Episodes of Cross-cultural Communications	148
<i>Marina Kiseleva</i> Intellectual Cultural Communication of the Eastern Slavs in the end of 16 th –17 th centuries	160
<i>Tatiana Chumakova</i> “Ours” and “Others” in the Russian Culture of 11th - 17th centuries: Communications Problem	184
<i>Olga Shulman</i> Aphorism as a Philosophical Genre in the Culture of French Salons of 17 th century and in the Contemporary French Thought	197

CURRENT ISSUES OF NEW COMMUNICATIVE REALITY

<i>Galina Stepanova</i>	
Personal Contact and Communications: Traditions and Innovations.....	215
<i>Sergey Malkov</i>	
Private On-line Forum as a Method of Communication	236
<i>Igor Andreev</i>	
Internet as a Prelude to the Informational Civilization.....	250
<i>Oleg Skorkin</i>	
Game Components of Communication	275
Summary	291

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ

Игорь Михайлов

Теория коммуникации как методология знания о человеке

Ибо много есть слов, что множат тщету, –
И чем от них лучше человеку?

Экклезиаст, Гл. 6

Пример великих заразителен – по крайней мере, должен быть таковым. Возьмем пример с Канта и зададимся вопросом: какова природа философского знания о человеке: аналитическая или синтетическая. Эту Юмову ловушку Кант разъясняет ещё в «Пролегоменах»¹.

Действительно, многим из нас хотелось бы, чтобы философская антропология была уважаемой дисциплиной, которая на деле, а не по видимости – не благодаря ложной глубине понятий и значительности тона, – обеспечивала бы прирост положительного знания о человеке или, как минимум, помогала бы в этом соответствующим конкретным наукам. Для этого нужно, чтобы её теоретическое «тело» составляли – в основном – синтетические высказывания (суждения, пропозиции – как угодно), добавляющие что-то к смыслу, содержащемуся в исходных терминах теории, и делающие это с научной достоверностью (необходимостью, аподиктичностью – выбор слов за читателем). Поскольку, если эти высказывания оперируют только со смыслом исходных дефиниций, ничего не добавляя к нему, они остаются простыми тавтологиями. Последние имеют смысл в науках, затрагивающих основы наших познавательных способностей (т. е. **логика, математика**), но излишни и комичны в объектных дисциплинах, каковой на первый взгляд представляется наука о человеке.

Если интересующие нас положения несут добавленный смысл, то, чтобы быть надёжным, такое знание может быть получено только из опыта. Однако тогда во весь рост встаёт пробле-

ма неполной индукции: для потенциально бесконечных множеств, каковым являются люди, никаких опытных данных не достаточно для того, чтобы их обобщение характеризовалось присущей науке всеобщностью и необходимостью – по Канту, аподиктичностью. Кроме того, если даже каким-либо образом (хотя бы даже и по-кантовски) нам удастся решить проблему аподиктичности суждений антропологии, основанных на опыте, эта дисциплина с неизбежностью покинет философский стан, чтобы с полным правом обосноваться в расположении естественных наук.

Таким образом, от того или иного решения Юмовой проблемы в отношении знания о человеке зависит ответ на вопрос: *существует ли человек как предмет философии?* Парадокс же состоит в том, что при выборе любой из частей данной дилеммы ответ на этот вопрос оказывается отрицательным.

И, с одной стороны, по большому счету, это не влечёт каких-либо катастрофических последствий для философии как таковой (за исключением, может быть, реорганизации некоторых секторов, кафедр, учебных курсов и прочих бюрократических формальностей). Просто тогда мы соглашаемся с теми, кто, имея веские аргументы, считает, что «человек» – это одна из вещей вещного мира, обнаруживаемых нами эмпирически (пусть даже в зеркале), и антропология, как бы она ни строилась, ничем принципиально не отличается от орнитологии и т. п. Можно ли представить себе «философскую орнитологию»?

Но, с другой стороны, с ходу отвергнуть аргументы сторонников философской антропологии было бы теоретической неосторожностью. Есть что-то достойное внимания в соображениях, согласно которым мышление, язык и – возможно – другие «несомненно философские» предметы являются свойством (атрибутом, функцией) человека. Даже несмотря на кажущуюся догматичность таких доводов. А если мы допускаем их валидность, то логично предположить, что все эти квазипредметы несут на себе печать «природы человека», каковая может быть исследована способами, доступными философии.

В настоящей статье я хотел бы предложить, если можно так выразиться, некоторый вариант *апологии философской антропологии*.

Пожалуй, наиболее очевидный путь поиска выхода из Юмовой ловушки для философской антропологии ведёт в том же направлении, в котором следовал Кант, пытаясь найти эпистемологические оправдания для математики и естествознания. Путь этот состоит в обнаружении такого эпистемологического ресурса – познавательной способности – помимо опыта и логики, который позволил бы сообщить интересующей нас дисциплине научную достоверность (аподиктичность), обнаружив и определив её априорные основания. И на этом пути он же – Кант, что не удивительно – и приходит к нам на помощь. В «Антропологии с прагматической точки зрения»² он вводит понятие «внутреннего чувства» как эмпирической апперцепции, которая «содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт»³. В отличие от чистой апперцепции (чистое Я рассудка), представляющей собой субъект и, следовательно, являющейся предельно простым представлением, эмпирическая апперцепция представляет Я как объект – единство многообразного в восприятии – но, естественно, только как явление, а не как вещь в себе. Так, познающий субъект противопоставляет себе себя же в качестве объекта, наполненного многообразным содержанием представлений, которые сами являются частью внутреннего опыта. Естественно, что такой объект остаётся привилегированным объектом в этом мире для себя же как познающего субъекта, поскольку – к сожалению, сам Кант не артикулирует эту мысль явным образом – для собственного внутреннего опыта Юмовой дилеммы, скорее всего, не существует: всё известное нам из него, мы знаем наверняка, со всей возможной аподиктичностью: «Вопрос о том, может ли человек при различных внутренних изменениях своей души ... сказать, что он тот же самый человек <...>, есть вопрос нелепый, ведь человек может сознавать эти изменения только потому, что в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект. И хотя Я человека двояко по форме (по способу представления), но не двояко по материи (по содержанию)»⁴. Мысль о том, что в некотором опыте (пусть даже внутреннем) может содержаться нечто, отрицание чего не столько ложно, сколько «нелепо» и бессмысленно, интересным образом перекликается с размышлениями Витгенштейна, что мы увидим ниже.

Рискну продолжить мысль Канта, предположив, что этим внутренним чувством субъект конституирует некий фрейм для идентификации другого [человека] как объекта одного с ним класса. Да вот, кстати, и подтверждение моего предположения: «А так как, впрочем, знание людей на основе внутреннего опыта, поскольку *в большинстве случаев человек судит и о других по этому опыту* (выделено мною. – И.М.), исключительно важно, но в то же время, быть может, более трудно, чем правильное суждение о других, <...> то желательно и даже необходимо начинать с явлений, наблюдаемых в себе самом, и только потом переходить к утверждению некоторых положений, касающихся природы человека, т. е. к внутреннему опыту»⁵.

Кто-то под влиянием идей Пиаже, Выготского, Леонтьева и примыкающей к ним отечественной философской школы будет настаивать на обратном: что именно опыт взаимодействия с другими людьми конституирует в человеке человеческую эмпирическую апперцепцию. В историческом и эмпирическом плане, в онто- и филогенезе, возможно, это и так – именно поэтому данная дискуссия так важна для психологии, педагогики и т. п. Я же смею утверждать, что в чисто философском контексте она иррелевантна. Философия должна решить эту проблему в логико-эпистемологическом, а не культурно-эмпирическом ключе, продемонстрировав трансцендентально необходимую структуру, а не историческую эволюцию, или, пользуясь структуралистской терминологией, в синхроническом, а не диахроническом, срезе. Так как иначе, если философы прибегают к логически случайным фактам для обоснования неких выводов, то, очевидно, что сами эти выводы наследуют случайность своих оснований: возможны миры, где это не так.

Впрочем, из данного возражения не следует, что Кант прав.

Как бы то ни было, обнаружив эмпирическую апперцепцию в основе знания о человеке, Кант, на наш взгляд, впервые ясно показал, что «человек» является привилегированным объектом для познающего субъекта, а некоторые эмпирические высказывания о нем – привилегированными «истинами» в корпусе культуры. Правда, эту особую эмпирическую данность он усмотрел во «внутреннем чувстве», будучи в плену сенсуалистских предрассудков своего времени и, парадоксальным образом, строя трансцендентальную теорию познания в этих «человеческих, слишком человеческих» терминах.

Конец XIX – начало XX в. прошли под знаком антипсихологизма, пафос которого дал начало феноменологии и аналитической философии. Вкупе с «лингвистическим поворотом», он кардинальным образом изменил инструментарий философии и в значительной мере – её предметное поле. Больше никакого «духа», «чистого разума» и пр. – только знаковые системы, наилучшим образом приспособленные для выражения фактов, обретающие смысл то ли благодаря изоморфизму знаков и фактов, то ли благодаря публично подтверждаемым правилам употребления знаков. И больше никаких «чувственных отражений»: только резкая демаркация аналитического и фактуального в знании на одном простом основании: в одном случае значение истинности усматривается в самой форме знака, в другом – в положении дел в мире.

Однако все эти революционные преобразования абсолютно ничего не изменили в формальной схеме кантовско-юмовской проблемы. Если мы хотим, чтобы наука раскрывала нам «законы мира», то в качестве таковых мы можем принять только тождественно-истинные формулы (высказывания) – истинные при любых значениях входящих в них переменных. Логика гарантирует тождественную истинность только для аналитических высказываний (тавтологий). Фактуальные предложения с точки зрения логики являются случайно истинными – они истинны только при некоторых значениях входящих переменных. Если мы настаиваем на том, что некоторые фактуальные высказывания тождественно-истинны, т. е. являются «законами», мы как бы постулируем наличие некоей «логики мира» – на роль которой, собственно, и претендует [классическое] естествознание, – а утверждать подобное можно только догматически.

Да, мы «знаем», что тело падает с ускорением 9,8 м/с, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, но также и знаем, что подобные «истины» истинны только при определённых условиях (в некоторых из возможных миров). А то, что мы считаем «законами природы» в собственном смысле – например, закон сохранения – относится скорее к глубинной грамматике языка теории, чем к её предмету⁶.

И здесь у нас прозвучало словосочетание, ключевое для того *квазикантовского*, если так можно выразиться, выхода из воспроизведённой Юмовой дилеммы, который был нащупан Витген-

штейном: «глубинная грамматика». Действительно, если, как и в XVIII в., как и всегда, когда мы силимся что-то узнать о мире при помощи опыта и рассуждения, первый даёт нам новое, но ненадёжное знание, а второе само по себе способно сообщить с достоверностью только нечто и так известное, это значит, что мы остро нуждаемся в некоем третьем источнике знания, который обеспечит нам аподиктичность хотя бы и ценой отказа от объективистских иллюзий. И если Кант находит его в априорных формах чувственности и рассудка, то Витгенштейн обнаруживает такую внутреннюю структурность языка, которая выходит за пределы логики.

Философы-аналитики вообще любят тестировать естественный язык на семантическую прозрачность, обнаруживая нелепицы там, где, казалось бы, логически всё законно: в высказываниях типа « $2 \times 2 = 4$, но я этого не знаю». И если мыслители расселовского склада говорят о «пропозициональных отношениях» (propositional attitudes), то для Витгенштейна это – основание для обнаружения таких структурных точек сопротивления в языке, которые никак не выводимы из логики в её общепринятом понимании. Тем более, что это свойство «непрозрачности» он обнаруживает не только в предложениях, описывающих состояния сознания говорящего, но и во вполне «фактуальных» по видимости высказываниях, вроде «Вселенная существовала до моего рождения», «Я здесь» и т. п. Если в обычных случаях отрицание истинного высказывания даёт ложь, то в этих случаях отрицание несомненно истинного звучит как нелепость или парадокс.

Об этом, собственно, идёт речь в его полемических заметках против «доказательства существования внешнего мира» Дж. Мура, изданные под объединяющим названием «О достоверности»⁷. Аргументация Мура основана на рассуждении, что есть высказывания, истинность которых зависит от объективного существования внешнего мира, и они, несомненно истинны, например «Это – моя рука». Витгенштейн спорит, что если отрицания некоторых фактуальных по видимости высказываний непредставимы в рамках данной картины мира, то они сами истинны не в том же самом смысле, в котором истинны собственно фактуальные высказывания («На таком-то расстоянии от Земли находится другая планета»). «Истинность определенных эмпирических предложений относится к нашей системе референций»⁸. Витгенштейн поясняет свою мысль:

сомнение, вопрошание, выражение потребности в дополнительном знании, есть языковая игра (в том смысле, в котором этот термин определен в его же «Философских исследованиях»⁹), которая возможна только при условии наличия чего-то несомненного. «Попробуй я усомниться в том, что Земля существовала задолго до моего рождения, мне пришлось бы усомниться во всем, что для меня несомненно»¹⁰.

Вот и искомый третий источник, который должен позволить выбраться из Юмова тупика: «я склонен думать, что не всё, чему присуща форма эмпирического высказывания, является эмпирическим высказыванием»¹¹. Эмпирические (фактуальные) высказывания в строгом смысле – это такие высказывания, истинностные значения которых определяются соответствующими положениями дел в мире. Их отрицание само по себе не составляет проблемы в рамках логического атомизма: «Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым»¹². И очевидно, что любое движение мысли в сторону того, что истинность одних элементарных предложений может как-то зависеть от истинности (несомненности) других, Витгенштейну периода «Трактата» показалось бы ересью. Есть веские основания считать, что, отказавшись от логического атомизма, он пришёл к некоему варианту лингвистического холизма, хотя и отличного от холизма де Соссюра. Холизм последнего состоит в том, что язык как целое определяет свои части, тогда как у Витгенштейна язык в виде причудливо переплетенных языковых игр есть часть целостного жизненного мира *homo sapiens*. **Мы не в состоянии отрицать** некоторые высказывания не потому, что этого не позволяют сделать формальные правила поверхностной грамматики или логики, а потому что тогда рухнет вся система нашего взаимопонимания, и становится невозможна коммуникация – цель и оправдание существования языка.

Я бы предложил называть обнаруженные Витгенштейном квазиэмпирические высказывания, смысл которых не может быть фальсифицирован в рамках данного жизненного горизонта, *онтологическими презумпциями*. Сам он в нескольких местах цитируемой работы говорит о «допущениях» (*assumptions* в английском варианте текста), но допущения мы вольны делать или не делать, а речь на самом деле идёт об утверждениях, которые не

являются предметом нашего индивидуального произвольного решения (хотя в каком-то – гносеологическом – смысле они могут быть произвольными).

Итак, наличие онтологических презумпций в языке свидетельствует в пользу (не столько лингвистического, сколько социологического) холизма. И объясняется эта позиция коммуникативной природой языка. Язык «Трактата» мог быть построен кем угодно: Богом, суперкомпьютером и т. п. Его предложения изоморфны фактам, именно поэтому они могут сообщать мысли, т. е. участвовать в коммуникации, но для самой означивающей функции этого языка наличие или отсутствие коммуникационного процесса полностью иррелевантно. Напротив, язык, описываемый в поздних работах Витгенштейна, существует только в правилосообразном взаимодействии людей, а сам феномен действия в соответствии с правилом возможен, только когда люди опутаны и спаяны целой сетью конвенций.

Вот пассаж, который лучше всего выражает то, как мы реально получаем знания и оперируем с ними:

«И то же самое было бы, если бы ученик усомнился в единообразии природы, а значит, и в оправданности индуктивных выводов. – Учитель почувствовал бы, что такое сомнение лишь задерживает их, что из-за этого учеба только застопоривается и не продвигается. – И он был *бы прав*. Это походило бы на то, как кто-то искал бы в комнате какой-то предмет так: выдвигая ящик и не находя искомого, он бы снова его закрывал и, подождя, опять открывал, чтобы посмотреть, не появилось ли там что-нибудь, и продолжал в том же духе. Он еще не научился искать. Вот так и ученик еще не научился задавать вопросы. Не научился той игре, которой мы хотим его обучить»¹³.

Система скрытых и явных онтологических презумпций образует картину мира. Собственно, картина мира и внутренняя, глубинная грамматика языка – это две стороны одной медали. И здесь мы – вполне предсказуемо – упираемся в культуру как механизм социального наследования, культуру, которую Ю.М.Лотман называл «коллективным интеллектом» и «коллективной памятью» человеческих сообществ:

«я обрел свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, и придерживаюсь этой картины я тоже не потому, что убедился в ее корректности. Вовсе нет: это унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное»¹⁴.

И тогда нельзя не заметить, что «язык» в словоупотреблении позднего Витгенштейна расширяется по смыслу до «культуры», «высказывания» выстраиваются (или не выстраиваются) в «тексты», а онтологические презумпции выполняют роль культурных кодов. И все его опорные концепции, высказанные явно или подразумеваемые – «показываемые», в его собственной терминологии – оказываются существенно изоморфными семиотической теории культуры Лотмана.

* * *

Ни узкие рамки статьи, ни высокая степень разработанности темы не делают возможным и осмысленным подробное изложение исторически эволюционировавших концепций Лотмана и Московско-тартуской школы. Пожалуй, имеет смысл сосредоточиться на опорных понятиях его семантической теории культуры: «текст» и «код».

Отмечу попутно, что моя попытка породнить столь разных мыслителей, как Витгенштейн и Лотман, может быть воспринята кем-то как натужная и искусственная: действительно, их разделяет не столько содержание теорий, сколько сам стиль теоретизирования, который в некоторых случаях бывает важнее содержания. Витгенштейн, несмотря на австрийское происхождение, – наследник скорее британского, оккамовского стиля – когда ничто не высказывается, не постулируется и не утверждается без достаточного основания, пока оно не сделает данную мысль неизбежной. Именно поэтому он, как нечистой силы, избегает каких-либо излишних «концептуализаций», стремится не вводить новые термины и общается с читателем скорее в интеррогативных, чем в аффирмативных, формах, исповедуя сократический стиль философствования. Все изложения «концепций позднего Витгенштейна» – включая мои собственные – суть насилие над его текстами *ex necessitate*.

Лотман же, напротив, продолжает континентальную традицию «избыточного» теоретизирования с его бесконтрольным порождением концепций по принципу «а почему бы и нет?», когда недостаточная строгость в определении терминов компенсируется большим количеством *ad hoc* гипотез.

И всё же нельзя не обратить внимание на содержательное сходство в том, что касается понимания роли некоторых рутинных по видимости высказываний, превращаемых культурой в каноны. Культура дана как сложная, но целостная система деятельностей, организованная по принципу «семейных сходств» – у Витгенштейна, – или иерархически – у Лотмана. В культуре порождаются некоторые синтагмы – высказывания (Витгенштейн) или тексты (Лотман), – которые получают валидность определённого рода (истинность, сакральность и т. п.) в том числе от других синтагм, выступающих в данном случае как правила интерпретации первых. Синтагмы (последовательности знаков в смысле де Соссюра) первого рода назовём для краткости ординарными, а второго – парадигмальными. Существенно то, что этим различием в рамках конкретной коммуникативной ситуации исчерпываются их различия вообще: в остальном их природа тождественна, и они могут при определённых условиях меняться местами. Сравним:

«Можно было бы представить себе, что некоторые предложения, имеющие форму эмпирических предложений, затвердели бы и функционировали как каналы для не застывших, текучих эмпирических предложений; и что это отношение со временем менялось бы, то есть текущие предложения затвердевали бы, а застывшие становились текучими»¹⁵.

«...то же самое предложение в одно время может быть истолковано как подлежащее проверке опытом, а в другое – как правило проверки»¹⁶.

«Итак, всякая коммуникативная система может выполнять моделирующую функцию и, наоборот, всякая моделирующая система может играть коммуникативную роль»¹⁷.

«...один и тот же текст может играть роль и сообщения, и кода или же, осциллируя между этими полюсами, того и другого одновременно»¹⁸.

Коммуникативный трансцендентализм Витгенштейна и Лотмана в одном существенном отношении отличается от гносеологического трансцендентализма Канта: первые согласны в том, что некоторые синтагмы в культуре имеют привилегированный статус в конкретной коммуникативной ситуации – в частности, не подлежат проверке, – но мы никогда не можем априори сказать, какие именно. В рамках этого подхода синтетические суждения априори невозможны – и не нужны. Все синтагмы – и ординарные, и парадигмальные – суть синтетические суждения апостериори, а их статус определяется не логикой или

гносеологией, а особенностями и потребностями социального целого. В таком контексте можно говорить о сменах парадигм (Кун) или эпистем (Фуко), с чем кантовский априоризм вряд ли мог бы примириться.

Однако обе версии трансцендентализма сходятся по поводу интересующего нас предмета: человек – всегда привилегированный объект для любой исторически определённой системы знаний, а синтагмы – высказывания, тексты, – имеющие предметом человека как род, парадигмально по сути. В этих высказываниях, говоря по-философски, трансцендентальный субъект обнаруживает свой собственный эмпирический коррелят, поэтому относится к нему с доверием и не требует обычных процедур эмпирического подтверждения. Их фальсификация влечёт не смену теорий (в терминах Куна), а смену парадигм. Попробуем, например, усомниться в том, что «человек, в отличие от животных, наделён разумом». Как могло бы выглядеть эмпирическое опровержение этого высказывания?

То же относится к убеждению относительно общественной природы человека. Собственно, различные теории коммуникации, включая семиотическую теорию культуры, строятся на онтологических презумпциях (парадигмальных синтагмах), утверждающих, говоря обыденным языком, что людей много, что они не могут друг без друга, поэтому вынужденно вступают во взаимодействие. А поскольку человек мыслится как существо (в каком-то отношении) свободное, то взаимодействие с себе подобными он строит не по принципу «стимул – реакция», а по принципу «обращение – понимание». Поэтому человеческое взаимодействие превращается в коммуникацию. И в этом состоит обещанное вначале оправдание философской антропологии: человек – эмпирический объект, но «чистый познающий разум» склонен видеть в нём своего носителя, поэтому готов высказывать о нём кое-какие «истины» до всякого наблюдения и эксперимента. Однако правильная – критическая – философская антропология призвана не повторять онтологические презумпции относительно человека, находимые в культуре, а – в каком-то смысле априори – анализировать их возможные формы с помощью, например, метода бинарных оппозиций, использовавшегося в том числе Лотманом, – множественное–единичное, конечное–бесконечное,

причинное–свободное, постоянное–изменчивое и т. д. – локализуя их на соответствующих полюсах и обнаруживая их когерентность другим элементам картины мира.

* * *

Необходимо признать, что до сих пор последовательность нашей концепции зависела от определенного философского выбора: философия после «лингвистического поворота» склонна отождествлять мышление с языком (или заменять первое вторым), а некоторые философы мыслят язык только в контексте коммуникации, выражая это в соответствующих теориях значения и т. п. Тогда получается стройно и красиво: философия в самом своём картезианском «сердце» обнаруживает коммуникацию как условие мышления, философская антропология систематизирует онтологические презумпции относительно «человека коммуницирующего», и, наконец, естественным образом вырастающая отсюда семиотическая теория культуры берет на себя функции общей методологии наук о человеке.

Однако среди философских авторов, в том числе наших современников и соотечественников, как минимум, нет единодушия в принятии «коммуникационной программы» в философии¹⁹. Я надеюсь, что в недалеком будущем найду возможность подробно обсудить аргументы сторон в этом споре. В скромных рамках настоящей статьи я могу только попытаться нащупать границы мыслимости самого мышления, поскольку вслед за Декартом убеждён, что именно с этого должна начинаться философия, а не со сбора эмпирических фактов, касающихся «субъектов» мышления.

Не только наше недавнее «диаматическое» прошлое, но и некая «естественная установка» обыденного мышления – диамат ведь тоже на что-то опирался – заставляет нас предполагать некоторое «идеальное» удвоение мира и именно в нём видеть сущность мышления. Как будто застрявшая в моём постсоветском сознании чеканная формула «субъективный образ объективного мира» что-то объясняет! Нас преследуют идола неуловимых двойников реальности. В своём искушении назвать мышление одной из разновидностей «психического образа» вещей мы готовы вообразить

одинокое человеческое существо, наделённое всей необходимой нейрофизиологией и «психическим аппаратом», которое даже в отсутствие коммуникации с себе подобными способно продуцировать «психические образы» окружающего его мира. Возможно, я не прав, и психологи меня поправят, но где и при каких обстоятельствах мы можем идентифицировать «психический образ» как наблюдаемый факт, а не как интерпретацию наблюдаемых фактов? В каком секторе головного мозга мы можем увидеть это индивидуальное кино во всей его образности, а не только возбуждение нейронов тех или иных участков коры?

Если кто-то скажет мне: «Помню, в юности я занимался боксом», я назову это чувственным представлением и скажу, что оно отражает индивидуальные факты. А если кто-то скажет « $E = mc^2$ », я скажу, что это такой же психический образ действительности, только абстрактный и отражающий её «существенные связи и отношения». Мы повторяем всё это как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь: а что это объясняет? Хотя ещё Витгенштейн в «Философских исследованиях» пришёл к выводу: для того чтобы слышать и понимать эти и подобные осмысленные предложения, мне вовсе не обязательно просматривать «соответствующие» им психические образы²⁰.

Представим себе некое устройство, наделенное – неважно, зачем – рецепторами и памятью. Пусть это будет луноход (я отношусь к тому поколению, которому не нужно объяснять, что это такое), спокойно движущийся по лунной поверхности с определённой миссией: последовательно замерять значение некоего параметра (температуры поверхности, уровня содержания какого-то химического элемента) на всём пути следования и записывать данные в память по схеме: координаты места (x, y) – значение параметра (P). В памяти лунохода выстраивается последовательность: $P(x_1, y_1) = a_1, P(x_2, y_2) = a_2...$ Можно ли сказать, что в каждом данном случае луноход *мыслит* (думает, считает), что $P(x_n, y_n) = a_n$? Что-то в нас протестует против такой интерпретации. Почему-то мы склонны считать, что эта бессмысленная железка мыслить не может. Хорошо, а если я скажу: «Этот цветок красный, а этот – жёлтый», я *мыслю* это? Опять-таки, почему-то нам естественно полагать, что мыслю. Так в чём разница между процессами в «оперативной памяти» – моей и лунохода? Предположим, что луноход

устроен таким образом, что после N измерений он порождает и записывает в память обобщающую формулу: $P(x_{n+1}, y_{n+1}) > P(x_n, y_n)$ (что может интерпретироваться как «При движении по направлению к экватору – если у Луны таковой имеется – значение P увеличивается»). В этом случае мы имеем, как минимум, две операции, имеющих право называться мыслительными: абстрагирование и индуктивное умозаключение. Обретает ли наш механический исследователь право называться мыслителем? Опять мы чувствуем внутреннее сопротивление. Что это, глубинная грамматика? Мне кажется, я уже слышу возражение: «Мыслит не луноход, а человек, заложивший в него эту программу». А если луноход создан Богом, как, предположительно, и мы, грешные?

Мы упорно интерпретируем процессы внутри лунохода как причинно-следственные. Как мы понимаем, наша цель – найти тот предел, после которого природный процесс превращается в мыслительный. А чем «мыслительный» отличается от «природного»? Не теми ли признаками, что составляют содержание наших онтологических презумпций относительно человека, который «наделён сознанием, волей и способностью свободно принимать осмысленные решения»? А какие данные опыта способны подтвердить или опровергнуть эту «теорию»?

Итак, согласно нашим презумпциям, «мыслитель», в отличие от «регистратора», не потому записывает в свою память $P(x_{n+1}, y_{n+1}) > P(x_n, y_n)$, что однозначно детерминирован к этому своим внутренним устройством, а потому что свободно принимает это решение, рассмотрев полученные данные и сделав этот вывод согласно общепринятым правилам. Прodelав это, «помыслив», что $P(x_{n+1}, y_{n+1}) > P(x_n, y_n)$, он уже «знает» определённое положение дел. Похоже, что концепции «мышления» и «знания», как сетка, накладываются нами на мир, подобно метрической системе мер и весов.

Но каков должен быть этот мир, чтобы в нём нашлось место мышлению и знанию? В каком случае мы можем говорить о «мышлении» или «знании» лунохода, хотя бы метафорически? Представим себе, что наша простодушная машина вернулась в какую-то область лунной поверхности, которая уже была исследована. Предположим, что, сравнив координаты места с теми, которые сохранены в его памяти, луноход прекращает запись информации. Следящие за ним кураторы могли бы удовлетворённо сказать друг

другу: вот видите, он «знает», что уже был здесь. А если бы луноход, наоборот, в этой ситуации продолжил записывать информацию, как ни в чём не бывало, сотрудники ЦУПа могли бы забеспокоиться: что-то здесь не так, он «думает», что здесь ещё не был.

А теперь зададим себе одновременно два вопроса: (1) почему мы в принципе не против, чтобы в данном случае были употреблены слова «думает» и «знает» – глубинная грамматика уже не так протестует, – а также (2) почему мы всё же употребляем их здесь в кавычках?

Начнём со второго: (2) потому что мы продолжаем держаться нашей некритической философско-антропологической концепции, согласно которой только человек, благодаря своему «разуму», «духу» и т. п., обладает (относительной) автономией по отношению к природным причинно-следственным зависимостям и, соответственно, может демонстрировать в отношении них «субъективные» состояния мышления и знания. Как мы уже говорили, глубинная грамматика языка – это другая сторона нашей картины мира, а последняя у нас именно такова. Но, с другой стороны, почему же она в принципе не запрещает нам употребление этих слов в данном случае?

Отвечаем: (1) потому что подлинное, реальное (собственно грамматическое, а не «мировоззренческое») значение этих слов – «мышление» и «знание» – и состоит в тех *коммуникационных позициях*, в которые мы в нашем мысленном эксперименте поставили луноход, и в которых сами оказываемся ежедневно и ежеминутно. Только себя мы причисляем к избранной касте «субъектов», которые могут мыслить и знать без кавычек, а механическое устройство – нет. Что, на самом деле, есть решение произвольное, исключительно «мировоззренческое».

Задумавшись, может ли трансцендентальная философская модель мышления включать только два элемента: мыслимое и мыслящее, или – пользуясь традиционной философской терминологией – объект (O) и субъект (S). **Субъектом может быть Бог, суперкомпьютер, океан Соляриса, Робинзон Крузо** – ряд возможных значений этой переменной можно, наверно, продолжить.

Более того, в качестве частного случая этой модели можно рассмотреть именно Солярис (понятно, что я имею в виду сюжет одноимённого романа Станислава Лема) до появления обитаемой

станции землян на его орбите. Что значило для этого океана мыслить? Мы знаем, что он обладал способностью создавать материализованные образы или образцы чего-то. В данном случае мы имеем модель полного тождества мысли и действия, и мне трудно представить, на каком основании сам «мыслящий» океан в своём космическом одиночестве мог бы рассматривать создание материализаций как «мышление» (то же может относиться и к Богу). На основании какого критерия он мог бы разграничивать: вот здесь я мыслю, а здесь – действую? Это образотворение могло обрести статус мышления – или лучше сказать, быть интерпретированным таким образом кем-то другим – только с появлением землян, когда океан, *согласно их предположению*, стал использовать свои материализации как сообщения, т. е. для коммуникации.

Сделаем небольшой подарок сторонникам «одинокое мышления» и предположим, что океан Соляриса, прежде чем произвести на свет «гостей», сначала создавал их «образы» в каких-то своих внутренних биоэлектрических процессах – или, как предполагается в романе, непосредственно копировал их из «сознания» землян. Тогда, я предчувствую, они нам радостно объяснят, что, когда он делал это, так сказать, «в электричестве», он *мыслил* в собственном смысле слова, а когда уже «в материале» – он *коммуницировал*, поскольку использовал наблюдаемые формы в качестве знаков языка.

Но, чтобы воспроизвести модель этой ситуации, вовсе не обязательно летать так далеко через Вселенную, а достаточно – мне и моим коллегам – взглянуть на собственное орудие производства: компьютер с подключённым к нему принтером. Все мы знаем, что, прежде чем отправить документ на печать, компьютер (или его софт? Или это метафизический вопрос?) сначала создаёт некий виртуальный «образ» документа, который только и понятен принтеру (поскольку, например, сам формат MS Office™ или OpenOffice™ принтер не понимает) и только с него, этого образа, появляются буквы на бумаге. Получается, что и компьютер *мыслит*, почти как океан Соляриса, а затем каким-то образом *коммуницирует* с принтером.

Однако, как и в случае с луноходом, здесь мы склонны рассматривать этот процесс как исключительно естественно-причинный (хорошо, *искусственно-причинный*, что концептуально ничего не

меняет), поскольку речь идёт о железках. Если есть какой-либо изоморфизм между электрическим «образом» и вещественным «продуктом» (а иначе какой же он образ?), то и порождение образа, и его «материализация», интерпретируются нами исключительно технологически, как производство оттисков, и тогда биоэлектрические процессы на Солярисе не в большей степени суть мысли о людях, чем, например, типографская матрица есть мысль о печатаемой книге. Неужели кому-то может быть непонятно, что внутренняя «технология» образотворения океана в романе Лема никакого отношения к мышлению (как концепту) не имеет, что о мышлении его мы можем осмысленно говорить, только когда (и если) он с помощью этих образов пытается что-то сказать людям?

Сторонники «одинокое мышления» склонны определять его не только как разновидность «психического образа», но и как «внутреннее движение смыслов» или что-то в этом роде. Как я, надеюсь, уже показал, никакое удвоение мира по принципу «внешний-внутренний», «объективный-субъективный» абсолютно ничего не добавляет к пониманию концепта мышления, поскольку принципиально такие же схемы реализованы в технических устройствах и в экстравагантных существах из фантастических романов. Но внутренне мы готовы признавать такое удвоение «мышлением» только при наличии определенного антропоморфизма или, как минимум, биоморфизма подобных «субъектов» – установка, которую можно объяснить только определёнными онтологическими (мировоззренческими) презумпциями.

Всю эту «внутреннюю жизнь» субъекта можно интерпретировать двояко: как ту или иную разновидность «отражения» реальности или как означивание её, подчиненное определённым семантическим правилам. Иначе говоря, «внутренние смыслы» – это (1) образы или (2) знаки мира. Если (1), то имеет силу вся предыдущая аргументация: само по себе наличие внутренних образов не превращает происходящее в мышление.

Автор, заставший эпоху луноходов, конечно, помнит и «ленинскую теорию отражения», составлявшую основу теории познания в диамате. Вкратце, её суть сводится к следующим тезисам:

(а) свойство отражения присуще всей материи на всех ступенях её развития (а всё в мире есть развивающаяся материя);

(β) как свойство (функция) высокоорганизованной материи отражение становится сознанием (мышлением).

На мой взгляд, создатели этой монументальной теории упустили одно важное соображение логического порядка: если для того, чтобы отражение стало сознанием, необходима высокоорганизованная материя, то именно она – её специфические свойства, – а не отражение как таковое является объяснительным принципом сознания. Иными словами, для сознания существенно не то, что оно «тоже отражение», а те специфические свойства «высокоорганизованной материи», которые детерминируют его видовые отличия. Поэтому *теория отражения* ничего существенного о *сознании* сказать не может. Для этого нужна теория «высокоорганизованной материи».

Если же (2), то мы имеем дело с чем-то вроде дублирующего языка, предназначенного, так сказать, «для понимания», который существует наряду с обычным внешним языком «для общения». Возникает парадоксальная ситуация: чтобы понять некое внешнее высказывание, нужно перевести его на внутренний, мне понятный, язык. Но как я могу понимать этот язык? Не путём ли перевода его на ещё более внутренний и ещё более мне понятный? Как на ладони, виден путь в дурную бесконечность. Кроме того, вступает в силу аргумент Витгенштейна против приватного языка²¹: значение есть употребление согласно правилу, а правилу невозможно следовать в одиночку.

Да, я подвожу читателя к той мысли, что мышление *концептуально* не мыслимо вне коммуникации. Иногда борцы с «коммуникативной программой» пытаются (с помощью изошрённой, но всё же не слишком последовательной школьной логики) доказать, что каждое отдельное высказывание *эмпирически* возможно вне коммуникативного контекста (вне присутствия «другого»), а, следовательно, неверно утверждение, что никакое мышление невозможно вне коммуникации²². Безусловно, ни у кого нет сомнения в том, что современный развитый человек способен сказать что-то самому себе – вслух или даже не раскрывая рта – и быть собою адекватно понятым. Да, каждый из нас может довольно долгое время находиться в одиночестве, без зримого, эмпирического присутствия какого-либо «другого», и, тем не менее, в своей «внутренней речи» (Выготский) нашёптывать себе какие-

то высказывания, которые не будут бессмысленны. Некоторые даже именно такую ситуацию склонны ассоциировать с понятием «мышление».

Однако спросим себя: а что именно делает эти высказывания «мыслями»? Если я, сидя в одиночестве, настойчиво повторяю про себя: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» – *мыслю* ли я то, что утверждается в этих строках? Возможно, я повторяю заученное к завтрашнему уроку или просто пытаюсь чем-то занять праздный ум. Или я говорю себе: «А всё-таки, чёрт возьми, Волга впадает в Каспийское море». В этом случае я *подразумеваю* то, что говорю, поскольку в каком-то смысле я *заинтересован* в содержании произносимого мною. Наверное, это именно то, что называется интенциональностью²³. Но сама возможность интенциональности есть производная от двух принципиальных обстоятельств, характеризующих *наш* мир (O): (a) Волга может и не впадать в Каспийское море, и (b) возможен некто другой (S₂), который, в отличие от меня (S₁), не знает или не считает (не *мыслит*), что Волга впадает в Каспийское море.

Этот комплекс обстоятельств определяет комплекс вопросов, стоящих перед субъектом (S₁). Ответы последнего на эти вопросы и составляют *акты его мышления* или *состояния его знания*.

A. Всякая мысль *p* имеет следующую априорную форму: **имея (*p* или *не-p*), верно, что *p*.**

B. Всякое знание имеет следующую априорную форму: **я знаю, что *p*, если верно, что *p*, и есть некто, кто, возможно, не знает, что *p*.**

Пока только принцип *B* имеет очевидно «коммуникационную» формулировку. Принцип *A*, могут мне возразить, – это просто тавтология: ($p \rightarrow (p \vee \sim p)$). Однако **взглянем повнимательнее на обстоятельство (a)**. Очевидно, что для лунохода из одного из предыдущих примеров оно не существенно. Для того, чтобы зарегистрировать $P(x_1, y_1) = a_1$ или даже $P(x_{n+1}, y_{n+1}) > P(x_n, y_n)$ ему не нужно предполагать возможность альтернатив. Оно становится существенным, если имеется еще один луноход, который, например, идя по другой траектории, может не согласиться с тем, что $P(x_{n+1}, y_{n+1}) > P(x_n, y_n)$. Именно в этом случае указанная формула обретает статус мысли. И не так уж важно, насколько «высокоорганизованной материей» являются наши многоколёсные диспутанты.

Наконец, попытаемся сформулировать выводы, к которым нас привела эта несколько несистематичная попытка рассуждения на тему оснований знания о человеке. Мы исходили из того, что правильная стратегия такого обоснования должна выглядеть следующим образом:

(1) «картезианские размышления» о мышлении и знании без предварительного атрибуирования их какому-либо эмпирическому субъекту (собственно философия);

(2) интерпретация полученных результатов на эмпирически данных существах вида *homo sapiens*, с которыми субъект мышления и знания себя ассоциирует, и которые поэтому являются в каком-то смысле привилегированными объектами (философская антропология);

(3) использование результатов (1) и (2) в обосновании конкретных эмпирических наук о человеке – гуманитарных наук.

Такая последовательность обусловлена стремлением избежать философского догматизма – в случае реализации (2) на первом этапе – и размывания природы философского знания через попытки обоснования его данными эмпирических наук – что было бы неизбежно, если бы мы начали с (3).

Оговоримся, что последовательность изложения не обязательно должна совпадать с логикой обоснования – она у нас и не совпала. Тема (1) раскрылась только в конце статьи, а проблемы (3) мы вообще вынесли за скобки, оставив их для отдельного углублённого исследования.

По результатам обсуждения я предложил бы считать обоснованными следующие положения.

1. Опорные философские концепты *мышления* и *знания* не мыслимы вне коммуникационного контекста.

2. Философская антропология подвергает философской рефлексии онтологические презумпции относительно человека, существующие в различных культурах. Правильная – не догматическая – философская антропология может описывать свой предмет только как «человека коммуницирующего».

3. Необходима общая теория коммуникации, которая могла бы выступить в качестве метатеории – в широком смысле слова, включающем методологию, – конкретных наук о человеке. В ка-

честве её концептуального каркаса могла бы подойти семиотическая теория культуры, развитая Московско-тартуской семиотической школой.

Безусловно, было бы проявлением непростительного догматизма и самонадеянности считать предложенное обоснование окончательным, а приведённые тезисы непогрешимыми. Однако я надеюсь, что мои скромные попытки повлияют на философские дискуссии по данной теме, обогатив их новыми аргументами и уточнениями известных мыслей.

Примечания

- 1 *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // *Кант И.* Собр. соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
- 2 Анализ этой и некоторых других его работ по философской и естественной антропологии см. в статье М.С.Киселёвой: *Киселёва М.С.* Антропология как дисциплина: прагматический проект И.Канта // *Человек.* 2010. № 2. С. 116–128.
- 3 *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1965. С. 365.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 375.
- 6 *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus. С К Ogden, 2003, § 6.33–6.34.
- 7 *Wittgenstein L.* On Certainty. Oxford, 1998.
- 8 *Ibidem.* § 83.
- 9 *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Oxford, 1999.
- 10 *Wittgenstein L.* On Certainty. § 234.
- 11 *Ibidem.* § 307.
- 12 *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus. § 1.21.
- 13 *Wittgenstein L.* On Certainty. § 315.
- 14 *Ibidem.* § 94.
- 15 *Ibidem.* § 96.
- 16 *Ibidem.* § 98.
- 17 *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970. С. 15.
- 18 *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 172.
- 19 См., например: *Павленко А.Н.* Коммуникативный острог // *Логико-философские исследования.* М., 2010.
- 20 *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. §§ 6, 56, 366–370, et al.
- 21 *Ibidem.* §§ 256–275.
- 22 *Павленко А.Н.* Коммуникативный острог. С. 169–173
- 23 Е. г.: *Anscombe G.E.M.* The Intentionality of Sensation: A Grammatical Feature // *Ronald J. Butler* (ed.), *Analytic Philosophy.* Blackwell, 1965; *Searle, J. R.* Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1982, et al.

Наталья Смирнова

Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций

«Деградация социального» и ее культурно-антропологические последствия

Актуализация проблемы философского и социально-научного анализа социальных коммуникаций обусловлена переходным характером современной социальной организации. Современные тенденции развития от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу инспирируют масштабные мутации модернистских универсалий культуры, включая и фундаментальную для культурно-антропологического анализа – «социальное отношение». Подобный сдвиг от устойчивых форм социальных связей, основанных на жесткой социально-классовой структуре, к постиндустриальному плюрализму эвентуальных (от случая к случаю) социальных взаимодействий, укорененных в коммуникативных практиках социального конструирования реальности, инспирировал постмодернистские представления о «закате социальности» как глобальной проблеме современности.

Один из наиболее глубоких критиков современного общества З.Бауман¹ описывает симптомы деградации социальных коммуникаций и наступление эры «радикальной индивидуализации» как фрагментацию личной и общественной жизни, стремление отказать от долгосрочных целей ради достижения немедленных результатов. Наше общество, полагает он, быть может, первое в истории, не вознаграждающее за отказ от получения немедленных результатов в пользу перспективных целей – лозунг «все сразу» стал символом современного потребительского общества. Деградация социальных связей выражается и в размывании границ меж-

ду частным и общественным, подмене социальных задач личными и социально-групповыми устремлениями. Общественный интерес деградирует до уровня любопытства к частной жизни публичных персон, а личная жизнь человека становится «биографическим разрешением системных противоречий, к возникновению которых он по большей части не имеет никакого отношения»². Проявлением тенденции «деградации социального» является и возрастающая тенденция к самодостаточности экономических, и, прежде всего, финансовых процессов, тогда как собственно социальное начало становится все менее значимым.

На фоне культурно противоречивых процессов деградации социальных коммуникаций заметно оживились неoarхаические тенденции. «Средние века уже начались», – констатирует У.Эко, имея в виду и возрождение корпоративного духа среди имущих, и усиление социально-культурного локализма, и потерю контроля над большинством социальных процессов, ранее казавшихся вполне «прозрачными»³. Компаративный цивилизационный анализ позволяет диагностировать возрождение характеристик глубоко архаичных структур традиционалистского сознания: утрату заповедных зон публичной презентации и артикуляции в культуре, «расколдование» культурно обузданных проявлений чувственных влечений, эстетизацию примитива.

В социально-психологическом плане деградация социальных коммуникаций сопровождается возрастающей неопределенностью и незащищенностью человека перед лицом не контролируемых им перемен. Идеологи постмодернизма стремятся представить такое социальное самочувствие человека как «естественное», призывая его получать «удовольствие от риска». Современный социум все более утрачивает устойчивые социальные общности – узелки невидимых нитей социальной ткани. Размывание стабильных структур социальной идентификации (классов, социальных «прослоек», страт и т. п.) приводит к тому, что социальное самочувствие человека приобретает черты болезненной неустойчивости ввиду утраты устойчивых форм коммуникативной поддержки субъективной реальности.

Отмеченные тенденции радикальных трансформаций социальных коммуникаций и порожденный ими запрос на поддержание социальных коммуникаций – невидимых нитей социальной

ткани – выдвигают в фокус философского анализа человека и общества проблему когнитивной природы и сущности социальных коммуникаций. Эта проблема имеет междисциплинарный статус. И углубленный философский анализ в состоянии задать концептуальные рамки междисциплинарного исследования этой проблемы.

Наиболее глубокую разработку проблем социальных коммуникаций можно обнаружить в социальной феноменологии. Специфика социально-феноменологического подхода к анализу сущности социальных коммуникаций состоит в том, что, проблематизируя саму возможность социальных коммуникаций (в кантовском смысле), она исследует *предельные основания социальности* как таковой.

Как возможны социальные коммуникации?

Культурно-антропологическим содержанием процессов социальной коммуникации является *трансляция человеческих смыслов*. В рамках гуманитарно-ориентированного анализа смысл – важнейший персонаж философского учения о человеке. Он задает собственно человеческую, гуманитарную размерность культурных артефактов человеческого познания и деятельности. Социально-культурная реальность – это «мир, светящийся смыслом» (М.Натансон). В философской картине мира смысл опосредует онтологический зазор между бытием и сознанием. «Сознание (переживание) и реальное бытие – это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы, один подле другого, порой «сопрягаясь», порой «сплетаясь» друг с другом... – убежден Э.Гуссерль. – Между сознанием и бытием поистине зияет пропасть смысла»⁴. И социальная «продвинутость» современных обществ, их готовность ответить на коммуникативные вызовы современности в значительной мере обусловлена эффективностью социально-го конструирования каналов рациональной трансляции смыслов.

Философское осознание роли смысла как атрибута культурных артефактов человеческого познания и деятельности исторически изменчиво, относительно к цивилизационным параметрам. Свойственный индустриальной цивилизации образ природы и общества как упорядоченных систем, управляемых объективными

законами, инспирировал установку на переделку мира и самого человека. Активистски-деятельностный подход, как форма философской рефлексии над проективно-преобразовательными практиками модернистского социума, абстрагирован от ценностно-смысловых характеристик человеческой деятельности. В настоящее время коммуникативно-смысловая парадигма неклассической науки и философии значительно потеснила традиционный «деятельностный» подход, выражавший преобразовательные устремления к переделке природы, общества и самого человека. Корректировка ценностей и жизненных смыслов индустриальной цивилизации в условиях информационного общества инспирировала культурный запрос на «человекообразные» подходы в социальной философии, культурной антропологии и когнитивных науках о человеке. Далее мы рассмотрим одну из наиболее философски изощренных концепций социальных коммуникаций – *социально-феноменологический подход* как теоретический синтез трансцендентальной феноменологии Э.Гуссерля и понимающей социологии М.Вебера.

Конститутивным для социально-феноменологического проекта является *коммуникативно-смысловой подход* к анализу социальной реальности. Заимствованные у Э.Гуссерля кантианские презумпции социальной феноменологии обусловили «возвратный» способ постановки проблемы социальной коммуникации: как возможны социальные взаимодействия в принципе? На чем основана сама возможность коммуникативного отклика партнера по социальному взаимодействию? И если когнитивным условием возможности социальных коммуникаций является взаимопонимание, то каковы фундаментальные основания (трансцендентальные предпосылки) понимания в социальном мире? Анализ социально-феноменологического проекта дает богатый и, на наш взгляд, не вполне освоенный когнитивными науками о человеке материал для углубления теоретических представлений о механизмах социальных коммуникаций как сущности социального бытия человека.

Предметом социальной феноменологии является смысловая структура социальной реальности – «*Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*»⁵. Применительно к анализу социальных коммуникаций социально-феноменологическая ориентация на постижение *смысловой структуры* социального мира означает, что как сама

коммуникативная ситуация, так и вовлеченные в нее объекты природы и культуры имеют разное *значение* для коммуникативных партнеров. Источник подобного различия коренится в том, что ситуация, в которой находятся коммуникативные партнеры, является для каждого из них *биографически детерминированной*. Это означает, что личный опыт проживания человека в социальном мире опосредует любые формы его восприятия путем придания им биографически определенных *субъективных значений*. Это «отвердевшая» в памяти человека история его жизни, выступающая эталоном оценки наличных восприятий. «Иерархия» субъективных значений не остается неизменной: человек всю жизнь вынужден неосознанно «переписывать» свою духовную биографию, чтобы согласовать сложившуюся систему субъективных значений со вновь обретенным коммуникативным опытом. Динамизм биографически определенных ситуаций привносит дополнительные трудности в анализ феноменологических предпосылок социального взаимодействия. Но для анализа простейшей его модели достаточно зафиксировать тот факт, что *биографически определенные ситуации коммуникативных партнеров, укорененные в наиболее значимых переживаниях их жизни, различны*. Поэтому первая трудность, с которой сталкиваются коммуникативные партнеры, состоит в том, что, находясь в биографически определенных ситуациях, они не в состоянии воспринимать одну и ту же ситуацию абсолютно одинаково, поскольку приписываемые ей субъективные значения различны, по крайней мере, до некоторой степени.

Эксплицируя предпосылки социальных коммуникаций, социальная феноменология постулирует возможность преодоления различий индивидуальных перспектив пространственного видения и биографической обусловленности восприятия в коммуникативной ситуации с помощью двух идеализирующих допущений: *взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности*. Взаимозаменяемость точек зрения (*interchangeability of the standpoints*) означает, что я полагаю само собой разумеющимся (и ожидаю, что другой делает то же самое), что различия наших пространственных положений по отношению к объекту не препятствует его восприятию в одной и той же системе типизаций. Соответствие систем релевантностей (*congruence of the system of relevances*) означает, что пока не доказано обратное, я считаю (и

полагаю, что другой делает то же самое), что укорененное в биографически определенных ситуациях различие восприятий коммуникативной ситуации не препятствуют выполнению нами общей задачи. Мы оба отбираем и интерпретируем общие объекты и их характеристики одним и тем же способом, или, по крайней мере, в «эмпирически идентичной манере», достаточной для всех практических целей⁶. Приведенные выше идеализирующие допущения позволяют рассматривать коммуникативную ситуацию как *интерсубъективную*, т. е. не зависящую от того, каким образом определяет ситуацию коммуникативные партнеры, их положения в пространстве и уникальных биографических особенностей.

Социально-феноменологический анализ прямых социальных коммуникаций

Идеализация взаимности перспектив предполагает, что коммуникативным партнерам доступна телесность друг друга с симптомами внутренней жизни чужого сознания. Подобная ситуация непосредственной данности друг другу в пространстве общего восприятия, благодаря которым тела партнеров становятся полем выражения их субъективного опыта, принято называть ситуацией «лицом-к-лицу» (face-to-face). Это фундаментальная идеализация феноменологического анализа социальных коммуникаций. Ситуация лицом-к-лицу представляет собой типизацию множества эмпирически различных ситуаций, в которых субъективность коммуникативных партнеров максимально открыта. Конечно, быть лицом-к-лицу с человеком, которого любишь, и со случайным дорожным попутчиком – разные (по субъективным смыслам) типы взаимодействий, но с одинаковой структурой презентации в опыте.

В ситуации лицом-к-лицу, в которой коммуникативным партнерам максимально открыты проявления чужой субъективности, игру черт лица и жестов можно понять по аналогии с собственным опытом эмоционального самовыражения. Но коммуникативный партнер может имитировать кого-то, выступая «симулякром» другого, лукавить, скрывая свои подлинные намерения, наконец, использовать языковые знаки в целях языковой игры. Подобную ситуацию с гениальной психологической тонкостью описал

М.Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Римский прокуратор Понтий Пилат в беседе с начальником тайной стражи Афранием на словах выражает озабоченность якобы готовящимся покушением на Иуду. На самом же деле ценой тонких словесных ухищрений и денежных посулов он пытается донести до рыцаря плаща и кинжала совсем иной наказ: отомстить Иуде за его предательство. Афраний не сразу схватывает потаенный смысл Пилатова замысла, ибо прямое значение прокураторских слов расходится с навязанными языковой игрой. Пилат усиливает напряжение словесной игры, основанной на рассогласовании прямого и символического значения слов, подкупая потенциального мстителя щедрыми обещаниями. «Так убьют, игемон?» – восклицает прозревший, наконец, Афраний и отправляется исполнять тайное поручение.

Дальнейшие действия свидетельствуют о том, что рыцарь плаща и кинжала *понял* подлинный смысл приказа, вопреки словесному наказу предотвратить убийство, т. к. на практике смог «включиться в игру» и осуществить задуманное Пилатом. Прибегнув к помощи возлюбленной Иуды, дабы заманить того в западню, он категорически отвергает предложенную прокуратором официальную версию убийства из ревности и с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как о дерзости убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника.

Существует множество уровней понимания чужого действия. Коммуникативный партнер не должен и даже не в состоянии постичь всего многообразия мотивов другого в горизонте собственного опыта, т. к. абсолютно адекватное понимание потребовало бы полной идентичности их систем биографически обусловленных субъективных значений. Поэтому для коммуникативных целей достаточно редукции действия коммуникативного партнера к типичным субъективным мотивам, т. е. их отнесение (референцию) к типичным ситуациям, типичным целям и типичным средствам⁷. Так, большинство тех, кто не имеет собственных детей, в состоянии понять смысл высказывания «мать заботится о здоровье своего ребенка».

Существуют и разные уровни осведомленности о самом действующем лице, различные степени осведомленности и отчужденности: от близкого друга до случайного попутчика. Но чтобы

понять типичные мотивы коммуникативного партнера, нет необходимости знать его лично. Можно, к примеру, понять действия исторической личности, жившей задолго до нас, или лично не знакомого нам публичного политика. Мы не можем знать, о чем они думали, но в состоянии приписать их действиям *типичные мотивы*. Понять анонимного коммуникативного партнера – значит интерпретировать его деятельность в категориях типичной мотивации. Я могу понять смысл высказывания «Франция опасается перевооружения Германии», не будучи ни немцем, ни французом, утверждает А.Шюц.

В ситуации лицом-к-лицу коммуникативное взаимодействие является сравнительно «мягким». Ему трудно навязать жесткие образцы (коммуникативные паттерны). Даже если ситуация организована как «жесткая» (напр., по типу армейской иерархии), свойственные ей образцы взаимодействий в процессе обмена значениями неизбежно «размягчаются». Но и коммуникация лицом-к-лицу предполагает наличие типизированных схем. Однако эти схемы более пластичны, более доступны взаимному наложению (интерференции), чем в отдаленных (непрямых) формах социальных взаимодействий. Тем не менее, «наиболее важный коммуникативный опыт имеет место в ситуации лицом-к-лицу, – убеждены П.Бергер и Т.Лукман. – Все остальные типы социальных коммуникаций производны от него»⁸.

Непосредственная данность коммуникативных партнеров в ситуации лицом-к-лицу конституирует специфическую интенциональность подобных ситуаций – ориентацию на партнера как целостную личность – Ты-ориентацию (Thou-orientation). Она представляет собою совокупность тех интенциональных актов, в которых его схватывает наличие другого в поле собственного восприятия. В Ты-ориентации коммуникативный партнер лично ориентирован: он взаимодействует с конкретным человеком, а не социальным типом. Взаимная ориентация на коммуникативного партнера в Ты-ориентации (Thou-orientation) порождает Мы-отношение (We-relationship) – конститутивное основание социальных коммуникаций любого типа.

Для реконструкции совместного опыта Мы-отношений необходимо сместить фокус внимания коммуникативных партнеров друг с друга на само взаимоотношение. По мере рефлексивного

достижения Мы-отношений ослабевает персональная вовлеченность в них каждого из партнеров. Чем более один из них сосредоточен на самих отношениях, тем в большей мере он превращает другого в объект.

Мы-отношение является фундаментальным для реализации человеческой способности к самоопределению, социальной идентификации. Лишь относясь к другому как к уникальной личности, человек обретает возможность индивидуализироваться, оттачивать собственные личностные характеристики. Высокоразвитой индивидуальности, быть может, и не нужны постоянные «живые» коммуникации. Но ресурсы даже и такой личности не безграничны. Воображая, что обрел в себе архимедову точку опоры, человек закрывает себе путь к дальнейшему саморазвитию. В патологических случаях он утрачивает способность отличать желаемое от действительного, себя от других. Даже границы собственного тела могут утратить для него определенность⁹. Неспособность поддерживать общение, убеждены социальные психологи, блокирует самоидентификацию и чреват кризисом персональной идентичности.

Типичным образцом повседневного общения являются повседневные беседы. Утверждению о том, что один коммуникативный партнер понимает смысл речи другого, в социальной феноменологии присущ двоякий смысл: объективный – понимание произносимых слов на основе их словарных значений, и субъективный – понимание того смысла, что вкладывает в свои слова сам говорящий. Чтобы схватить субъективный смысл, необходимо интерпретировать интенциональные акты говорящего, соответствующие выбору его слов. Понимание возможно в той мере, в какой говорящий и слушающий в состоянии постичь содержание субъективных значений друг друга. Анализ этого вопроса отсылает нас к социально-феноменологической концепции речевых коммуникаций.

Язык как средство трансляции субъективных значений

Развитые социальные коммуникации основаны на использовании знаков и знаковых систем. Знак, используемый в коммуникации, адресован индивиду или анонимному интерпретатору. Коммуникация будет успешной, если коммуникативный знак предва-

рительно проинтерпретирован тем, кто его использует, в терминах ожидаемой интерпретации адресата. Феноменологически это означает, что *тот, кто использует знак, должен предвосхитить апперцептивную и референциальную схемы его интерпретации*. Иными словами, использующий знаки в коммуникативных целях должен предвосхитить, «как слово наше отзовется», предварительно «отрепетировать» их ожидаемую интерпретацию коммуникативным партнером. Коммуникация будет успешной, если интерпретативная схема использующего коммуникативный знак и та, которую, как ожидается, использует интерпретатор, существенно совпадают.

В силу обусловленности интерпретативных схем коммуникантов персональной системой субъективных значений их абсолютное совпадение невозможно. Различие систем субъективных значений полагает предел абсолютному успеху коммуникации. Но коммуникация может быть и действительно является успешной в высокоформализованных и стандартизированных языках, например, с использованием научной и технической терминологии. Практическое следствие подобных рассуждений состоит в том, что, успешная коммуникация возможна лишь между персонами и социальными группами, разделяющими существенно сходную систему типизаций и релевантностей. Чем больше сходства между ними, тем выше вероятность успешной коммуникации. «Коммуникативный императив» социальной феноменологии гласит: *соответствие смыслового контекста интерпретативных схем определяет условие и границы возможной коммуникации, т. е. способности партнеров адекватно понимать друг друга*.

Наиболее распространенным типом коммуникаций являются упомянутые выше *повседневные беседы*. С социально-феноменологической точки зрения процесс беседы – это взаимный обмен субъективными смыслами. В повседневных беседах люди, как правило, не дают ни определения мира, ни оценки собеседника и самих себя. Но повседневные беседы ведут с позиций определенных представлений о мире, себе и других, молчаливо принимаемых говорящими как сами собой разумеющиеся. Ибо любое высказывание «встроено» в определенную картину реальности, в рамках которой оно только и осмыслено.

Посредством обмена субъективными значениями осуществляется *коммуникативная поддержка субъективной реальности*. Самооценка, которую, как правило, поддерживает в человеке его собеседник, постоянно убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает («короля играет свита»). И хотя коммуникативная поддержка субъективной реальности в процессах повседневных бесед является неявной (латентной), значение беседы для поддержания субъективной реальности и всей системы социальных коммуникаций столь велико, что Г.Сакс, к примеру, определяет повседневную жизнь как «линейный порядок практик беседы»¹⁰. Он не без основания полагает, что исследование повседневных речевых структур (конверсационной логики) и воплощенного в них «фонового» (неявного) знания способствует выявлению смысловой структуры социальной реальности – того «само собой разумеющегося», которое и позволяет коммуникативным партнерам понимать друг друга «с полуслова». Именно это знание и составляет значительный массив когнитивного фундамента повседневных коммуникаций.

Ситуативная детерминация значений: эмерджентные коннотации и схема выражения

Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуационно-интеракционистский подход к значению. Это означает, что в ее рамках значения языковых знаков рассматриваются не как жестко фиксированные, но как обусловленные, по меньшей мере, частично, коммуникативной ситуацией. Ситуативно релевантное употребление языковых знаков определяет как выбор подходящего слова из словаря, так его эмерджентные смысловые оттенки. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»¹¹, – убежден Г.Гарфинкель. Устойчивое же ядро референтных значений, зафиксированное в словарях, воплощает *типизированный* опыт использования слова лингво-коммуникативным сообществом и не исчерпывает собою всей полноты его значения в конкретной ситуации речевого общения. Для адекватного понимания слов коммуникативного партнера необходимо принять во внима-

ние его *ситуативные коннотации*, выражающие личный опыт использующего слово человека применительно к конкретной ситуации речевой коммуникации¹².

На относительное рассогласование субъективного и интерсубъективного значения слова в конкретной ситуации его использования в отечественной литературе обратил внимание А.Р.Лурия. «Значение» есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех, людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное «ядро» – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор рассматривает и субъективную проекцию значения, обозначаемую термином «*смысл*». В отличие от значения, смысл – *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если «значение» слова является интерсубъективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации¹³. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего языкового сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека и конкретной ситуации его использования. В социальной феноменологии этому различению соответствуют понятия *объективного и субъективного значения*.

Любой естественный язык, как правило, содержит слова с различными оттенками значений (коннотациями). Смысловые коннотации детерминированы коммуникативным контекстом и имеют специфически «ситуативную» окраску в каждом отдельном случае их употребления. Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Они образуют смысловую ауру вокруг ядра устоявшегося «словарного» значения слова – лексически не выразимые смысловые импликации. Эмерджентные смыслы намекают, но «не говорят». Их можно выразить невербально (взглядом, жестом, танцем), положить на музыку и т. п. На ауре маргинальных смыслов построена вся мировая поэзия.

Не называя вещи своими именами, они позволяют «создать настроение» – эмоциональную и аффективную ауру художественного текста или живого общения.

Не существует установленных правил выбора смысловых коннотаций для различных ситуаций речевой коммуникации, т. к. значение знака детерминировано не только взаимным отношением знаков, но и тем, как их используют. Употребление слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его определением наличной ситуации речевого общения. Язык каждый раз рождается заново в процессе его использования: устоявшиеся словарные значения слов претерпевают коннотативный «сдвиг значений» применительно к той или иной ситуации речевой коммуникации. Почерпнутые из коммуникативного опыта эмерджентные смыслы обеспечивают дополнительную «ситуативную» окраску каждому отдельному случаю употребления слов естественного языка. Ситуативно-обусловленные смыслы необходимо принять во внимание не только для адекватного понимания повседневных бесед, но и в изучении смысловых аспектов социальных коммуникаций в целом.

Эмерджентные смыслы невозможно деконтекстуализировать, т. е. понять на основе интересубъективных словарных значений в отрыве от конкретной ситуации речевой коммуникации, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – убеждены Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. В основе же этой антиномии, полагают названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа»¹⁴, до сих пор не исследованная в должной мере. Ибо приписывание прямого (словарного) значения идиоматическим выражениям ведет к бессмыслице.

Спектр возможных смысловых коннотаций «словарных» значений образуют специфическую матрицу разговорного языка, в социальной феноменологии называемую «схема выражения». Она может иметь персональный, социально-групповой характер или принадлежать лингвистическому сообществу в целом. Но даже и в последнем случае схема выражения транслируема ис-

ключительно в коммуникативном процессе и не может быть почерпнута лишь из словаря и грамматики. «Для того, чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А.Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выругаться»¹⁵. Ибо экспрессивная и интерпретативная схемы естественных языков постигаются лишь в коммуникативном опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

Непрямые речевые коммуникации

Как вариант неклассической когнитивной установки социальная феноменология отвергает свойственную классической науке метафору языка как неискажающего переносчика социальных значений – идеального подобия светоносного эфира классического естествознания. Она вводит сильное идеализирующее допущение: *непрерывным условием адекватного восприятия речи является совпадение, по меньшей мере, частичное, упомянутых выше схем выражения*. Совпадение схем выражения в просторечье означает, что люди «говорят на одном языке». В ситуации лицом-к-лицу, где симптомы чужой субъективности максимально открыты, в этом, как правило, можно убедиться, наблюдая за выражением лица коммуникативного партнера. Говорящий интерпретирует реакцию партнера как гнев, отчаяние, безразличие и т. п. аппрезентативно, т. е. на основании «эмпирически сходной манеры собственной телесной экспрессии». Но восходящая к Э.Гуссерлю феноменологическая теория аппрезентации содержит ограничение: для того, чтобы подобная интерпретация чужой телесной экспрессии стала возможной, использующий коммуникативные знаки должен иметь сходные переживания в личном опыте (биографической ситуации). Ибо наличие гуссерлевского «первого творения» (в данном случае – опыта собственного переживания) – непременное условие феноменологически понятой аппрезентации.

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации непрямых социальных взаимодействий. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру (т. е. за пределами ситуации лицом-к-лицу), использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением его

лица и телесной экспрессией. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных значений в самом процессе языковой коммуникации. Поэтому чтобы быть правильно понятым, говорящий должен провести воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. осуществить антиципацию аппрезентативной и референциальной схем выражения своего адресата – предвосхитить, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом, то использующий языковые знаки должен по возможности придерживаться их интерсубъективного, «словарного» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, тем более «объективно» следует использовать языковые знаки.

Усвоение языковых правил сходно с усвоением норм: и то, и другое предполагает умение интерпретировать. Ребенок должен учиться интерпретировать общее правило или норму вкупе с конкретными примерами их употребления. «Члены общества, – убежден А.Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»¹⁶. Правила, следовательно, всегда требуют осознания некоторых особенностей, которые определяют пригодность этих правил в каждом конкретном случае.

В философско-методологическом плане это означает, что универсалистские претензии классической социальной теории на открытие «всеобщих и необходимых законов» социальной жизни в рамках социальной феноменологии замещаются исследованием «правил интерпретации». При этом любые интерпретации рассматриваются как временные конвенции, которые могут быть приняты лишь до тех пор, пока не заменены последующими интерпретациями, отвечающими более глубокому пониманию предмета. И задача методолога – изучать социально-культурную обусловленность (культурные детерминанты) различных интерпретаций в типизированных (интерсубъективных) способах мышления и деятельности¹⁷.

Благодаря способности преодолевать ситуативную ограниченность отдельных актов коммуникации, естественный язык в состоянии наводить мосты между различными пластами человеческого опыта – конечными областями значений (*finite province*

of meaning). При этом естественный язык служит проводником из одной конечной области значений в другую, напр., из области грез, научного исследования или религиозного опыта в сферу повседневной жизни. Можно интерпретировать, например, значение сна или игры, выразив их содержание в обыденном языке повседневной жизни. С помощью языка можно связать эстетический и религиозный опыт, введя его образы в структуру повседневного мышления. Наконец, формализованный язык науки также основан на повседневном обыденном языке – попытки логических позитивистов создать особый язык-объект науки, не зависимый от естественного, не увенчались успехом.

Исследования А.Шюцем практики речевого взаимодействия в повседневной жизни развивает далее представитель «поздней» социальной феноменологии А.Сикурел. Он опирается на современные ему работы в области лингвистики, также основывающиеся на ситуационно-интеракционистском подходе к значению¹⁸, и развивает этот подход в соответствии с собственным когнитивным проектом. А.Сикурел подвергает критике присущую структурному функционализму нормативную установку, ориентирующую исследователя на то, чтобы ограничиться формулировкой всеобщих правил и оставить «в слепом пятне» способы их функционирования и интерпретации. Но в отличие от фиксированного правила, действие, в том числе речевое, носит спонтанный характер и обусловлено множеством жизненных обстоятельств, отсутствующих в формулировке правила. Действие может лишь отчасти следовать правилу. Между ними – неустранимый зазор, преодолеваемый – в случае успешного действия – личным усилием говорящего-действующего. А.Сикурел¹⁹ обращает внимание на тот факт, что сами по себе всеобщие правила, функционирующие в виде ценностей и норм, не содержат сведений о том, как их использовать на практике, т. е. применять в каждом отдельном случае. Знание того, как использовать правило или словесный знак, всегда контекстуально. Оно возникает в процессе социальных коммуникаций и содержит невербализируемые моменты, определяемые жестами, мимикой, телесной экспрессией говорящего. Словарные же значения, несмотря на их контекстуально-сенситивное происхождение, еще предстоит сделать *ситуативно релевантными*, т. е. специально отобрать для решения опреде-

ленной задачи речевого взаимодействия. В каждом конкретном случае они имеют эмерджентные коннотации *ad hoc*. Поэтому значения, содержащиеся в словарях, пригодны для решения конкретных практических задач лишь постольку, поскольку тот, кто их использует, руководствуется не логическими критериями выбора значений, но сам решает, какие именно черты коммуникативной ситуации оправдывают его лексический выбор.

Исследование языковых ресурсов объективации личного опыта приобретает особую значимость и в свете важнейшего методологического требования социальной феноменологии: постоянной экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного мышления. Презумпция погруженности социального теоретика в различные ансамбли языковых практик и, следовательно, несвободы от языковых клише, обусловленных его социально-групповым положением, – отличительная черта методологической рефлексии неклассической науки. Сформулированный в рамках социальной феноменологии *постулат чистоты метода* предписывает трактовать как аналитически проблемную не только языковую деятельность как таковую, но и свою собственную практику использования языка как члена языкового сообщества²⁰. Это требует экспликации неявных предпосылок, идиом и ловушек языка, почерпнутых из практики использования естественного языка в обыденном и научном мышлении. Рефлексивный анализ предпосылок социально-теоретического исследования позволяет достичь если не исчерпывающей, то практически достаточной степени «чистоты метода» как условия методологической корректности социально-научного исследования в когнитивных науках о человеке.

Примечания

- ¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- ² Там же. С. 28.
- ³ Эко У. Средние века уже начались // Иностран. лит. 1994. № 1.
- ⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10–11.

- 5 Это название первой и единственной, написанной на немецком языке, книги основателя социальной феноменологии А.Шюца, переведенной на английский язык под названием «On Phenomenology and Social Relations» (The Univ. of Chicago Press, 1970). Работы А.Шюца, написанные в Америке, представляют собой набор тематически связанных друг с другом статей. И лишь посмертно его последователями Р.Занером, М.Фабером и М.Натансоном было издано трехтомное собрание его сочинений (Collected Papers. 1962,1964,1966, Martinus Nijhoff, The Hague), куда вошли работы, написанные после 1940 г. Мною подготовлено и осуществлено издание на русском языке избранных работ А.Шюца под названием «Мир, светящийся смыслом» – А.Шюц. Избранное. Мир, светящийся смыслом. Составление тома, пер с англ. и общая редакция Н.М.Смирновой. М., 2004.
- 6 On Phenomenology and Social Relations. The Univ. of Chicago Press, 1970. P. 183.
- 7 Ibid. P. 180.
- 8 Ibid. P. 28.
- 9 М.Полани приводит пример того, как, выходя из душа, такой человек «забывает» вытереть свою левую руку, т. к. не воспринимает ее частью своего тела.
- 10 Sacks H. Introduction. P. VII // Garfinkel H. (ed.) *Studies in Ethnomethodology*. Ethnomethodological Studies of Work. L., 1986.
- 11 Garfinkel H. *Ethnomethodological Studies of Work*. Studies in Ethnomethodology. L., 1986. P. 114.
- 12 Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1934). Он придает большее значение объективному аспекту значения, по его мнению, свидетельствующему о глубине отражения объективного мира.
- 13 Лурия. А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53. Подобную же двойственность отмечают и современные исследователи речевых практик. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – полагают Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. – В основе же этой антиномии, убеждены названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа» – см. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.
- 14 Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.
- 15 Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. The Univ. Of Chicago Press, 1979. P. 98.
- 16 Ibid. P. 51.
- 17 В ходе дальнейшего развития феноменологии, а именно в «трансцендентальной прагматике» К.-О.Апеля, осуществлен переход от «синтеза апперцепций» к «коммуникативному синтезу интерпретаций», от анализа сознания – к анализу общения.
- 18 Из сравнительно недавно опубликованных работ следует отметить Romaine S. *Language in Society: Introduction to Sociolinguistics*. Oxford, 1994.

¹⁹ Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973.

²⁰ Но процесс экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления, потенциально бесконечен, поскольку, как только такие значения обнаружены, допущения, сделанные в их анализе, также должны быть прояснены. В свою очередь, их экспликация заставляет делать дополнительные допущения, и так ad infinitum («парадокс бесконечной триангуляции»). Чтобы избежать редукции в бесконечность, ученый должен удовлетвориться если не исчерпывающим, то *практически достаточным* объяснением. И до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми интерпретациями, найденное объяснение должно быть временно принято. Экспликация собственных предпосылок, т.о., является бесконечным процессом, поэтому социальный ученый должен осознавать, что его научные открытия являются временными, «предпосылочными» истинами, зависящими от путей познания и способов интерпретации.

Взаимосвязь коммуникативных процессов и динамики форм знаков*

Цель статьи – в обосновании того, что коммуникативные процессы являются устройством семиотической динамики, а современная растерянность перед натиском эффектов коммуникативного пространства есть следствие нашей приверженности оценивать взаимосвязь коммуникации и знаков в лингвoseмиотической традиции Ф. де Соссюра. Вместе с тем современная реальность технических средств коммуникаций, на которые возлагается ответственность за переживаемые деформации культуры, актуализирует концепцию семиозиса Ч.С.Пирса.

Проблема познавательной ситуации состоит в устойчивом представлении о том, что связь феноменов информации, коммуникации и форм знаков является самоочевидной, а сопоставление моделей этих феноменов есть дело скучное, хлопотное и схоже с возвратом к временам кибернетической моды. В сложившемся стереотипе упускается из виду два обстоятельства. Во-первых, синергетическая трактовка феномена информации принципиально отличается от всех кибернетических трактовок. Во-вторых, в лингвoseмиотике знак оставался статичным в разнообразии коммуникативных процессов, тогда как в концепции семиозиса внимание сосредоточено именно на динамике форм знаков, но сами коммуникации не попадали в фокус исследовательского внимания. Иными словами, сложился круг эпистемологических ассоциаций: информация как некое сообщение; обмен сообщениями есть ком-

* Исследование поддержано проектом РФФИ № 11-06-00160.

муникация; рецепция сообщения зависит от тезауруса субъекта коммуникации; субъекты порождают соотношения означаемых и означающих; знак фиксирует сложность этих соотношений; знак, оставаясь неизменным, обретает новые или утрачивает прежние значения в коммуникациях; появление новых технических средств коммуникаций приводит к тому, что в социальной действительности уже не остается вне-семиотических объектов; любое сообщение приобретает стоимость, что превращает социальную действительность в информационное общество. Круг ассоциаций замкнулся и стал привычным. Этот круг становится фундаментом для широкого спектра исследовательских направлений, итогом которых стали интереснейшие выводы о структуре манипулятивного воздействия на сознание человека, о «верчении» субъекта в разнообразных «поворотах», об «обществе зрелищ» и «обществе мечты», о «бизнесе в стиле шоу», о «мерцании знака» и тотальном ускользании смысла, о новом взлете радикального конструктивизма и новом «конце» всего – человека, истории, культуры, науки....

Это неполное перечисление свидетельствует о противоречивых интерпретациях взаимосвязи феноменов коммуникации, знака и информации, которые объединяет выше отмеченный эпистемологический круг. И здесь нужно сделать одно замечание – феномен информации не сводится к сообщению. Информация есть процесс. А при всей распространенности словосочетания «информационный процесс» под информацией продолжают понимать нечто подобное апейрону. Процессы всегда были трудны для рациональных объяснений. Например, такие подобию апейрона, как флогистон, почти двести лет скрывали то, что являлось процессами.

На философском уровне феномен процесса был понят А.Н.Уайтхедом: процесс есть чередование стадий, на которых «сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, и оформление достигнутого результата как условия «перехода» к следующей стадии. Это значит, что каждая последующая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX в. не было инструментов¹. Но теперь три «кита» постнеклассики – ва-

риативность, нелинейность и необратимость во времени – становятся концептуальным основанием междисциплинарных исследований. Почему? А потому, что, во-первых, изначально допускается существование разных точек зрения. Нужен только способ установления границ применимости каждой исследовательской позиции и каждого исследовательского вывода. Во-вторых, предметом поиска становится не самоочевидность эффектов реальности, а тот момент действительности, воздействие на который производит (или не производит) этот эффект. Иными словами, предметом становятся механизмы самоорганизации сложных систем, а именно эти системы и требуют междисциплинарных исследований. В-третьих, становление сложности для гуманитарных исследований требует выявления «своего» процесса. Напомним, что в термодинамике есть такие процессы, как тепло и работа, но им вряд ли удастся подобрать аналоги в реальности социокультурных систем. В-четвертых, допущение многовариантной действительности предполагает осуществление выбора и отбора варианта, а если что и объединяет все направления теории информации, то признание выбора и отбора как основных сущностей информации. Все это вместе составило наше методологическое решение междисциплинарных исследований: на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов устанавливать границы интерпретаций различных теорий и концепций. Вот с этих позиций был предложен ответ на вопрос о генезисе множественности моделей коммуникаций², но сама постановка этого вопроса обязана выявленной, на основе исследования информационных процессов, взаимосвязи коммуникативных и семиотических процессов.

Итак, почему моделей коммуникаций так много? Предположительными ответами в духе классической рациональности будет указание либо на «правильные» и «неправильные» модели, либо на принадлежность модели к некоторой предметной области и специфику соответствующего дисциплинарного решения. Подобные ответы влекут за собой следующую цепочку рассуждений: модель N «правильнее» модели NN , а поскольку модель N создана средствами, например лингвистики и семиотики, то и коммуникация обладает лингвосемиотической сущностью. Поиск ответа в этом духе является спором о релевантности. Бесконечность поиска

обеспечивает появление новых направлений, например кибернетики, семиотики и когнитологии, в которых получает обоснование новое понимание сущности коммуникации. В принципе, создание всех моделей коммуникации и происходило в последовательности смены перечисленных направлений. Обобщение истории разработки моделей и выяснение концептуальной преемственности в разнообразии моделей выразилось в определении концептуальных формул или базовых моделей³:

– *формула Г.Лассуэлла*, объединяющая модели Р.Бреддока, Дж.Гербнера, Стэнфордскую модель коммуникативного процесса Д.Берло и нарратологическую модель двойной коммуникации В.Шмида. Коммуникация во всех перечисленных моделях представлена в них как последовательность контроля над содержанием распространяемого воздействия, а их графическое выражение имеет вид линейной (без «ответвлений» и любых «отклонений») смены коммуникативных актов;

– *формула К.Шеннона – У.Уивера*, объединяющая одноименную модель с моделями Д.Осгуда-В.Шрамм, М. Де Флера, М.Денса, двухступенчатой моделью коммуникации П.Лазарсфельда, многоступенчатой моделью Г.Веймана, М.Гранноветтера, маркетинговой моделью Ф.Котлера и моделью коммуникационного процесса М.Мескона. В моделях этого вида коммуникация представлена как взаимодействие, т. е. в них подчеркивается взаимное воздействие субъектов коммуникации друг на друга, ответная реакция и обратная связь, а их графический вид уже содержит «ответвления» и «отклонения» от одномерной последовательности коммуникативных актов;

– *формула Т.Ньюкомба* объединяет модели В.Уэтли-М.Маклина, Дж. и М.Рили, Г.Малецке. Модель Т.Ньюкомба дала начало развитию моделей, в которых учтены внешние по отношению к самому процессу коммуникации условия: стимулирующие коммуникацию (Б.Уэтли – М.Маклина), создающие коммуникативную ситуацию (Г.Малецке), формирующие психологических отношения субъектов коммуникации (Дж. и М.Рили). Графика этих моделей отражает обратные связи «встречными стрелками», «петлями» и «спиралями»;

– *формула Р.О.Якобсона*, продолжена, например, в моделях Ю.М.Лотмана и У.Эко. Модель Р.О.Якобсона открыла «эпоху» семиотических моделей коммуникации, которые рассматривают пре-

имущественно «человеческие» коммуникации. В силу этого авторы моделей, входящих в данную линию, особое внимание уделяли сообщению и коду, с помощью которого это сообщение создано. Наиболее значимыми выводами, сделанными в рамках семиотических моделей коммуникации, является то, что в «...механике культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом, каналам»⁴. В соответствии с этим выделяются две модели коммуникации: «Я–Он» и «Я–Я» и вывод, сделанный, что кроме кода человеческая коммуникация включает дополнительно лексикоды – это вторичные коды: разного рода коннотативные значения, которые известны не всем, а только части аудитории, поэтому зачастую лексикоды могут играть роль шума и осложнять коммуникацию⁵.

Таким образом, множество моделей коммуникации удастся свести к четырем группам моделей, обладающих концептуальным единством. Широкое распространение коммуникативного моделирования связано, прежде всего, с тем, что модель позволяет продемонстрировать взаимосвязь элементов коммуникации, их последовательность и значение. Однако в данном разнообразии есть инвариантная часть: включенность в каждую модель одинаковых составных элементов. Еще Аристотелем было указано, что «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета о котором он говорит и из лица, к которому он обращается»⁶. Ссылка на Аристотеля свидетельствует о двух вещах. *Во-первых*, структура коммуникаций представляет интерес давно. *Во-вторых*, любая коммуникация включает в себя источник сообщения, само сообщение, способ его передачи и получателя. Это позволяет переформулировать вопрос так: почему же разнятся модели коммуникации, если они состоят из одинаковых элементов и описывают один процесс?

Ответ (опять же в духе классической рациональности) был получен на основе предположения о том, что каждый создатель модели под синонимичными названиями элементов коммуникации подразумевал различные вещи⁷. Обращение к исходным описаниям коммуникативных моделей подтвердило сделанное предположение. В частности, началом всех моделей является структурный элемент, называемый «источником», но обозначается им и «то, что кодирует или модулирует информацию», и «тот,

кто контролирует коммуникативный процесс», и тот (человек или механизм), кто сформировал утверждение о некотором событии. Проведенный анализ⁸ позволил убедиться, что любая отдельно взятая коммуникативная модель описывает не универсальный механизм взаимодействия, а определенное проявление, действие, воздействие, «грань» коммуникации. Содержание элементов моделей и графическое выражение связи элементов в этих моделях, фактически демонстрирует, что одни модели рассматривают и определяют механизмы межличностного взаимодействия, вторые концентрируют свое внимание на массовой коммуникации, третьи поясняют, как действует процесс убеждения направленный на большие социальные группы, четвертые описывают распространение влияния определенных трактовок, событий общественной жизни. Анализ коммуникативных моделей, проведенный с целью установить, чем же определяется многообразность моделей состоящих из одноименных элементов, позволил выяснить, что различные модели «схватывают» различные аспекты взаимодействия, которые существуют в социокультурных системах, а многомерность этих систем, а, следовательно, и сложность структуры взаимодействий, объясняют множество созданных моделей коммуникаций. Следует обратить внимание и на то, что в моделях рассматриваются пути передачи информации, на что указывал У.Эко: «в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации»⁹.

Несмотря на безоговорочное признание авторитета У.Эко, его лаконичное утверждение о предметном пересечении теорий информации и коммуникации было нами исследовано. В результате было установлено, что каждая из 60 наиболее известных, часто упоминаемых в литературе моделей коммуникации, становится фрагментом информационного процесса¹⁰.

Таким образом, *каждая модель коммуникации входит в качестве частного случая в обобщенную модель информационного процесса.*

Отмеченный результат заставляет еще раз переформулировать вопрос о генезисе множественности моделей коммуникации: *почему единое коммуникативное пространство так по-разному представлено в моделях?*

Ответ на этот вопрос был найден уже в методологических рамках постнеклассики. Исходным пунктом данного поиска стало категориальное разграничение *бытия*, *действительности* и *реальности*, которое было выдвинуто А.Н.Уайтхедом: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности¹¹. С этим разграничением бытия, действительности, реальности и связано создание А.Н.Уайтхедом философии процесса. В универсальном процессе А.Н.Уайтхедом выявлено два основных его вида: переход («от достигнутой актуальности к актуальности в достижении»)¹², что тождественно конституированию действительности или реальности) и телеологический процесс «сращения» многих сущностей или совершение «актуального события»¹³. Таким образом, бытие, действительность и реальность трактуются А.Н.Уайтхедом как переходы, отделяемые друг от друга актуальными событиями. Причем, отделяемые необратимо. Это значит, что открытая в самоочевидности реальность необратимо отделена от действительности, а «пробиться» к пониманию этой действительности можно только в исследовательской реконструкции. В свою очередь, действительность это только один из вариантов бытия, бытия становящегося, бытия порождающего многообразный и спонтанный мир. Именно это становящееся бытие стало предметом исследований теории самоорганизации сложных открытых систем (или, прибегая к отечественному лексикону, синергетики). Событие, отделяющее бытие от действительности, было введено в фундаментальные исследования И.Р.Пригожиным. Уходящая мода на синергетику сделала общеизвестным графическое выражение такого события – бифуркацию, «ветви» которой подобны вариантам действительности, аналогичным содержанию категории «действительность» в трактовке А.Н.Уайтхеда. Механизмы бифуркации аналогичны, в свою очередь, пониманию информации, данному Г.Кастлером: *информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных*¹⁴. Идеальная непротиворечивость положений И.Р.Пригожина и Г.Кастлера стала основанием для обоснования взаимосвязи теории информации и синергетики¹⁵.

Итак, бытие порождает действительность, а это порождение становится событием генерации информации, что требует процесса фиксации генерируемого варианта. Но прежде чем перейти к обсуждению семиотического выражения процесса фиксации, необходимо сделать ряд оговорок. Во-первых, телеграфный стиль изложения смены парадигм классической и неклассической науки на постнеклассическую парадигму некоторым образом оправдывается тем, что это достаточно подробно было изложено в работах очень многих известных авторов, а в контексте методологических оснований исследования информационных процессов было уже представлено в нескольких монографиях¹⁶. Во-вторых, важно понимать, что процесс вариантов действительности происходит в своеобразной конкуренции целей этих вариантов как сценариев дальнейшей динамики системы. В-третьих, философии процесса А.Н.Уайтхеда выделены два основных вида процесса: «сращение» и «переход». Сращение – это телеологический процесс конституирования новой действительности (или реальности), а сам этот вид процесса есть событие. Переход – это восхождение от достигнутого в результате сращения к новой действительности, подготавливающий основания для следующего сращения. Постнеклассические представления, развитые И.Р.Пригожиным и С.П.Кудюмовым, о притягивающем хаосе и структурах-аттракторах дает право употреблять понятие «телеология», не прибегая к гипотезе о «надприродных силах». В-четвертых, А.Н.Уайтхед создавал философию процесса под явным впечатлением от концепции семиозиса Ч.С.Пирса.

Строение и свойства знаковых систем, способных хранить и передавать информацию, изучаются в семиотике. Почти одновременно в семиотике возникли два направления исследований. Первое из них определяется как лигвосемиотика и развивается в традициях, берущих свое начало в трудах Ф.де Соссюра. В русле этих же традиций были созданы модели, которые выше были отнесены к семиотической линии. Однако для выяснения структуры коммуникативного пространства и механизмов ее образующих, нам были важны результаты, полученные во втором направлении семиотических исследований. Для решения нашей задачи принципиальным стало положение Ч.С.Пирса о семиозисе, которое с позиций постнеклассической методологии, можно

понимать как положение о самоорганизации знаковых систем, вызываемой трансформациями знака, а эта трансформация есть следствие фиксации избираемого системой варианта. Трансформация включает в себя три этапа, определяемые Пирсом как первичность, вторичность и третичность. Эти три шага в преобразовании знака происходят с различными результатами в трех измерениях семиозиса – в прагматическом, в синтактическом и в семантическом. В результате образуется девять классов знаков, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Трансформация знака в семиозисе Ч.Пирса

Категории Трихотомия	Первичность (возможность)	Вторичность (существование)	Третичность (закон)
I. Знак как репрезентатив (семантика)	качественный знак	единичный знак	общий знак
II. Знак в отношении к объекту (синтактика)	иконический знак	индекс	символ
III. Знак в отношении к интерпретанте (прагматика)	рема	суждение	умозаключение

Иными словами, существуют прагматический, синтактический и семантический каналы трансляции знака, различаемые целями, с которыми передается информация, кодируемая знаком.

Само существование каналов трансляции информации является неизбежным следствием совершения события генерации информации, а этот процесс становится механизмом выбора варианта действительности. Формат статьи не позволяет изложить механизм выбора варианта и информационную модель события, поскольку его сложность требует достаточно долгого обсуждения¹⁷. Читателю придется принять на веру, что процесс генерации информации осуществляется в конкуренции определенных целей

вариантов, аналогичных возможным состояниям системы в будущем. Содержание этих целей, подобно выделенным А.Н. Уайтхедом фазам, в которых выражает себя процесс «сращения». Еще придется принять на веру, что социокультурные аналоги синергетических механизмов установлены корректно¹⁸. Сопоставление социокультурных аналогов конкуренции вариантов динамики систем, фаз процесса «сращения» и их семиотического представлено в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь форматов целей людей, целей этапов телеологического процесса свершения актуального события и каналов трансляции

Этапы телеологического процесса свершения актуального события	Цели людей в форматах временных горизонтов	Каналы трансляций
Конъюнктурная цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «ответная фаза»	Цель должна быть достигнута прямо сейчас, поэтому востребованы новые идеи, объединяющие для преодоления неустойчивого состояния	Семантический
Прогностическая цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «дополнительная стадия»	Цель должна быть достигнута в обозримом будущем, поэтому востребованы образы прогнозируемого будущего	Синтактический
Асимптотическая цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «сатисфакция»	Цель всей жизни, поэтому востребованы образы действий, актуальные для достижения желаемого состояния в будущем	Прагматический

Содержание двух таблиц демонстрирует, в чем заключается то, что названо было У.Эко «передачей информации от одного человека к другому», на которой «теория информации становится теорией коммуникации»¹⁹. А заключается оно в формировании каналов трансляции и структура этих каналов не отличается простотой.

Обращение к каналам трансляции позволяет нам выделить еще один уровень упорядочения коммуникативных моделей – по целям, с которыми их разрабатывали.

При разработке моделей *формулы Г.Лассуэлла* исходили из предположения об огромных, практически неограниченных возможностях информационно-пропагандистского воздействия на пассивную аудиторию, поэтому задачей было моделирование самого воздействия для организации конкретных форм поведения людей, например, в ходе избирательной кампании. Источник коммуникации, в этом случае не просто тот, кто обладает информацией, а тот, кто осуществляет контроль над коммуникативным процессом, а сама коммуникация необходима для достижения результата – обретение общей трактовки события, желаемой для коммуникатора (табл. 2). Таким образом, назначение моделей *линии Г.Лассуэлла* отвечает целям *прагматического* канала.

Модели *формулы К.Шеннона – У.Уивера* объединяются такой целью создания как установление оптимальной комбинации элементов связи, при которой минимизировалось бы количественные потери информации. Моделирование помехоустойчивой связи нашло последующее развитие в моделях организации менеджмента и маркетинга в условиях «шумов» различной природы. Именно оптимизация комбинаций коммуникативного процесса была общей задачей моделей этой линии, что позволяет определить их как модели *синтактического* плана.

Модели третьей линии – *формулы Т.Ньюкомба* – определены нами как модели *семантического* плана, в силу того, что в них выстраивались взаимосвязи при выработке поля общих знаков. Его построение возможно при семантической «симметрии» участников коммуникаций, а, следовательно, участники коммуникации должны обладать определенным тезаурусом по поводу объекта коммуникации.

Модели отображают не действительность, а тот срез реальности, который определен задачей моделирования. Единое коммуникативное пространство столь многообразно представлено в

различных моделях, поскольку цели, с которыми каждая из них создавалась, в своей совокупности образуют широкий спектр, что позволило представить каждую линию в качестве канала трансляции, существующего в семиозисе.

Дефиниции элементов каждой модели коммуникаций, свидетельствуют, что в коммуникативном процессе происходит некоторое перевоплощение информации. Это, в принципе, и явилось основанием, чтобы обратиться к теории информации для выяснения структуры коммуникативного пространства.

Информация создается, передается, воспринимается, кодируется, хранится, используется, и все это является некими элементарными актами, стадиями процесса. Элементарность эта относительна, ибо механизмы соответствующих процессов, достаточно сложны. При переходе от одной стадии процесса к другой информация всякий раз предстает в «новом обличье». Результат, получаемый при завершении одной стадии, делает *возможным* начало следующего этапа. Увидеть это, тем более идентифицировать отдельные стадии с теми или иными дефинициями информации, не входя в область представлений постнеклассической науки невозможно, ибо классической науке чуждо описание создания нового, ранее не существовавшего, чуждо процессуальное описание становления.

Итак, информация – сложный процесс, состоящий из определенных стадий. Применительно к информационным процессам разделение А.Н.Уайтхеда на «сращение» и «переход» выглядит следующим образом. Преодолевая хаотическое состояние, система выбирает один из многих возможных путей дальнейшего развития, т. е. генерирует информацию. Эта информация фиксируется, объективируется системой, облекается в, понимаемые если не большинством, то очень многими, коды, знаки (как вербальные, так и невербальные). Выбор сделан. Ценность его будет определена вероятностью приближения к целям системы, к структурам-аттракторам реальным для этого пространства режимов. Итак, в результате «сращения» многих факторов влияющих на совершаемый выбор, система избирает сценарий поведения. Происходит событие, завершающее телеологический этап.

Дальнейшее разворачивание процесса будет детерминировано первоначальным выбором системы. Выбрать цель и определить ее (зафиксировать) еще не значит достигнуть желаемого. Важно

выработать способ действий, «встроить» программу достижения цели, определенной семантикой первоначального выбора, т. е. создать оператор, который будет отбирать из всех возможных эффективные алгоритмы для целенаправленных действий. Для этого сгенерированному выбору потребуются иные воплощения. На рис. 1 приведена модель информационного процесса, показывающая возможный путь этих «перевоплощений». Приведем описание данной модели.

В *блоках 1 и 2* модели приведены процесс генерации и фиксирования информации. Эти процессы принадлежат сращению в терминологии А.Н.Уайтхеда.

Блок 3 включает процессы, облакающие в коды (примерами которых могут быть знаковые системы) зафиксированную информацию. Процесс кодирования это подготовка сообщения (сигнала) для передачи по каналу трансляции либо в синхронном режиме, непосредственно к объекту-реципиенту, либо в блок «памяти» для длительного хранения. Количество каналов трансляции определено природой знака, установленного Ч.С.Пирсом, (на рис. 1 они показаны между *блоками 3 и 7*) и «формат» каждого из них требует своего кода.

Блоки 4 и IV отвечают двум идентичным стадиями передачи сигналов (сообщений). Для процесса передачи важна характеристика количества информации, определяемой по формуле К.Шеннона.

Блок V – это блок памяти, соответствующий процессам хранения информации. Свойство брэнности информации проявляется здесь в существенном изменении или потере информации. Реконструируя прошлое, мы в полной мере ощущаем последствия брэнности информации.

Блоки 6 и VI – это блоки рецепции информации из «памяти» и после перекодирования соответственно. Рецепция из памяти избирательный процесс, в котором может проявиться свойство изменчивости информации. Три блока (*IV, V, VI*), обозначенных римскими цифрами, демонстрируют процессы, в которых транслируется опыт и сохраняется действенность прошедшего. В реальности для каждого из нас понимание чего-либо начинается с процессов, отвечающим *блокам 6 и VI*. Мы получаем информацию и непосредственно воспринимаем ее (*блок 6*), либо извлекаем информацию из «памяти», когда обращаемся к собственному опыту или, сохраненному для нас, опыту других.

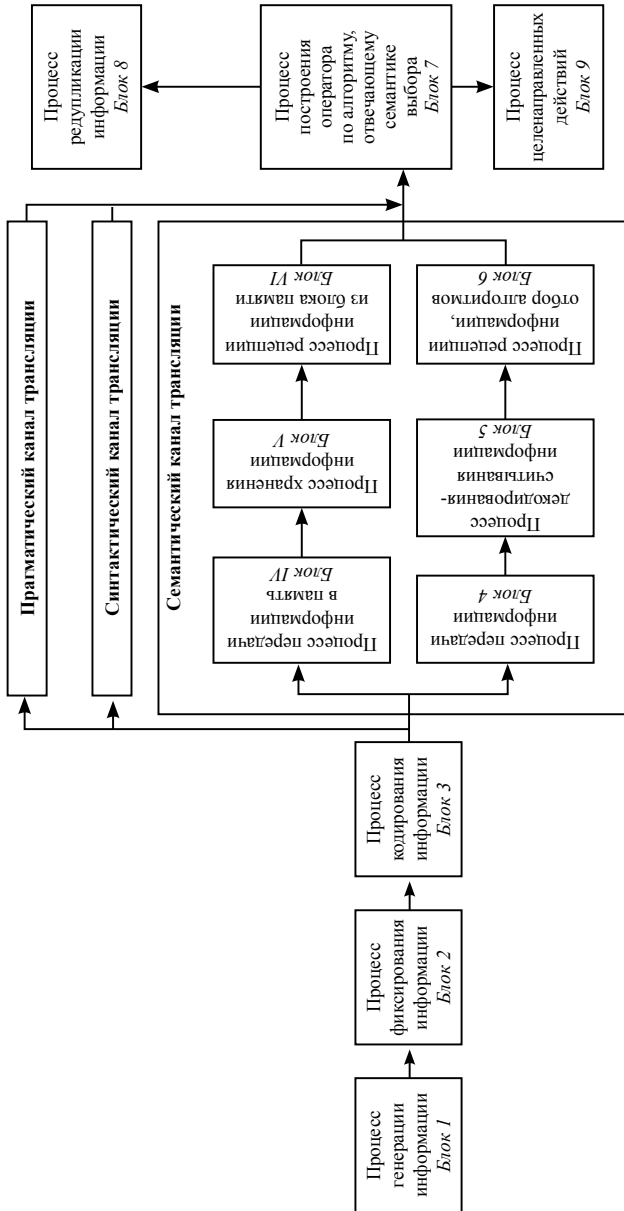

Рис. 1. Модель информационного процесса

Результат трансляции по автономным (4, 5, 6 и IV, V, VI) каналам воплощается в оператор (блок 7), т. е. в способ реализации некоторой программы, инструкции, технологии, направленных на достижение цели, которая согласуется со сгенерированной информацией (блок 1). Оператор обеспечивает осуществление целенаправленных действий (блок 8).

Условием неограниченного долгого существования информации, вопреки брэнности, является периодическая репликация (воспроизведение) (блок 9). Наряду с сохранением информации на этой стадии проявляется ее изменчивость, ибо при репликации возможны «ошибки», которые, тиражируясь в последующих поколениях, повышают изменчивость информации.

Учитывая все выше сказанное о специфике стадий процесса, и, обращаясь к модели (рис. 1), становится ясным, что границы коммуникативного пространства определяет «участок» между этапом кодирования (блок 3) и этапом построения оператора (блок 7). Причем само коммуникативное пространство объемно, а этот объем задают три изоморфных «слоя» каналов и два режима трансляции: синхронии и диахронии. Кроме того, сопоставление стадий информационного процесса и морфологии базовых моделей коммуникации приводит к следующим констатациям.

Модели формулы Г.Лассуэлла отображают коммуникации, которые происходят в настоящем времени, что соответствует синхроническому аспекту трансляции. Элементы этих моделей корреспондируются с этапами кодирования, передачи, декодирования и рецепции информации, то есть с блоками 3–6 прагматического канала на рис. 2.

На рис. 1 базовая модель К.Шеннона-У.Уивера начинается с процесса кодирования, соответствует синхронической трансляции, и включает этапы передачи, декодирования и рецепции информации, происходящих в синтаксическом канале. Однако интерактивный характер данных моделей вводит в эту «линию» блок оператора (блок 7).

Модели формулы Т.Ньюкомба встраиваются следующим образом: отправной точкой коммуникативного акта, является процесс кодирования информации, передачи, декодирования, рецепции (в синхроническом аспекте) и построения оператора. Кроме того, необходимость совпадения смыслов, на основе одинакового тезауру-

са у субъектов коммуникации указывает на включение процессов хранения информации и рецепции информации из памяти (блоки V–VI) в диахроническом аспекте коммуникации семантического канала трансляции.

Семиотические модели коммуникации актуализируют все три информационных канала за счет того, что концентрируют свое внимание на участвующих в коммуникации кодах, лексикодах и сообщении, которое обычно представляет собой некий текст, т. е. целый комплекс различных сообщений, закодированных различными кодами и функционирующих на различных уровнях означивания. Помимо этого, в конкретных семиотических исследованиях культуры актуализируются взаимосвязи, которые возникают между отдельными этапами трансляции относящихся к разным каналам.

Таким образом, сравнение элементов базовых моделей коммуникации и стадий информационного процесса (отдельные блоки рис. 1) становится ясным, *что каждая модель коммуникации является частным случаем информационного процесса*. Это позволяет сделать еще один вывод. Модель информационного процесса раскрывает механизм семиозиса. *Результатом действия трех процессов – передачи, декодирования, рецепции информации (блоки 4,5,6), осуществляемых в трех каналах трансляции, то есть завершением работы девяти стадий информационного процесса становится создание разных форм знаков. Эти формы соответствуют девяти подклассам знаков, выделенных Ч.С.Пирсом (табл. 1).*

Комбинаторное пространство 9 форм знаков и 9 информационных стадий, составляющих синхронический режим коммуникаций, и 9 информационных стадий диахронии – образуют множество моделей коммуникации, что является ответом на все формулировки вопроса в данной статье о генезисе множества этих моделей. Поскольку в современных коммуникациях преобладает синхрония, то актуальность приобретает версия семиотики, восходящая к концепции семиозиса Ч.С.Пирса. А именно модель информационного процесса (рис. 1) раскрывает взаимосвязь динамики форм знака и морфологии коммуникативных процессов.

Примечания

- 1 *Мелик-Гайказян И.В.* Информационные процессы и реальность. М., 1998. С. 107–171; *Она же.* Идея процесса и проблема измерения // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 127–141.
- 2 *Тухватулина Л.Р.* Принципы классификаций моделей коммуникации // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2006. № 7. С. 49–53; а также: *Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В.* Структура коммуникативного пространства // Системные исследования культуры. 2008. СПб., 2009. С. 306–327.
- 3 *Жукова Я., Ширков Ю.* Модели массовой коммуникации: Научный отчет. М., 1989 (<http://zhukova.newmail.ru/index.htm>)
- 4 *Лотман Ю.М.* Семiosфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 163.
- 5 *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 71.
- 6 *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 762.
- 7 *Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В.* Структура коммуникативного пространства. С. 308–311.
- 8 Там же. С. 306–327.
- 9 *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 139.
- 10 *Тухватулина Л.Р.* Принципы классификаций модель коммуникации. С. 49–53; *Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В.* Структура коммуникативного пространства. С. 306–327.
- 11 *Уайтхед А.Н.* Избр. работы по философии. М., 1990. С. 272–303.
- 12 Там же. С. 302.
- 13 Там же. С. 297.
- 14 *Кастлер Г.* Возникновение биологической организации. М., 1967.
- 15 *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация. М., 1990.
- 16 *Мелик-Гайказян И.В.* и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005; *Мелик-Гайказян И.В.* Информационные процессы и реальность. М., 1998; *Мелик-Гайказян И.В.* и др. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
- 17 *Мелик-Гайказян И.В.* и др. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. С. 86–122.
- 18 Там же. С. 147–161.
- 19 *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. С. 139.

Дискретность и континуальность: что первично

Один из творцов кибернетики Норберт Винер в своей книге «Творец и робот» писал, что главное из преимуществ мозга перед вычислительными машинами это его способность «оперировать с нечетко очерченными понятиями. В таких случаях вычислительные машины, по крайней мере, в настоящее время, почти не способны к самопрограммированию. Между тем наш мозг свободно воспринимает стихи, романы, картины, содержание которых любая вычислительная машина должна была бы отбросить, как нечто аморфное»¹.

Здесь, пожалуй, стоит разобраться с тем, что такое *нечетко очерченные понятия*. Для этого начнем с четко очерченных понятий, которые содержатся в названии настоящей статьи – *дискретность и континуальность*. Вполне очевидно считать, что окружающий человека мир – включая и природные, и социальные его компоненты – континуален, по крайней мере, вполне естественно так предполагать. Здесь, конечно, имеется в виду семантическая континуальность; атомно-молекулярная дискретность этого мира – сфера совсем других рассуждений. И при том, что мир пространственно ограничен, бесконечное множество материальных объектов и явлений, изначально «предъявленных» человеку для их понятийного осмысления, потенциально означает семантическую непрерывность понятий, им соответствующих. Заметим, бесконечность не всегда то же самое, что безграничность, здесь уместно геометрическое представление – конечный отрезок непрерывной прямой содержит бесконечное множество геометрических точек.

Обживать такую бесконечность вполне возможно. Биогеноз, сложившийся на Земле в результате сотен миллионов лет эволюции, наглядное тому подтверждение. Но постигать ее (бесконечность/континуальность) – Сизифов труд. Уже с первыми «проблесками сознания» первобытный человек ощутил, например, опасность такой континуальности – опасность и в прямом и в переносном смысле. Сейчас даже школьнику известно, что биологически человек был сравнительно слабой особью, и только сознание дало ему возможность выжить, а потом и стать «царем природы». Но тогда для выживания ему было необходимо практически из бесконечного набора опасностей выделять отдельные элементы с тем, чтобы для каждой опасности находить нетривиальное – надбиологическое – противодействие.

Выход был один – «упростить» континуальность до набора дискретных элементов, или, другими словами, – структурировать бесконечность. Эта задача, конечно, решалась с помощью языка. Конечный набор слов, и – со временем – синтаксических и грамматических правил, структурировали континуальный мир, предварительно разбив его на конечное число «ячеек». Именно это, в том числе, позволило людям осознанно общаться друг с другом на базе таких «ячеек».

Здесь можно предложить простую иллюстрацию. Пусть перед Вами чистый лист бумаги. Он содержит бесконечное количество точек, которые в зависимости от Вашего образования можно «заять» рисунком или нотами, стихами или научным текстом. Но в основе любого образования лежит умение писать, а для этого Вам в начальной школе давали не чистые листы бумаги, а тетрадки, в которых листы были разграфленные на ячейки – клеточки и т. п. – чтобы в каждую ячейку Вы вписывали какой-либо знак – букву или цифру. Предельно упрощая, можно сказать, что язык превратил для первобытного человека чистый лист в разграфленную страницу тетради. На континуальный мир человек накладывал дискретный набор знаков, и бесконечность становилась обозримой.

После этих нехитрых рассуждений, казалось бы, напрашивается такой же нехитрый вывод о том, что картина мира, формирующаяся в сознании современного человека, тоже разграфлена на дискретные элементы, а его взаимодействие с этим миром тоже дискретно. Но, на самом деле, все, конечно, значительно сложнее.

Определенная часть нашего сознания действительно оперирует дискретными понятиями, но при этом значительная роль отведена *континуальному мышлению*. Одним из первых это понятие ввел в научный дискурс В.В.Налимов в своей известной работе «Непрерывность против дискретности в языке и мышлении»². В ней роль первоосновы человеческого мышления он отводит континуальному потоку мысли, который несоединим со словом и поэтому неосознаваем. А осознаваемое – рефлексивное – мышление рассматривается как вторичное, а точнее, как дискретное управление этим потоком: «Сейчас нам представляется, что интеллектуальное общение между людьми невозможно без использования логически грамотно построенных высказываний. Грамматика обыденного языка – это рудиментарная логика. А логика – это правила оперирования над дискретными символами – словами. Но сами слова задаются полями значений. Слова-носители языка имеют две ипостаси – атомарную и континуальную»³. (Заметим, что слова – в большей степени знаки, нежели символы.)

Примерно такая же роль отводится континуальному мышлению и в психологии. В одной из работ А.В.Брушлинский писал «Психическое как процесс изначально и всегда является непрерывным в самом точном и глубоком смысле слова. Непрерывность психического объективно обусловлена его ведущей ролью в регуляции и саморегуляции деятельности людей (и поведения животных). Психическое изначально включено в непрерывное взаимодействие человека с миром, т. е. прежде всего в непрерывное взаимодействие субъекта с объектом, каковым в конечном счете потенциально является вся Вселенная. <...>. Непрерывная взаимосвязь любого субъекта с объектом всегда и необходимо опосредствована взаимоотношениями между разными субъектами <...>. Так – более конкретно – выступает непрерывное взаимодействие человека с миром (с другими людьми, с вещами и т. д.)»⁴.

Некоторая разница в изложенных выше воззрениях есть лишь в роли, отводимой дискретному компоненту мышления. Брушлинский, полагая, что процессуальность психического есть континуальность, видит дискретность в его продукте или результате (как пример – инсайт). А Налимов считает, что дискретное мышление является некоторым «диспетчером» континуальных потоков. Оба воззрения непротиворечивы и хорошо дополняют друг друга. После этих рассуждений становится ясно, что подразумевается под

нечетко очерченными понятиями в процитированном выше высказывании Н.Винера. Любой естественный язык (в отличие от искусственных и формальных) неформален в том, что значения любых слов и семантически значимых вербальных конструктов не определены абсолютно точно, поскольку они могут порождать самые разнообразные смыслы.

В процитированной выше работе В.Налимова приводится такой пример. «Недавно, идя по улице, я случайно услышал обрывок разговора. Одна девушка говорит другой “Он вчера приходил пудрить мне мозги”. Раньше я не слышал этого словосочетания, но сразу понял его смысл»⁵. Здесь в качестве примера взят жаргонный язык, а Н.Винер писал о поэтическом языке, но суть одна – в ходе культурогенеза человек сформировал дискретную матрицу, в которую он вложил континуальный мир, а затем снова «размыл» границы ячеек этой матрицы разнообразием смыслов. Заметим, что здесь, на уровне смыслов континуальность и дискретность теряют свою процессуальную (как и операциональную) значимость, а их приоритетность не представляет никакого интереса.

Казалось бы опять все просто – континуальные потоки мышления и коммуникации управляются дискретно мыслящим «диспетчером». Но и на этом витке рассуждений опять все непросто. Рассмотрим эту «непростоту» на вполне конкретном примере.

Великий русский художник Валентин Серов был, как известно, велик и в живописи, и в графике. Как у всех великих, у него были свои неординарные приемы и, в частности, в графике. Применял он иногда такую технику рисования портретов. На первом портретном сеансе он делал академически добротный рисунок модели, после чего получившийся портрет «отлеживался» несколько дней. Затем Серов накладывал на него кальку и почти копировал его – *почти*, потому что при этом копировании он отбрасывал все, что в рисунке по его мнению было несущественно для передачи образа того, кого он рисовал. Дальше рисунок опять отлеживался и опять *почти* копировался. И опять, и опять. Так доходило до шести-семи «копий»⁶. В итоге у Серова получался шедевр, равнозначный его живописным портретам.

Здесь приведена одна из таких его графических работ – «Портрет балерины Т.П.Карсавиной» (1909 г.). Если мы внимательно взглядем в этот рисунок, то сразу заметим, что у балерины левое

В.А. Серов. Портрет балерины Т.П.Карсавиной. 1909

плечо с предплечьем практически не прорисованы – всего один еле заметный штрих. Но при этом мы явственно видим на этом рисунке хрупкое женское плечо. То же самое можно сказать о спине, губах да и обо всем лице – все «дискретно». «Континуальна» лишь прическа, она прорисована контрастно и отчетливо. Но глаз недолго задерживается на этой подробной континуальности, а опять и опять возвращается к изящной фигуре одухотворенной женщины. И невозможно здесь определить, что первично, что вторично, и как отделить континуум от дискретного набора (да и надо ли?).

В этих рассуждениях, можно, конечно заподозрить подмену объектов исследования. Действительно, до этого примера речь шла о мыслительных и коммуникационных потоках, а тут – фенотипические признаки и формирование их художественного образа. Но разберемся подробнее, что здесь континуально, а что дискретно. Конечно, континуален внешний вид балерины, ее натура, эмоциональный склад – ее внутренний мир. Конечно, континуально образное мышление художника, его творческий замысел, его эстетическое видение мира людей. Да и наше восприятие этого портрета целостно и континуально. Но накладывая кальку на кальку и преобразуя тем самым непрерывные линии исходного «академического» рисунка в художественно упорядоченный, однако заведомо неполный и дискретный набор штрихов, который стал в итоге портретом, не то ли делал Серов, что и первобытный человек на заре культурогенеза, накладывая на континуальный мир заведомо неполный набор знаков, с помощью которого он в итоге формировал свою картину этого мира. Именно так и есть – и Серов, и наш первопредок в когнитивном аспекте делали одно – дискретно «вырезали» из континуума только то, что они считали важным. Другое дело, что при этом ценностные приоритеты существенно различались, но так их и разделяли сотни тысяч лет.

Выходит, что дискретность это не только операциональный принцип диспетчера континуальных потоков мысли и не только характеристика ее продукта, но и нечто большее. Чтобы четче номинировать это *нечто*, приведем еще один пример.

Этот пример из области музыки. Известно, что акустический спектр любого музыкального звука состоит из набора компонентов – *основного тона* и ряда т. н. *обертонов*. Это значит, что структура музыкального звука дискретна, в отличие от структуры

шума – его спектр представляет из себя континуум. Факт этот в контексте наших рассуждений представляется весьма интересным. С одной стороны, музыка, конечно, это продукт культурной деятельности человека, но с другой – дискретность спектра музыкальных звуков это исключительно природное свойство (вскользь заметим, что оно связано с явлением т. н. трансляционной симметрии, а симметрия, как таковая – одно из фундаментальных свойств материального мира).

При одновременном извлечении нескольких музыкальных звуков большее совпадение их обертонов дает более мягкое и устойчивое результирующее звучание (такие созвучия называются *консонансами*, в отличие от резких и неустойчивых *диссонансов*). То есть природная дискретность в пространстве культуры обретает художественный смысл. Точно так же эстетически организованный «набор» дискретных звуков от дискретных музыкальных инструментов становится Музыкой. При этом каждый человек, которому музыка внятна, наполняет всю эту рационально анализируемую дискретность своими смыслами. Выражаясь другим языком, человек *слышит* дискретные музыкальные звуки, а *слушает* континуальные художественные смыслы. Мы, конечно, не склонны видеть аналогию между дискретностью мышления и дискретностью музыкальных звучаний – такой аналогии нет. Но этот пример не модельный, а иллюстративный. На нем хорошо видно, как нити дискретности создают континуальную ткань смыслов.

Здесь отметим, что вопросы континуальности и дискретности мышления затрагиваются и в нейронауках. Так, например, известный отечественный нейрофизиолог А.М.Иваницкий пишет в одной из работ: «На основе обобщения полученных данных было сформулировано представление о двух когнитивных системах мозга. Первая из них, связанная с височно-теменными областями коры, ответственна за процессы образного мышления. Вторая система, система абстрактно-вербального мышления, локализуется в лобных отделах коры. Системы расположены, таким образом, вдоль передне-задней оси мозга, и такое деление носит эволюционно более древний характер, чем специализация полушарий. Различие между системами, помимо их функции и топографии, заключается еще и в том, что образное мышление преимуще-

ственно интуитивно, имплицитно, происходит без ясного осознания последовательности мыслительных операций. Абстрактно-вербальное мышление, напротив, рационально, эксплицитно, так как мыслительные операции как бы контролируются субъектом. <...> Специализация полушарных функций, связанная с возникновением речи, как бы накладывается на особенности функционирования когнитивных систем»⁷. Несложно распознать в абстрактно-вербальном, контролируемом субъектом мышлении его дискретную основу, а в образном, преимущественно интуитивном – континуальную (хотя, в таком распределении дискретности и континуальности между когнитивными системами, наверняка, есть определенное упрощение).

В той же работе А.М.Иваницкого описывается т. н. гипотеза информационного синтеза. Суть ее в следующем. Информация (зрительная, слуховая и т. д.), поступившая в кору головного мозга от органов чувств или информация, извлеченная из оперативной памяти (например, об условиях решаемой задачи), распространяется по нервным волокнам коры головного мозга, совершая циклические движения по различным его участкам. В этих циклах происходит оценка новизны и значимости поступившей информации. «В основе возникновения субъективных феноменов лежит механизм повторного входа возбуждения в те же нейронные группы после дополнительной обработки информации в других группах или поступления сигналов из внешней среды»⁸. При необходимости принимать какое-либо решение образовавшиеся нейронные связи стягиваются в т. н. *фокусы взаимодействия*. В них происходит синтез поступающих сведений, вследствие чего, вероятно, и принимается решение (или формируется ответ на «волнующий» вопрос). Синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – и составляет тот ключевой механизм, который лежит в основе ощущения как феномена уже не физиологического, а психического уровня и определяет, по мнению автора, «основу континуума психических переживаний».

Здесь мы вполне можем предположить, что чем важнее и сложнее информация, тем больше формируется *фокусов взаимодействия*. Здесь, возможно, коренится различие нейробиологической процессуальности дискретного и континуального мышления – чем больше таких *фокусов*, тем сложнее субъекту дискретно контроли-

ровать отдельные мыслительные операции (так, например, отдельные кроны деревьев в лесу на большом от них расстоянии зрительно воспринимаются как сплошная «зеленая масса»). Но, отметим еще раз, это только предположение.

* * *

Таким образом, вопрос, поставленный в названии этой статьи, ответа иметь не может (или не должен). Во всем, что касается мышления, эмоций, общения, факт первичности или вторичности континуальности и дискретности не имеет никакого смысла. Первична их необходимость и взаимодополняемость.

Статья эта началась с размышлений Н. Винера о преимуществе мозга перед вычислительными машинами. Этой темой уместно и завершить статью. В детстве, где-то в середине 1950-х гг. я услышал по радио передачу про ЭВМ (электронно-вычислительные машины). Тогда эта тематика уже становилась модной. В передаче шла речь о том, что ЭВМ могут не только очень быстро считать, но и решать логические задачи и даже переводить иностранные тексты. При этом говорилось и о том, что машина кое в чем не может заменить человека. И был приведен такой пример. В ЭВМ ввели немецкий текст стихотворения Гете «Ночная песнь странника» с целью его перевода на русский язык. Это стихотворение было основой для вольного перевода Лермонтовым («Горные вершины/спят во тьме ночной...»). Предполагалось сравнить его с машинным переводом. Я не помню, был ли тогда дан полный машинный перевод. Но последние две строки Лермонтова – «Подожди немного/отдохнешь и ты» – соответствовали машинным строкам – «Немного терпения и Вы получите возможность отдохнуть».

Без дискретности мышления мы бы никогда не научились считать, но без его континуальности не было бы на свете стихов.

Примечания

- 1 <http://www.musa.narod.ru/viner.htm>
- 2 *Налимов В.В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978.
- 3 Там же. С. 3.
- 4 *Брушлинский А.В.* Мышление как процесс и форма деятельности // *Вопр. психологии.* 1982. № 2. С. 29.
- 5 *Налимов В.В.* Указ. соч. С. .
- 6 *Копициер М.* Валентин Серов. Серия Жизнь в искусстве М., 1972.
- 7 *Иваницкий А.М.* Мозговая основа субъективных переживаний: гипотеза информационного синтеза // *Журн. высш. нервн. деятельности.* 1996. Т. 46. № 2. С. 241–252.
- 8 Там же. С. 243.

Коммуникативная онтология человека: принцип фокуса

Методологические основания проблемы

Возможности современного развития человека во многом связаны с постоянным совершенствованием коммуникационных технологий, которые позволяют расширять формы диалогового общения человека. Они существуют не как информационное поле, именно это часто понимают под коммуникацией, но как процесс глубокого кооперативного взаимодействия, опирающийся на системы обратной связи. Динамичность и множественность взаимодействий порождают синергические эффекты, неожиданные результаты. Диалог является именно таким, полным потенциалом пространством, где человек играет ведущую роль. Весь континуум связей и отношений, производимых как индивидуальными, так и социальными субъектами можно представить как феномен коммуникативной онтологии¹, которая позволяет проводить анализ многообразных ситуаций, где человек главное действующее лицо.

Среди достаточно большого количества социальных субъектов, которые в современном обществе переживают серьезные трансформации, человек привлекает особое внимание. Именно с потребностями творчески активного социального субъекта, которым он является, связано формирование соответствующих тенденций в развитии общества и возникновение гуманитарной проблематики, открывающей новые подходы в понимании мира, а также разработка принципов гуманитарной экспертизы² для новых систем отношений, развивающимся цифровым и дистанционным коммуникациям. Человек становится важным системным компо-

нением становления социума. Поэтому его индивидуальные изменения, – динамичность топоса, интенсивное расширение интерактивного пространства, – требуют разработки дополнительных способов исследования, создания такой научной оптики, которая настроена на целостность и системность человека.

В рамках гуманитарных подходов к изучению человека, среди достаточно обширной системы антропологических знаний, есть один методологический принцип в оценке особенностей науки, который, как представляется, актуален для дальнейшей разработки. Это идея «нового гуманизма» академика И.Т.Фролова, считавшего, что для ее реализации необходима такая структура науки, которая «сделала бы своим центром человека»³. Это требует «развития научной деятельности в духе целостного исследования целостного человека»⁴ и по существу «означает... “переворачивание” всей пирамиды науки, переход к такому состоянию, когда природу будут исследовать под углом зрения интересов и потребностей человека, а не наоборот»⁵. Фактически речь идет об изменении научной оптики, когда поиски происходят не просто «ради человека», а в тесном сопряжении с ним как с критерием успешности и экологичности развития. Иными словами, перевернуть пирамиду – это значит, рассматривать научные знания в более тесной взаимосвязанности с потребностями человека, более полно проявляя обратные связи между индивидом и создаваемым объектом науки, ее предметным полем.

Для решения этих задач «нового гуманизма» необходимо преодолеть ситуацию, которая сложилась в классической науке, породившей отсутствие человека в знаниях о природе. Такие знания, по существу, можно назвать «бессубъектными», поскольку человека настойчиво элиминировали в процессе получения научных фактов о мире. Именно это обстоятельство обеспечивало объективность знания, и, по умолчанию, надежность принимаемых решений, а так же возможность создания реальных прогнозов. Конечно, оно требовало и соответствующего регламентируемого поведения со стороны человека и было настроено на решение специальных практических, в значительной мере – технических задач, посредством которых производилось исследование и преобразование природы.

Работа с объективными, *бессубъектными* параметрами получаемых знаний – мощнейшая культурная традиция. На определенном историческом этапе эта традиция создала науку как эффектив-

ный инструмент развития социальных субъектов, как человека, так и общества, состоящий из теорий, законов, научных дисциплин. Однако *система обратных связей* не менее объективное, чем природные объекты, обстоятельство, так же существующее независимо от личных желаний человека: индивид как биологическое существо изначально включен во множество коммуникативных процессов, являющихся экологически важными параметрами его существования. Эти две позиции не противоречат, но развивают друг друга, расширяя возможности комплексного подхода в рамках научного знания.

Без обратной связи не происходит ни один акт познания, не возможен когнитивный процесс в целом. Она ясно показывает, насколько все связано с человеком, и насколько человек связан со всем. Поэтому понимать научное знание о природе не как отделенное от человека, а как изначально с ним связанное, вполне возможно. Данный уровень конкретности будет показывать гуманитарное наполнение познавательного процесса, способствуя развитию современной гуманитарной технологии получения знаний, а так же выработке принципов гуманитарной экспертизы, существенно расширяя ценностные подходы к результатам исследований.

В классической позиции человек концептуально был удален из отношений с природой, из онтологической коммуникативной пары «Человек–Мир». Все это как мировоззренческая позиция устойчиво, с небольшими изменениями, существует и сегодня наряду с другими системами мировосприятия. Данную ситуацию можно изложить в формальном ключе с помощью математической операции «дробь», показывающей соотношение разных величин. Понимая, что каждый предмет объектного мира, созданный человеком, определенным образом соотносится с ним, и все множество – тоже, можно представить дробь, где в числителе расположен предмет, например: X, Y, Z , а в знаменателе – субъект-человек ($S_{\text{чел.}}$). Фактически такие дроби имеют общий знаменатель, который можно игнорировать, производя действия в основном с числителем. Поэтому логично абстрагироваться и от человека, как от «знаменателя», и в дальнейшем рассуждать только о целых числах, т. е. о предметах.

В принципе, так и сложилось: в классическом научном знании рассуждают о бессубъектных объектах. Но при этом все достижения науки, а так же сопутствующие риски, человек проверяет на

себе. Незнание в области возникающих, но не замечаемых связей, безусловно, наращивает риски для его жизни. Но он, к сожалению, умеет их обнаруживать только тогда, когда они осуществятся. Человеку постфактум приходится защищаться, работать над ошибками, исправляя то, что не смог предусмотреть. Внося поправки, он фактически включает в имеющееся бессубъектное знание «человеческий фактор», признает исключенную, но устойчиво существующую соотношенность мира с человеком. Но такая коррекция обходится слишком дорого, многие научные достижения имеют слишком высокую цену! Человек проверяет на себе полученные знания, живя, часто не осознавая того, в экспериментальном пространстве. Современные темпы изменений реальности делает это все более очевидным.

Система коммуникаций, имеющая онтологический, бытийственный статус, остается вне наблюдения и понимания до тех пор пока гуманитарные аспекты науки не найдут адекватную оптику для осознания изначальной – объективной – соотношенности человека с миром. Требуется сделать ее теоретически проработанной и тем самым, более устойчивой. Необходимо не только вернуть человека в эту «дробь», но и одновременно перевернуть соотношение, разместив человека в числителе, показав человека как более значимого. Сделав его точкой отсчета, можно всякий объект *проверить на уровень благоприятной соотношенности с человеком*, чтобы каждое изобретение, открытие было адекватно развитию человека, его природе. Только тогда достижения науки станут гуманитарно содержательными и сформируется устойчивое представление о ценностной значимости и необходимой экологичности научных изысканий, а так же результатов проектной деятельности человека.

Современная наука, активно расширяющая свою методологическую базу, развиваясь в новом, постнеклассическом формате, выявляет существование принципа «человекомерности»⁶ знаний. Использование его как критерия создаваемого научного знания может повысить продуктивность исследований, усилив в нем коммуникативную составляющую как онтологическую основу развития человека.

Диалог с инфороботом

Человек сегодня осваивает компьютерные цифровые технологии и вполне успешно формирует себе «замену», работая над технологиями искусственного интеллекта. Он создает сложные инструменты – роботов, которые постоянно совершенствуются и уже имеют свойства самообучения. Ими могут быть автоматы или программы вполне способные не только выполнять команды, но и участвовать в диалоге, будучи организаторами и инициаторами коммуникации. У человека теперь есть и реальный собеседник с достаточно большим лексическим запасом, прозванный «инфа»⁷, который расширяет рамки коммуникативной онтологии. Уже сегодня подобный диалоговый коммуникатор создается производителями как игрушка для ребенка, создавая новое проблемное поле. Став хозяином «инфы», ребенок быстро включается в предлагаемую игру и легко может стать эмоционально зависимым. Дети, а нередко и взрослые, могут оказаться ведомыми, несмотря на то, что по своей природе являются более сложноорганизованными биологическими системами, а «инфа», как некоторый программный комплекс – лишь продукт деятельности человека.

Подобная зависимость показывает, что управляющая, доминирующая функция, задающая режим отношений, вполне может находиться «в руках» простых, как правило, искусственных систем. При этом «инфам» совершенно не нужны антропные формы. Важно, что они могут входить в предпочитаемый индивидом тип коммуникации. Избавиться от зависимости и реализовать практически безграничный потенциал таких систем возможно только тогда, когда человек будет способен сохранять свою ведущую, доминирующую функцию. Он должен уметь *выстраивать с ним взаимодействия, соответствующую обратную связь*, чтобы успешно управлять ресурсами этого инструмента. При этом робототехника как мощный программный продукт современной науки, имеющий способность саморазвития и самоусложнения, повышает ответственность человека за результат взаимодействия, использование ценностных, гуманитарных принципов развития. «Умные» инструменты способны к самоорганизации, а значит, они способны и к созданию кооперативных эффектов. Отношения «человек – инструмент (предмет)» может эффективно поддерживать, но может

и подавлять человеческое в человеке⁸, поскольку через систему обратных связей индивид осваивает необходимую модель коммуникации с миром.

Использование саморазвивающихся инструментов ведет к принципиальному ускорению и возможным трансформациям в индивидуальном развитии. Возникает серьезная задача выявления особенностей таких новых моделей отношений. Как можно полагать, это на порядок более динамичные интерактивные соотношения, которые охватывают и включают в коммуникацию любого человека на уровне его психофизиологической системы. Кроме того, инфоробот сфокусировал внимание еще на одном обстоятельстве, которое так же давно замечено психологами: можно строить общение с объектами, создавать модули с обратной связью, независимо от того, из какого материала они изготовлены⁹. Важным оказывается то, что образуется коммуникативная пара, создается личный топос человека, интерактивная среда, в которой заложены ресурсные возможности для развития.

Фактически человек в интерактивном пространстве обнаруживает себя как сотворяющего, *формообразующего субъекта*. Он всегда остается центральной фигурой. Его онтология определяет само существование диалога: едва ли два «инфа» будут по собственной воле «общаться» друг с другом. Задавая форму диалога, человеку необходимо выбрать посильный для управления, сохраняющий его доминирование, инструментарий. По существу, это продолжение обычной тактики, поскольку человек широко использует в своей практике саморазвивающиеся – биологические – системы. Просто сегодня они дополняются цифровыми программными комплексами, делающими процесс взаимосвязи более интенсивным и, естественно, более проблематичным.

Протекание диалога как коммуникативного процесса с открытыми обратными связями, может привести к самым различным результатам, особенно если такое общение насыщается интерактивностью «инфов». Фактически человеку надо постоянно учиться сохранять собственную устойчивость, не выпадая из соотношений с внешним для него миром природы и социума, оставаясь в верхней части рассмотренной ранее «дробки». Только в таком случае человек станет проявляться как адекватный общим процессам научного и культурного развития становящийся субъект.

Синергичный (кооперативный) эффект

Для удержания устойчивости данной ситуации, необходимо на концептуальном уровне подчеркнуть *онтологические особенности коммуникации*: она как процесс потенциальна и имеет способность к порождению новизны, воплощаясь в индивидуальной и социальной деятельности человека.

В системе прямых и обратных связей возникает соотношение, которое можно понять как эмоциональный контакт, порождающий у человека особое состояние. Оно может ощущаться как волшебное умножение своих сил, которые не могли появиться в результате простого сложения усилий участников общения. Подобный эффект наблюдается не только в живых биологических, но и во всех природных системах. Несмотря на то, что результат в этом случае, как и во всех открытых коммуникациях, непредсказуем, синергичный (кооперативный) эффект весьма устойчив. Можно даже говорить о возникновении и существовании специальных технологий его создания, которые стали использоваться значительно раньше, чем об этом начала говорить точная наука.

Интересно обратить внимание на процесс становления межличностных и социальных коммуникаций, как во время общения между участниками взаимодействия (субъектами) возникают эффекты синергии. При формировании отношений в фокусе, а точнее, на пересечении интересов взаимодействующих субъектов может возникнуть неожиданное творческое решение, которое невозможно было бы предвидеть вне рамок этого взаимодействия. Такой кооперативный эффект всегда привлекал внимание как некоторое волшебное свойство, усиливающее объединенных индивидов. Целеустремленность взаимодействия может возникнуть в любой коммуникативной паре, независимо от величины и сложности субъектов. Здесь может появиться *точка роста*, имеющая организационное значение, порождающая новые технологии коммуникации.

Рассматривая собственно кооперативный эффект, синергию взаимодействия, стоит сосредоточить внимание на *феномене «фокуса»*, который проявляется в познавательном процессе и часто описывается как озарение. У человека неожиданно происходит понимание того, что он не мог осознать ранее, как бы не получая доступа. Так себя проявляет *точка роста познавательных отно-*

шений, изначально возникающая в диалоге человека с природой, формирующая у него собственный образ¹⁰. При этом личностный образ работает как зонд, реализующий функцию опережающего отражения, позволяющего человеку создавать собственные цели и с увлечением устремляться вперед, вырабатывая прогнозы, соотнося себя с возможным будущим. Коммуникативное пространство насыщено нелинейными связями и, соответственно, такими же результатами. Поэтому всякое новое знание фактически непредсказуемо, является для человека чудом «со-бытия» (Хайдеггер), личным эмоционально переживаемым открытием.

Принцип фокуса

В слове «фокус» заложено *два смысла*, с которыми человек знакомится достаточно рано, и такое единство смыслов не случайно. Эту бинарность можно рассмотреть сквозь призму отношений, которые выстраивает человек с внешним миром. Фокус в наиболее раннем своем содержании – это чудо, труднообъяснимое явление; а как научный термин предмета физики, оптики – это сведенные в одну точку лучи света. Фокус в своем общем значении, то, что собирает воедино, стягивает, а в результате – порождает чудо, привлекает. По существу это понятие несет в себе функцию сосредоточения, *фокусировки внимания* взаимодействующих субъектов. Можно сказать, что это особый тип диалога, дающий кооперативный эффект. Естественным образом появились и соответствующие *технологии* сосредоточения внимания, используемые для осуществления взаимодействия, дававшие как организационный, так и образовательный результат.

Реализация этих технологий развивалась в культуре с давних времен и была скорее интуитивной, но выполнялась только посвященными. Важно было, опираясь на синергичное начало коммуникации, запустить процесс отношений. Этого достаточно для создания знания и трансляции его в различных, постоянно усложняющихся – жестовых, устных и письменных – формах. Получение знания, конечно, не было последовательным линейным процессом, но могло произойти в условиях вполне стандартных, рутинных действий как некое индивидуальное открытие. Но этого никогда нельзя было запланировать, можно было только ожидать.

Если рассматривать *фокусничество как технологию*, то для него обязательно выстраиваются отношения в коммуникативной паре субъектов. Автор фокуса – иллюзионист, за действиями которого смотрят несколько человек – зрители, опирается на эффект *синергии*. Факир не боится вступать во взаимоотношения с толпой зевак, поскольку он на опыте знает о кооперативном эффекте взаимодействия, демонстрирует его как свою силу, и знает, как им управлять. Необходимо отметить, что здесь, при всей силе доминировании одного человека, существуют *две стороны*: иллюзионист со своими помощниками и зрители. Они *совместно* создают эффект фокуса. Коммуникация традиционно строится таким образом, чтобы создать эмоциональную реакцию, впечатление – визуальное, аудиальное или какое-то другое, которое должно возникнуть у зрителей. Важно, чтобы зрителю в этом взаимодействии не открылась техническая сторона фокуса, а только ощущалась необычность явления. Человек, превращаясь в свидетеля уникального события, переживает глубокое удивление, попадает в устойчивое виртуальное состояние.

Технику взаимоотношений можно описать следующим образом. Фокусник в этом взаимодействии является *ведущей* стороной, а зрители – *ведомой*. Он формирует ожидание, привлекает (фокусирует) внимание человека к определенным явлениям и достигает результата. Говоря современным языком, он как организатор соотносит все условия взаимодействия со зрителем и выбирает оптимальный вариант действий. Нередко он это делает интуитивно, находя в процессе взаимодействия, новые решения. Современные мастера фокуса многое могут делать вполне осознанно, это входит в технологию создания иллюзии. И важно заметить, что это вопрос не обмана зрителей, а своеобразного соглашения на получение эмоционального впечатления, на создание наиболее глубокого и запоминающегося эффекта. Только очень хороший фокусник способен объединить и заставить одновременно удивляться разных членов общества. Особенно в тех случаях, когда современная, критически настроенная публика жаждет такого эффекта.

Мастера своего дела, создавая фокус, в результате не просто показывают, но стимулируют потребность восприятия человеком данных эффектов. Они дают импульс не просто к наблюдению, но к стремлению познать тайну фокусов, сдвигая человека с ру-

тинного восприятия окружающей среды. И в некоторых случаях человек начинает осознавать мир, побывав зрителем именно у фокусника. Возбуждая у человека удивление, своеобразное неустойчивое состояние эмоциональной системы, иллюзионисты порождают у многих зрителей желание преодолеть первичное удивление и понять, что происходит. Фактически они возбуждают потребность к систематическому познанию через создание постоянных интеллектуальных импульсов. Внешнее событие, вызвавшее эмоциональное переживание, «переселяется» в сознание человека, становясь предметом размышления, полем личного вопрошания и получения ответов.

Когнитивность со-бытия

Подобная эмоциональная связанность с демонстрируемыми иллюзионистом фокусами, волшебные отношения с миром, могут перерасти в логические умозаключения, давая рациональный результат. Это вполне естественно: повышенное перевозбуждение, эмоциональный всплеск в области правого полушария фокусируется в зонах левого полушария. Происходит серьезное когнитивное событие, когда на физиологическом уровне человек обретает свою собственную точку опоры, что естественно, делает фокус «индивидуализированным». Те отношения, куда был вовлечен человек, интериоризируются, становясь личностно значимыми, истинными. Одновременно понятно, что для познавательного процесса также важен тот эффект фокуса, который приводит к усилению собственно внимания. В результате после изменения коммуникативной ситуации, человек перестает быть ведомым и уже способен сосредоточиться на других вопросах, например, на своей творческой деятельности. Подобное обретение склонности к самостоятельности играет важную роль в понимании мира.

Когнитивные возможности коммуникации интересно рассмотреть еще через функции взаимодействующих субъектов. Иллюзионист и зритель выполняют каждый свою задачу. Со стороны зрителя понимание фокуса является только рационально-интеллектуальной задачей. А для иллюзиониста, создающего фокус – это не только рациональная, но еще и *практическая* задача.

Она требует построения взаимодействий, порождения синергетического (кооперативного) эффекта. Фактически во время своего шоу факир не столько представляет нечто, сколько управляет ситуацией и порождением нового. Решение этой задачи не является чем-то из ряда вон выходящим. Имеется богатый исторический опыт: *сотворение чудес* всегда практиковалась в массовых ритуальных действиях при большом стечении народа. Многие религии сначала опирались, а затем сознательно строили свою миссионерскую деятельность на том, что массе людей предъявлялись некоторые, собственно синергетические, эффекты.

Однако подобная сакральность исчезала, если среди публики оказывались критически настроенные люди. Интеллектуальные зрители со способностями логического анализа, развитыми функциями левого полушария¹¹, как минимум, демонстрировали скепсис в восприятии явления, сохраняя за собой право сомнения. Они утверждали презумпцию знания, стремились найти истину. На определенном этапе развития критического, оценочного мышления для человека, наблюдающего за фокусом, начал становиться значимым его познавательный потенциал: он вскрывал в человеке удивление миром природы. Но при этом надо заметить, что фокусник, строя отношения со зрителем, зная особенности демонстрируемого объекта, технические стороны своей работы, все же не обучает знанию, а только возбуждает в человеке *его собственную потребность* понять, что и как происходит. Тем самым у человека возникает и поддерживается интерес к познавательному творчеству, стремление самому раскрыть секреты мира.

Фокус, как мы видим, естественным образом порождает интеллект как противоположную себе силу, которую не очень любили именно за то, что он «обезоруживает» фокус, лишает его чудесности, разрушая фактически смысл таких взаимоотношений. В принципе, размышляющий человек мог раскрыть все технологии создания фокуса. И подобное усиление роли интеллекта можно назвать подготовкой к серьезным качественным изменениям в личностном развитии человека. Напряженный процесс размышления порождает точки напряжения, *бифуркации* и происходящий взрыв резко меняет ситуацию. Человек расстается с чудесным мышлением, побуждавшим его – через любопытство, эмоциональное ожидание и переживание синергетического эффекта – к познанию и переходит

на качественно иной тип отношений. Он, продолжая интеллектуально продвигаться дальше, углубляется в собственно природные свойства окружающего его пространства, которые можно использовать в практических целях.

После таких трансформаций возникает человек, фактически владеющий знаниями мага, но строящий отношения не с публикой, а с естественной природой. Но поскольку он меняет тип коммуникации, то тем самым изменяет и свое положение в целом. Действительно, возникает серьезное изменение условий – человек выносит себя за пределы ситуации, в которой порождалась синергия фокуса. Он уже не участник этой ритуальной кооперации, вышел из коммуникативной пары «фокусник – толпа». Он самостоятельно отстраняется от публичности и выбирает путь индивидуального диалога с миром, выбирает свободу.

Подобные трансформации могли произойти и с организатором фокуса. В исходной системе иллюзионисты всегда остаются в зоне массовой коммуникации, *общения с публикой*, поскольку фокус без публики для них не имеет никакого значения. Вся деятельность и техническая подготовка связаны с тем, что это нужно кому-то представить, показать. Говоря современным языком – создать шоу. Суть артистизма в том и состоит, чтобы, предчувствуя ожидания, психологический настрой публики, породить этот синергетический эффект, будучи непосредственным участником взаимодействия.

Если же у иллюзиониста существует только одно желание – найти технические решения, которые следует просто скрыть от публики, то он неизбежно, выпадает из нужной системы взаимоотношений. Фокус перестает быть интересным, становится формальным. Мастер перестает наблюдать и чувствовать публику, игнорирует себя как искреннего и непосредственного участника этого взаимодействия, по собственной воле исключая себя из коммуникации.

Подобная элиминация, самоисключение человека из системы отношений привело к возникновению новой коммуникативной практики, формированию предпосылок для появления и развития совершенно иных, когнитивных технологий. При этом разница между теми и другими была незаметной, но существенной. Люди, знающие и практикующие фокусы, тратили свои силы, создавая соответствующие инструменты, в *социальном пространстве*.

А люди, стремившиеся к открытию тайн природы, строили отношения с *природными системами* естественного мира, создавая всевозможные инструменты его испытания.

Доминанта объекта

Возникновение подобной практики привело к закономерному результату – произошел своеобразный *объектный поворот*. Сформировалась тенденция постепенного перехода к новому типу отношений, закрепившихся в когнитивных коммуникациях человека, которые и открыли возможность становления науки.

Оказалось, что фокусник, исключая себя как наблюдателя за наблюдением зрителя, став исследователем, вообще вывел наблюдающего (человека) из своей системы познания. Возникла особым образом оптимизированная задача: наблюдать за природой, вглядываться в ее глубины, абстрагируясь от самого себя как наблюдателя. Фактически уже здесь упоминавшаяся ранее «дробь», показывающая соотношения природных объектов, предметов с человеком, не требовалась. А сам исследователь полагал себя «незаинтересованным» наблюдателем, становясь создателем традиции восприятия мира как объекта, максимально освобожденного от связей с человеком.

Если сравнить две рассматриваемые фигуры – фокусника и ученого – то можно сказать, что коммуникативное пространство было более богатым в представлении, да и в практике, фокусника. Исследователь, испытывающий природу, удерживает в сознании меньшее число коммуникативных параметров, перераспределяя свои усилия в другую область деятельности. Проследим более подробно этапы функциональных изменений, приведшие к элиминации человека и возникновению пирамиды науки.

1. Изначально фокусник, проектируя, создавая чудо, мыслит себя одновременно *и наблюдателем, и изготовителем* этого фокуса. Он экспериментирует со своими способностями восприятия как с общечеловеческими качествами и естественно, представляет, как фокус будет на него действовать. Зная все секреты фокуса, он, конечно, не переживает столько удивления, сколько переживает зритель, но он не покидает этого коммуникативного пространства,

понимая, что без его персоны ничего не произойдет. Это свойство непосредственного взаимодействия характерно для живой жизни и иллюзионист способен его воссоздать. Когда же человек *сосредотачивается только на предмете*, игнорирует этот синергичный эффект наблюдения, который возникает при создании фокуса, и отбрасывает его вместе с публикой, тогда, становясь ненужным сам, он исключает себя и как наблюдателя. Человек теоретически перестает удерживать этот феномен в голове, а точнее говоря, не может его держать теоретически, потому что перестал его держать практически. В этом случае даже невозможно абстрагироваться, поскольку абстрагироваться не от чего.

2. С этого момента, как видим, роли «практика-фокусника» и «исследователя», начинают различаться не только по предмету деятельности. Произошло и более серьезное – субъектное изменение, а именно, разделение на *разные способы мировосприятия*, уровни и технологии саморефлексии человека. При познании природы стало необходимым как можно больше нейтрализовать субъектное начало – коммуникативные признаки, а значит, исключить собственно синергичные, кооперативные эффекты. Стала выстраиваться пирамида знаний, представлений о мире, в которой не было человека. Сложился своеобразный тип монокоммуникаций, тип закрытого познавательного диалога человека с природой. При этом исследователь стремился добиться от природы однозначного ответа, познать истину, очистить результат от вариативности.

3. Заметим также еще одно важное обстоятельство: перестав работать на публику и мыслить себя как «микро-публику», человек фактически *отказался от стояния геиштальта*¹², которое свойственно фокуснику, переходящему из состояния технически грамотного знающего, более того все сделавшего человека, в состояние предвкушения и артистического удивления. Вместо такого многомерного подхода возникла монопозиция испытателя природы, который настойчиво искал истину. Поглощенный совершенно уникальной экспериментальной деятельностью, человек углублялся в познание внешнего мира, настраиваясь на взаимодействие с интересующим его объектом. Все остальное вокруг становится фоном, т. е. малозначимым, в том числе и он сам. Человек выделяет предмет в процессе познания, но не выделяет себя: человек на-

всегда становится фоном для *предмета* – фигуры. Он становится невидимым в пирамиде науки и в системе соотношений, «дробии», естественно, занимает место, более низкое, чем объект. Это диалог компетентного человека, который, зная все про природу, перестал удивляться. Или, в ином случае, еще продолжая удивляться и заходя все дальше в исследованиях, придерживается стандартов истины и считает различные необъяснимые, чудесные явления, т. е. собственно синергичный эффект, излишним. Исследователь отказывается его изучать – он ему не нужен: бесполезен, не интересен и как предмет, и как то активное состояние, которое важно и интересно фокуснику.

4. В результате был сделан еще один шаг: *исследовательский диалог* ученого стал совершаться без посредников, т. е. без «учета самого себя», воспринимаемого как помеха. Система прямых и обратных связей в этом случае максимально сжимается, человек «снимается» в своем предмете, свертывается. Опыт успешной работы с объектным миром показал, что ему достаточно эффективно удастся выделить предмет на своем собственном фоне. И это естественно, поскольку предмет изначально соотнесен с человеком, вписан в его систему мировосприятия и практической деятельности, связан с его индивидуальными потребностями. В таком свернутом, с обедненными обратными связями, диалоге с природой, продолжая быть фоном для предмета, человек обретает эффективность в целеустремленности, а так же развивает свои субъективные способности *фокусировки внимания* на области исследования. Собственно говоря, эта особенность становится одной из важнейших, посредством которой предмет оказывается явленным, и не только для одного человека, но и для многих; ухватывается и удерживается системой чувств, перцепцией, сознанием. Человек учится видеть этот предмет и взаимодействовать с ним.

5. Постепенно в практике научного исследования, а так же трансляции знания формируются разнообразные *технологии фокусировки внимания*, основанные на усилении рациональности – создание вопросов, формулирование ответов, развитие диалога, разработкой доказательства и пр. Фокус в какой-то мере стал скрытой внутренней частью обретаемого знания: технологии, готовящие человека к достижению конкретной цели, сонастраивали человека с предметной областью. По существу, удовлетворение

познавательного интереса (любопытства) человека стало индивидуальной, неявной формой реализации синергического эффекта. При наличии большого количества целей и значительного предметного поля, вырабатывается уже специальная, сложная система отношений – образовательный процесс, посредством которого человек стремится к удовлетворению потребности в самореализации. Расширяя свои взаимосвязи с миром, он реализует свою природную функцию, активность в организации коммуникаций, почти никогда не признавая это обстоятельство значимым. В результате складывается мощная система дисциплинарного, предметного знания, в которой человек отчужден от самого себя.

6. Предметная познавательная область сложилась как естественно-культурное расширение взаимодействия человека со средой с вовлечением психофизиологического уровня его развития, всегда позволявшего ощущать кооперативный результат новых взаимодействий. Чувствуя *точку роста* собственных знаний, человек однако, не включал ее в зону своего рационального внимания, основанного на линейной логике и упорядоченности. Синергические эффекты процесса взаимоотношения с природой становились для него важными лишь тогда, когда изменялась привычная среда, а накатанные технологии, например, автоматизмы руки в рутинной мышечной работе, переставали давать нужный результат. Тогда, чтобы избежать потерь и рисков развития, возникала необходимость искать и использовать новое.

Рассматривая гуманитарные тенденции в развитии науки, следует отметить, что предметная деятельность по своей фундаментальной значимости является важнейшим развивающим фактором, а так же самостоятельной психофизиологической способностью человека. В ней складывается устойчивый опыт кооперативного взаимодействия со средой как некоторое *объективное*, свойство, качество, не зависящее от знания, а точнее, осознания человеком этого факта. Пластика психики человека исторически развивается в направлении предпочтения предметной деятельности, позволяющей выживать с помощью конструирования инструментов преобразования природы. Но более высокие конкурентные преимущества дает способность гносеологической, познавательной коммуникации, поскольку позволяет совершать интеллектуальный творческий поиск, постоянно работать с но-

выми объектами. Эффективность этого ярко проявляется в цифровом пространстве сетевых и виртуальных коммуникаций, где человек становится более свободным. Ему практически ничего не мешает выходить за имеющиеся константные условия среды и исследовать новые соотношения.

По существу, системы взаимосвязи, онтология коммуникаций становятся новой предметной областью, в которой человек посредством постоянно обновляемой предметной сферы будет развивать свои потенции и получать новые ресурсы, кооперативные результаты. И в данной области будут все большее место занимать мультимедийные объекты, программные диалоговые комплексы, виртуальное общение, дистанционные сетевые отношения. Развертывающийся потенциал человека заставляет дополнять традиционную научную оптику еще одним типом научного видения: не только смотреть на человека сквозь призму наук, но и на науку сквозь призму человека, понимая его как формообразующий фактор в системе отношений с природой.

Примечания

- ¹ *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика постижения сложного. Синергетика и психология. Тексты. Вып. 3. Когнитивные процессы. М., 2004. С. 90.
- ² Идея гуманитарной экспертизы высказывалась и обсуждалась более двадцати лет назад академиком И.Т.Фроловым для решения масштабных задач Перестройки, развития «энергетических, социальных, технологических проектов в различных сферах жизни, в том числе в промышленности и в образовании». См.: *Фролов И.Т.* Возвращение к человеку // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 14.
- ³ Наука, общество, человек. М., 2004. С. 5.
- ⁴ *Фролов И.Т.* Возвращение к человеку. С. 15.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 680.
- ⁷ См.: Беседа с Игорем Ашмановым, автором проекта «Ай-яй-яй» (iii.ru) <http://itvcom.ru/programs/idea/ashmanov/?pos=3>, а так же <http://www.unova.ru/article/7069> (16.04.2011, 22–30).
- ⁸ Как писал в своей работе об орудиях труда еще в 30-х гг. XX в. П.Я.Гальперин, индивид получает через инструмент особый импульс, позволяющий ему функционально выйти на человеческий принцип развития. См.: *Гальперин П.Я.* Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение. Кандидатская диссертация. (Харьков, 1937 г.) // Психология как объективная наука. М., 1995.

- 9 Наиболее ярко это проявилось при организации самостоятельной игры ребенка, где наибольшую эффективность давали символы тех или иных предметов. См. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1999.
- 10 Это личностное представление переключается с «личностным знанием» М.Полани, порождающем индивидуальный опыт, который является самым убедительным для человека. См.: *Полани М.* Личностное знание. М., 1985.
- 11 Заметим, что здесь и ранее имеется в виду стандартные нормы, характеризующие возможности правого и левого полушария. В целом у каждого человека может наблюдаться свое распределение эмоционально-логических зон, но в целом сохраняется их латеральность.
- 12 Особенности гештальт восприятия связаны с умением на предложенном изображении одновременно воспринимать и «фон», и «фигуру», или гибко переключаться с одного на другое. Эта динамичная форма существования образа изучается в рамках психологии. Например, известное изображение белой вазы на черном фоне, который может быть создан двумя профилями. Смысл изображения определяется тем, что мы считаем фоном, а что – фигурой.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Юрий Гранин

Формирование российской нации: коммуникативный процесс

Вопрос о формировании «нации» был и остается ключевым вопросом внутренней политики любого полиэтнического государства. Правда, до недавнего времени о необходимости формирования «российской нации» вообще предпочитали помалкивать. Но после декабрьских 2010 г. волнений в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и последовавших за ними терактах о создании нации наконец-то вновь заговорили не только в блогосфере, но и в высших эшелонах власти. Так, 27 декабря 2010 г. В.В.Путин высказался о необходимости формирования «общероссийского патриотизма» – аналога патриотизма советского, а Д.А.Медведев заявил, что «идея российской нации абсолютно продуктивна, и её не нужно стесняться»¹. 11 февраля 2011 г. президент развил эту мысль: *«Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только тогда мы будем крепкими»* (курсив мой. – Ю.Г.)².

Совершенно верно. Однако, читая стенограммы указанных выше совещаний у президента, я убедился: многие их участники (особенно руководители «национальных республик») либо не в восторге от этой идеи, либо плохо понимают, о чем собственно идет речь, продолжая рассуждать о «самобытности российской цивилизации» и «российской нации» как о состоявшемся историческом факте. Вот что говорил, например, руководитель рабочей группы по подготовке заседания Президиума Госсовета 11 февраля 2011 г., губернатор Ростовской области В.Ю.Голубев: *«Мы – все граждане*

России – являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит будущее. ... Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический и межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ» (курсив мой. – Ю.Г.)³.

Хочу разочаровать уважаемого губернатора: в истории России периоды «межэтнического мира» и «баланса различных этнокультурных сообществ» были весьма редки, а «российская нация» так и не была создана. Впрочем, отождествление «нации» с «этнокультурным сообществом» характерно не только для массового сознания, но и для научной политологической литературы. Там принято противопоставлять два типа наций: «гражданско-политические» и «этнокультурные». Но это противопоставление, как будет показано далее, ошибочно: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узами общего гражданства. В действительности «нация» – это появившаяся лишь в XVIII–XIX вв. *исторически новая общность людей*, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой. Важнейшая роль в формировании большинства наций принадлежит государству, которое совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования целенаправленно формирует у людей воображаемый ими образ «Отечества – Нации» («России», «Франции» и т. д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

Но как интегрировать полиэтническое, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе?

* * *

Чтобы приступить к обсуждению этих проблем, необходимо сначала ответить на следующие «простые» вопросы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формирова-

лись нации и национальные государства в Европе? Очевидно, ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: теоретически отличить нации от этносов почти невозможно. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов. Лишь наличие собственного государства или стремление его обрести («национализм») – то, что эмпирически (в общественном мнении) действительно отличает нации от этносов. По всем остальным атрибутивным признакам они совпадают.

Получается, что «нация» – категория конвенциональная. Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 г. британскому обществоведоу Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В значительной мере это действительно так. Нация – цель любого национализма, а национализм – средство формирования, развития и экспансии наций. После выхода в 1964 г. книги К.Дойча «Рост наций», работы Э.Д.Смита «Теории национализма» (1971), монографии 1983 г. Э.Геллнера «Нации и национализм», книги Б.Андерсона «Воображаемые сообщества» и сборника статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера «Изобретение традиции» это положение стало максимой для большинства специалистов. В дальнейшем *принцип осознанного политического и социокультурного конструирования основных европейских наций*, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Дж. Бройи, М.Манна, Ч.Тили, М.Шадсона, Э.Хобсбаума, М.Хроха и некоторых других авторов. Если обобщить и суммировать их выводы, мы получим следующую картину процесса образования наций и национальных государств в Европе XVIII–XIX вв.

Понимаем ли мы «нации» как преимущественно антропосоциокультурные или политические (гражданские) общности, их формирование было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столе-

тий, мотором которого была ускоренная модернизация всех сфер жизни европейских стран, а следствием – развитие рыночных отношений, науки, техники и возникновение европейского рационализма. Однако ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое – современное – государство, «бюрократическая машина» которого успешно «перемалывала» многочисленные этносы, столетиями жившие на территории европейских стран.

Смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования.

Так, распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет заложили основу «национального сознания». Прежде всего, были созданы *унифицированные поля обмена и коммуникаций*, менее обширные, чем на латыни, но шире чем на разговорных диалектах. Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения.

Но массовое распространение в **XV–XVI вв. технологий печатания** книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен как «нация». Говорившие на разных формах французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре, теперь стали понимать – благодаря печати и бумаге. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светский, партикулярной жизни зародыш «национально-воображаемого общества» – «нации», попутно изменив представление европейцев о времени. «Роман и газета, – пишет Андерсон, – были теми формами, которые обеспечивали технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия-персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором

в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени – это точный аналог идеи нации»⁴.

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразие разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты поддавались – в определенных пределах – слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то развитие общенациональных систем образования в XVIII–XX вв. стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции. Распространяясь по схеме «центр – периферия», общая для всех «высокая культура», созданная литераторами, художниками и учеными доминирующего этноса, шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое – людей, принадлежащих одной «нации». Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля государства, часто использовавшего репрессии. Образованные в результате многочисленных войн государства Западной Европы являли собой новый тип государства, одной из важнейших задач которого было легитимное принуждение к национальному единству: тюрьма, топор и гильотина были важными средствами национальной интеграции в XVIII столетии. Но по настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX в., когда массовое и светское начальное образование стало нормой в большинстве западноевропейских стран.

С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили

в бисмаркской Германии, царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс образования нации не был завершен, главным образом, из-за имперских амбиций и непоследовательности государственных действий.

* * *

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые «владели империями» и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, *Россия сама была империей. И первоначально даже не ставила цели формирования одной нации как политической общности, основанной на «суверенитете народа»*. Разумеется, в России существовало то, что Э.Геллнер, Ю.Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были православие и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II **о дворянских вольностях**, не было «так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»⁵. Ю.Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* – «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правлящие сословия, которые встречались друг с другом в «парламентах» или в других «представительных собраниях», представляли страну или «нацию» *перед лицом двора*»⁶.

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI–XVII вв. были **Земские соборы и Боярская Дума**, которые затем были упразднены Петром Великим, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII в. был не сокращен, а увеличен. Да и сама, представленная в столичных салонах, так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой причудливое смешение языков: «французского с нижегородским».

Так что вплоть до начала XIX в. многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» в империи не было. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего, А.С.Пушкина, в первой трети XIX в. в России *возникает русский «лингвистический национализм», способствующий «натурализации»* династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично добившись успеха)»⁷. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б.Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»⁸.

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю.Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»⁹. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, – признавался Николай I, – деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»¹⁰.

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840–1860 гг. на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций». По мнению А.И.Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»¹¹. Но это спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторю, что так называемый «имперский национальный проект», так и не был до конца продуман, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики.

Как и в других странах, идеологию российского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?», отнюдь не способствовали делу национального строительства. Прежде всего, в той его части, которая связана с культурной гомогенизацией населения, которая должна проходить под «российскими», а отнюдь не «русскими» лозунгами. Между тем именно идеология *русского* этнонационализма, круто замешенного на обосновании превосходства «русского племени», стала (особенно накануне первой мировой войны) доминировать на страницах большинства, в том числе и либеральных, российских газет и журналов. Вместо идеи формирования российской нации как согражданства возникает миф «русской нации», в числе активных делателей и пропагандистов которого, помимо откровенных черносотенцев, были выдающиеся умы российской интеллигенции: Андрей Белый, Валерий Брюсов, Н.Бердяев, В.В.Розанов, А.С.Изгоев, Н.В.Устрялов, М.О.Меньшиков и много других менее известных писателей и мыслителей, обосновывавшие, каждый по своему, идею «православной империи русской нации»¹². И это ежечасно и повсеместно рождало культурный и политический этнонационализм.

Надо заметить, что политика официального национализма, даже если она осуществляется либерально-демократическим государством, всегда порождает «свое иное» – этнический на-

ционализм. Этнический и государственный «национализмы» в полиэтнических государствах это две стороны одной националистической «медали» – они обуславливают друг друга, постоянно провоцируя межэтническую напряженность и конфликты. Смягчить их можно только за счет предоставления равных политических прав и культурной ассимиляции сначала этнических элит, а затем и всего народа, плавно приобщив их (через СМИ и систему образования) к «высокой культуре» государствообразующего (в нашем случае – великорусского) этноса. Но именно этого в царской России сделано не было. Формально признав равные политические права за всеми «инородцами» (выдав им паспорта), частично инкорпорировав знатные роды Польши, Малороссии, Прибалтики (остзейские немцы), Кавказа и Туркестана в «правлящий класс» империи, *самодержавие так и не выработало программы культурно-лингвистического национализма* и для русского, и для других народов России. Фактически империя строилась и расширялась помимо населяющих ее народов, которые будучи неграмотными, разумеется, не могли даже вообразить такую социокультурную общность как «нация».

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «инородцев», не отделив православие от государства, империя так и *не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всем пространстве империи*, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «псковских», «калужских» и «тутошных». В этих условиях о формировании российской нации как социокультурной общности и согражданства и речи быть не могло. К началу первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. В итоге Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

* * *

Пытаясь восстановить себя в прежних границах, советская Россия из конъюнктурных соображений провозгласила «право наций на самоопределение, вплоть до отделения» и Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля

1918 г., объявила страну федерацией национальных республик. Но образование на территории бывшей империи ряда независимых государств, сепаратистские устремления внутри самой РСФСР вновь актуализировали проблему самоопределения народов, вызвав к жизни дискуссию о принципах создания СССР в 1921–1923 гг., завершившуюся выработкой политики «коренизации» и «территориализации» народов союзных и автономных республик. То что эта политика, в конечном счете, окажется взрывоопасной для нового государства, руководство ВКП(б) и Сталин, в тот период явно не понимали, наивно полагая, что классовая и советская солидарность возьмут верх над «национальными» идентичностями. В действительности политика «коренизации» (украинизации, белорусизации и т. д.), круто замешенная на критике «великорусского шовинизма», вызвала подъем массового национального самосознания даже в тех регионах, где его до революции почти не было.

Так, например, перед первой мировой войной и революцией малороссы были народом, который еще не выработал национального (украинского) сознания и государственность которого выглядела далекой целью. Но после «советской украинизации» (1921–1935) национальное самосознание у половины населения советской Украины, особенно – ее партийно-хозяйственного аппарата и интеллигенции, приобрело отчетливые формы, способствуя росту сепаратистских настроений в среде республиканской этнократии. Аналогичные процессы развития «коренных языков», «национальных школ» и высших учебных заведений, учреждений науки и культуры активно шли в других республиках и автономиях, объективно способствовали укреплению этнической самоидентификации многих народов Союза, что явно противоречило курсу политической консолидации народов на базе ленинско-сталинской идеологии.

Принципиально важно: в республиках «коренизация» шла под лозунгами борьбы с «русским колонизаторством», сопровождавшейся «зачисткой» партийного и хозяйственного аппарата «от великорусской швали» (Ленин), почти повсеместной дискриминацией русскоязычного населения, его грабежами и вытеснением с давно обжитых территорий¹³. Ситуация усугублялась территориальным формотворчеством. С легкостью манипулируя судьбами миллионов людей, Центр инициировал создание новых административных образований за счет территорий, население которых

тяготело к разным социокультурным моделям жизни. Так в 1921 г. в процессе оформления Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Итог был предсказуем: насильственно присоединенные казачьи территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами казачьих земель в пользу горских народов.

В 1924–1925 гг. было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Единое, по мнению академика В.В.Бартольда, цивилизационное пространство¹⁴, регион с этнической чересполосицей рассекли путем административной реформы, подгоняя под «типовую модель» национальной государственности. Аналогичная волюнтаристская политика осуществлялась и в отношении Каракалпакстана (в Казахстане), где в 1929 г. вспыхнуло мощное восстание, Киргизии, а также малочисленных народов Севера, традиционно занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Их насильно переводили с кочевого на оседлый образ жизни, через колено ломали традиционный экономический и духовный уклад. Итогом был ряд восстаний в Якутии, других северных территориях. Так выковывалось «братство народов», о котором любила упоминать советская пропаганда.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты национальной политики СССР. Отмечу лишь, что начиная с 1930-х гг. **разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности».** В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения), и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно – коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности – «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению. Начиная с 1918 г. по всей стране возводились (иногда на прежних постаментях) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н.Толстого, М.Шолохова, К.Федина, поэзией Маяковского и Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, С.Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и проблематизирует саму возможность поддерживать национальную идентичность в мирное время¹⁵. С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн трудно согласиться. Но верно то, что монументы и могилы Неизвестного солдата являются его культурным источником, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто

превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования.

Что касается идеологии и формируемого в соответствии с ней нового символического поля, то с их распространением через литературу, монументальное и иное искусство, кино, радио, телевидение и иные СМИ, за исключением довольно ограниченного (но постепенно расширяющегося) поля охвата аудитории, все обстояло более или менее благополучно на русскоязычных территориях. Но эффективность пропаганды нового отечества резко снижалась на Кавказе, Западной Украине, республиках Прибалтики и Средней Азии, значительная часть населения которых плохо говорила и писала на чужом для них – русском – языке. Зато пропаганда этнонационалистического подполья, которое полностью было разгромлено лишь после войны, была довольно успешной. Это обстоятельство было осознано сталинским режимом лишь в 1938 г., когда действующим в республиках и автономиях национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики – силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, – на кириллицу.

Все это, казалось бы, должно было существенно изменить старую парадигму национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось. Ситуация кардинально меняется лишь к началу 1960-х, когда в кулуарах ЦК КПСС была наконец сформулирована идея формирования аналога нации – «советского народа». Именно тогда в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*. Она апробировалась с середины 1960-х гг. и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования*

в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР, и выстроенных на русской и мировой культурах. Поэтому несмотря на жесткую критику и отказ от этой модели в 1990-е гг., она объективно может рассматриваться как инструмент реализации в рамках социалистической модернизации на базе идеологии интернационализма политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации – «советского народа». Из этого, как известно, ничего не вышло. Не только в силу просчетов политического руководства страны, но и очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм».

Последствия этого оказались неоднозначны и были в значительной мере непредвиденными. Попытки модернизации социально-экономической жизни в Средней Азии и на Кавказе шли параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений. Не взирая на усиливающую борьбу с религией как идеологическим конкурентом, новая власть так и не смогла искоренить мусульманские обряды и обычаи из повседневного быта. Мало того. Ангажированные Советской властью или примкнувшие к ней этнические элиты органично вросли в номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам». Это было тем легче, что и традиционное общество Кавказа и Средней (Центральной) Азии характеризовалось сочетанием авторитаризма с патернализмом, своеобразной социальной справедливостью и коллективизмом. Этот фактор учитывался большевиками при формировании структур управления, но *не был ими понят как трансформирующий содержание социалистического строя.* В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранившим традиционные социально-политические институты, которые не только приспособлялись к модернизации общественного уклада, но и его приспособляли к своему облику. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, Советский Союз распался.

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 года, росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться и небезуспешно ограничить компетенцию центральной власти. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002) и соответствующих подзаконных актах, которые *фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны*: тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован. Интеллигенты из числа так называемых «титовых» этносов приняли в этом самое живое участие.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан – 45 %, Республики Татарстан – 60 %, а Республики Тыва – 80 %. Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках. Которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е гг. стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России*.

В этих, по сей день не отмененных, законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка – язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка, как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на нескольких «административных языках». В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимизирующие льготы и преференции по этноязы-

ковому принципу для представителей так называемых «титульных» этносов. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях. Ситуация в республиках Северного Кавказа – просто катастрофическая – там русскоязычного населения почти не осталось, зато этнонационализм с примесью феодализма расцвел пышным цветом.

Благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются, прежде всего, так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается, прежде всего, местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Как быть?

Прежде всего, надо взглянуть правде в глаза и перестать использовать двойные стандарты. Мы можем сколько угодно возмущаться национальной политикой правительств Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, других государств, ущемляющих права так называемого «русскоязычного» населения. Но при этом должны понимать, что иначе (без «переписывания истории», создания национальных мифов, аккультурации иноязычного населения, создания единого коммуникационного пространства и т. п.) «нацию» построить нельзя. Должны помнить, что в той же Франции, например, силою заставившей миллионы своих граждан в XIX в. говорить на французском, преподавание на этнических диалектах было выборочно разрешено только в 1961 г. А у нас?

А у нас в Татарстане национальные общественные организации собирают подписи под требованием сделать татарский язык вторым государственным, а Министерство образования и науки РФ не только кладет под сукно Концепцию государственной этнонациональной образовательной политики, но и пытается исключить обязательное преподавание русского языка и литературы в старших классах. О том, что в проекте закона «Об образовании в

РФ» воспитательный компонент школы вообще отсутствует, уже и не говорю. Почему, например, в США главной задачей школы признается «воспитание патриота и гражданина Америки», а у нас нет? И это бездумное реформирование средней и высшей школы осуществляется в условиях, когда в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев российскому государству, русскому и другим народам. Не случайно в 2008 г. в школах Татарии лишь 25 % на вопрос: «В какой стране вы живете?», ответили: «в России». Остальные считают, что живут в Татарстане¹⁶, где в декабре 2008-го «Милли-меджлис татарского народа» принял новую «Декларацию о независимости Татарстана» и объявил об альтернативном Кабинету министров РТ национальном «правительстве в изгнании», главой стал известный татарский националист-эмигрант Виль Мирзаянов.

Так что, этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые – культурные, образовательные и коммуникативные – формы. Ему должна противостоять *политика «официально-го национализма»* Российской Федерации, которая помимо полного изъятия из Конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, выравнивания уровня и качества жизни народов, *должна включить культурно-лингвистические меры по формированию «российской нации», восстановить дезинтегрированное коммуникативное и образовательное пространство России.*

Прежде всего, *необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, – ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. И, наконец, – осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.*

Одновременно следует увеличить процент передач и программ на русском языке на республиканском теле и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов

России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиоккомпаниям и печатным СМИ. Эти меры являются вынужденными, но абсолютно необходимыми.

Примечания

- ¹ Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль <http://www.kremlin.ru>
- ² Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г. 18:30, Уфа // www.kremlin.ru
- ³ Официальный портал Администрации Ростовской области. <http://donland.ru/Default.aspx?pageid=96651>
- ⁴ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 44.
- ⁵ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 151.
- ⁶ *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 366 (курсив Хабермаса).
- ⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 107.
- ⁸ Там же. С. 108.
- ⁹ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 267.
- ¹⁰ *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1918. С. 42.
- ¹¹ *Миллер А.И.* Национализм и империя. М., 2005. С. 24.
- ¹² Как писал В.В.Розанов, «русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам» // *Империя и нация в русской мысли начала XX века.* М., 2004. С. 67.
- ¹³ См.: *Национальная политика России: история и современность.* М., 1997. С. 300.
- ¹⁴ *Ошмов М.М.* В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // *Восток.* 1991. № 5. С. 97–110.
- ¹⁵ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 58, 62.
- ¹⁶ Деформация гражданского сознания в Татарстане подрывает безопасность России: интервью Михаила Щеглова // *ИА REGNUM* <http://www.regnum.ru/news/1155436.html>

Александр Разумов

Идеи и идеологии: опыт коммуникаций XX века

Мудрее всего время, ибо оно раскрывает все.

Фалес Милетский

Люби не то, что хочется любить,
А то, что можешь, то, чем обладаешь.

Гораций

Разговор на заявленную, неисчерпаемую, бездонную тему автор поведет, взглядываясь в нее из двадцатого столетия, на что есть свои причины.

Во-первых, за ХХІ в., где я имею честь пребывать, не значит-ся пока великих, неоспоримых, «доведенных до ума» научных открытий, но больше намерений – это совершенно особый комплекс проблем. Во-вторых, в достижениях областей культуры он не только не превзошел предшественника, но даже еще с ним не сравнялся. В-третьих, за новым веком не числится ни мирового значения революции, ни одной мировой войны, поясняющие некоторые подвижки «глобализации» и некоторые аспекты человеческой личностной и групповой природы, а также социологии совокупного человечества. **XX в. существенно проясняет определенные составляющие и изменения в их, так сказать, ментальности.** Например, сегодняшняя взрывная ситуация в северной Африке, грозящая перелиться в близкие и собственно российские регионы, так же родом из XX столетия, из его специфического национально-религиозного глобализма. Наконец, все мои ценностные установки, практические усилия, надежды и разочарования, ожидаемое и несбывшееся, также формировались, а отчасти и принадлежат бы-лому. Словом, люблю не то, что хочется, а то, что могу, – по совету Горация. Хотя вопрос, чем я обладал в мое время остается и для меня не вполне проясненным. Ясно, правда, что человеческий век не совпадает с хронологией, и это не в последнюю очередь зависит от идей, которые он исповедует. Итак, об идеях.

В истории человеческих сообществ встречаются идеи, которые, однажды, не случайно возникнув, в дальнейшем уже никогда из нее не исчезали. Возможность наполнения этих идей новыми смыслами кажется неисчерпаемой и действительно, по крайней мере, практически, беспредельна. Объявившись как результат смутной и глубокой интуиции древних, в недрах первых значительных, затем и мировых религий, более отчетливое и более мирское толкование они получают уже в греко-римской античности. Стронникам радикального нового мышления полезно знать, что все последующие культурные очаги европейской цивилизации обнаруживают в перечне, в списке этих идей не так уж много радикально нового. Но главное, что через их посредство осуществляется переключка, общение с предками. Наши предки что-то сообщают нам, а мы несем эти знания потомкам. Мы адресуемся будущему, а будущее как бы говорит с нами. Это как бы коммуникация поколений, то, что выделяет человека из всего мира живого.

Разумеется, вышесказанное не означает, будто следует некритически относиться к тому, что было до нас. В конечном счете, для всякой личности, для моего «Я» самыми существенными вопросами являются «Кем я был, когда меня не было? Кто я в этой жизни? Кем я буду, когда меня не будет?» Так полагали мудрецы Поднебесной.

Единство-гармония человека и Космоса (безличного, как у греков, и личностного, как у христиан), человека и общества, гражданина и государства, законосообразность мирового и социального порядка, логос, воля и произвол, необходимость и случай, ограничение свободы (рок и провидение) и личная свобода, развитие уникальной индивидуальности – все это коммуникации, связывающие человека с миром с древнейших времен. Бескомпромиссное добро, совершенная красота, открытое бесконечностям познание, абсолютное благо, идеальная справедливость и прочее, что составляет атрибуты и модусы Совершенства, светили еще ионийцам и поиному, из других светильников, на берегах Нила, Мертвого моря, Тигра и Евфрата, Ганга и Хуанхэ.

Рискованно прилагать абсолютные идеи непосредственно к истории – слишком причудливые, порой едва узнаваемые формы они принимали в истории в версиях политических и гражданских

движений, деспотий, монархий, республик, демократий; в реальных и светских моральных системах; в идеологиях, философиях и теософиях. Может показаться, что задаваемая идеологиями «логика истории» состоит в ее алогичности. Все-таки логика «проводит» истину от посылок к следствиям. Если истинны послышки, следствия не могут быть ложными. В истории же часто благие намерения оканчивались кошмарными результатами.

«Всеобщее» как идея-понятие живет в каждой идеологеме, но ни одной идеологемой, ни их суммой не покрывается и не исчерпывается. Согласно иудейскому канону Яхве явно предпочитает своих поклонников всему остальному населению мира, мусульманин с подозрением относится к христианскому Богу и так далее – по религиям, церквям, конфессиям, сектам. Атеисты-вольнодумцы порой в языческом суеверии полагают, что являются носителями нравственности более высокого порядка – подлинно человеческой нравственности. Коммунисты считали свой образ идеального человечества предуготовленным, пребывающим в динамике мировых процессов, в уже упомянутой «логике истории». Они полагали, что, выступая от имени пролетариата и Труда, представляют всеобщий интерес. Иными словами, идеологиям и доктринам не приходится жаловаться на недостаток амбиций и иллюзий. И так для всех партий и идеологий. Пока, наконец, не забрезжило понимание того, что в современном мире требуется не корректировка «частных», «особенных», узкопартийных установок, а глубокие структурные изменения во всем комплексе политического мышления; необходим более глубокий социальный, культурно-смысловой и моральный синтез. На какой основе – это другой вопрос, но, скорее всего, и он утрачивает свою былую категоричность. Хотелось бы надеяться, что будущее за теми политическими образованиями, которые осознают социальные, моральные и рациональные императивы мирового единения в ответ на мировые угрозы.

Общечеловеческим идеям тесно не только в плену одной партии, но и в границах одного периода, одной эпохи, одной человеческой формы. Выраженная в высших образцах религиозного и философского сознания, их нравственная чистота столь велика, что не может до конца воплотиться в отдельной личности даже самого яркого и сильного характера. Еще менее на это способны целые народы и нации. И все же эти идеи никогда не исчезали с горизонта

существования, из реальной истории, хотя часто – в религиях и мифах, поэмах и сагах – выносились за эти пределы. Но главное, они всегда участвовали в выборе наших дорог.

Судьба общечеловеческих ценностей не прерывалась и в самые смутные времена. В самые тяжкие годы в народе жил неясный образ чего-то высшего, что стоит за пределами текущего бытия – унылой или трагической повседневности. Так или иначе, народ ощущал его притягательную душевную силу. Но одних эта высшая сила звала к самоусовершенствованию, к молитве – в церковь и храмы, других – к топору, на баррикады, в революцию. И часто люди соблазнялись ложными идеями. Иногда же казалось, что социальная гармония на дистанции вытянутой руки, на расстоянии одного исторического шага.

Как сравнивать великое и малое? Значительное и малосущественное могут приобретать в интерпретациях смыслы совершенно несообразные их исторической роли.

Особенно трудно, а порой представляется, что и нет возможности отделить подлинную историческую реальность от ее последующего знаково-смыслового оформления, когда события, тексты, люди становятся идеологическими символами, обретают статус идеологических, мировоззренческих ценностей. В состоянии ли мы, например, сегодня (или когда-либо) отождествлять, идентифицировать одно из многих толкований «Капитала» с тем рядом психических состояний, которые переживал автор в процессе его создания, и тем самым открыть для себя «подлинного» Маркса? Сомнительно. Но, может быть, это совсем необязательно?

Кажется, спустя два тысячелетия так ли уж необходимо установить, кто (что за человек?) родился однажды в холодную зимнюю ночь в иудейской Галилее. Ведь мы не можем, как некогда пастухи, сказать: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь». Пойдем и посмотрим... Не счесть всех авторов, что стремились реконструировать (а скорее дополнить!) это еще сравнительно свежее предание жизнеописанием человека, выросшего в Назарете, – странника и проповедника, казненного на Голгофе. Однако неизмеримо важнее, что этот «кто-то» сумел проповедью потрясти до основания религиозное чувство современников и потомков, утвердился в людском сознании в образе и качестве Бога-Спасителя и с той поры (как и

библейские пророки, Шакьямуни Гаутама – «последний будда», Пророк из Мекки и Медины) направляет пути истории. Легенда и реальность составляют здесь одно целое: в сущности – это *один феномен*. Миф и прототип слиты, живут общей жизнью: черты исторического лица неразличимы, теряются и в сумраке времени, и в ярком, слепящем сиянии священного Лица. И сколько бы ни прилагали усилий для дешифровки легенды, она не умирает. Пока живы питающие ее социальные и психологические условия.

Конечно, было бы очередным идеологическим мифом представлять дело вполне безнадежным. То, что не исполнимо «здесь и теперь» как одиночное актуальное событие, разоблачающий или утверждающий текст, политическая акция и тому подобное, осуществимо как процесс, как целенаправленное историческое движение. Правда, не обладая способностями и неограниченными возможностями сверхсознания, мы не можем заранее определить хронологические рамки процесса; нам неведомо, когда окончательно осядет пыль веков, а может, десятилетий, ибо таков «разброс» во времени для исторической жизни идеологических символов. Зато легко можем демаскировать их в качестве таковых, указав на претензии абсолютной истинности, универсальной общезначимости, обнаружив сокровенную мечту идеологий: проникнуть подобно частице в микромире сквозь «энергетический барьер» – из пролога прямо в эпилог исторических драм. Короче говоря, исторические движения способны все-таки различать в рамках отмеченного *феномена* событие и памятный *знак* события, «розу» и «имя розы».

В этом смысле историческое движение обладает большей реальностью, завершенностью, необходимостью, истиной, чем любой из его однократных фрагментов.

XX век, насколько можно видеть, обитая в начале XXI, был веком усиленного создания и массового распространения идеологием, и отнюдь не мифических политических движений. Подобно другому, это время усилий гениальных умов и безудержного стремления к личной власти, время надежд и трудных, трагических разочарований. Человечество прорвалось к тайнам ядерной материи и едва не сгорело в ее пламени.

Мир, расколотый классовыми, государственными, национальными, религиозными антагонизмами, революциями, мировыми и «локальными» войнами, не раз вступал на порог, за которым – про-

вал, *кризис существования*, с весьма проблематичными перспективами благополучного исхода. До сей поры, нет полной ясности: греемся ли мы у последних нефтяных и газовых костров цивилизации или, наоборот, встречаем робкую зарю новых времен? Нет строгих и решительных социально-политических и индустриально-технологических ответов на политическую и социальную раздробленность мира, вооруженное противостояние, на эскалацию потребления природных ресурсов, другие мировые угрозы.

Поиски причин приводят если не к истокам – «природе человека», то едва ли не в тень египетских пирамид, к первым парадигмам сознания, ведут через Возрождение к кризису Реформации, капитализму и современной истории. Непрерванный и преобразованный сознательными усилиями причинный ряд дотянется до последних рубежей того исторического мегацикла, где человека формирует и деформирует *отчуждение*, где изобретательный интеллект занят поисками наиболее эффективных и рациональных инструментов для убийства себе подобных (в конечном итоге для самоубийства!).

Здесь имеет смысл поговорить о том, что условно можно назвать социализмом, то есть в моем понимании, организацией хозяйственной, политической и социокультурной жизни, которая основана на общественном согласии, сотрудничестве и противостоянии эксплуатации, политическому насилию и диктатуре идеологий. Следует только иметь в виду, что «социализм» – не столько абстрактное, теоретическое, научное понятие, сколько *программа* непрерывного исторического поиска и действия. Поиска и действия, в которых беспорные моменты общечеловеческой Истины соседствовали с тяжкими заблуждениями. Иллюстрации этого тезиса можно без труда отыскать на полигоне по отработке грандиозных социальных проектов – жизни общественных движений ушедшего столетия. Это столетие моего основного обитания, а посему ему в основном направляется этот мой текст.

* * *

Начало и первые десятилетия того века – время сначала младенческого увлечения, затем массового поклонения двум, казалось, полярным идеалам: идее грядущего единого национально-

расового сверхчеловечества и идее будущего интернационального мирового сообщества без экономических классов, политических государств и партий. Именно таким образом виделось многим интеллектуалам, среди них случались и незаурядные (порой выдающиеся!) политики, мыслители, литераторы, идеальное общественное устройство; грезились быстрый и решительный скачок из предыстории в подлинную историю, из царства необходимости в царство свободы. В Европе на одном полюсе, «по ту сторону добра и зла», зачитывались «Заратустрой», социал-дарвинистами, толковали о пользе войн для прогресса рас и человеческого рода, о социобиологической селекции, евгенике, социальных инстинктах масс. На другом, – штудировали «Капитал», Прудона, Бакунина, Кропоткина, всматривались в вооруженные восстания, революционное насилие, жаждали социального равенства, экспроприации экспроприаторов, торжества Разума, конечного всеобщего Братства и Справедливости. Речь, понятно, идет не обо всех тенденциях.

Несмотря на разницу в постулатах, исходных посылках, впоследствии обе идеологемы скрывали социальные результаты деятельности и истинные претензии партийно-государственных систем, принявших их в качестве официальной легенды – мифической цели общества. В тоталитарных режимах сходным образом устраняются институты демократии, массы объединяются с помощью репрессивных военно-полицейских мер, «власть народа» состоит в полном подчинении воле вождей и партийных машин, труд становится государственной службой, анархию рынка вытесняет милитаризованная экономика. Ограничивается потребление трудящихся, государство укрепляется, отнюдь не заботясь о благополучии граждан, – оно уже вооруженный лагерь, готовый к авантюрам. Та часть населения, что полностью интегрирована предельно бюрократизированным и схематизированным тоталитарным государством, образует единство. Это абстрактное единство, абстрактная общность абстрактных людей, царство чистого количества, враждебное Личности и подлинным национальным связям.

И здесь, и там возникают новые правящие партийно-государственные элиты, слитые с «генералитетом» тяжелой индустрии, машиностроения, руководством армии и тайных спецслужб. Образуются внутренние, замкнутые «охранные отряды» янычаров

(безродных, усыновленных люмпенов) политической системы, отделенных от народа и готовых в случае нужды повернуть против него оружие. Война и террор – подлинная реальность этих социальных систем. Мы имеем дело с социальным кризисом, суть которого – политическая и военная диктатура, крайний идеологический конформизм, «закат» культуры и варварство. Ставятся под сомнение два давнишних постулата гуманистической мысли: неизменно моральный разумный характер народа и непреложность исторического прогресса человеческого разума.

Все вместе носит кодовое название «Социализм», хотя «Социализм» здесь не более чем заклинание в культовых обрядах.

Вывод, который из этого со всей очевидностью следует, – тот, что дороги, которые «мы выбираем», торятся не одними идеологическими упованиями. Хотя идеологические символы и смыслы, мифы, утопии, несомненно, управляют поведением в человеческих сообществах, они не сохраняют своего изначального первоначального значения. Не существует идей, вынутых из социального и политического контекста, более того, они его существенная часть. Меняются контекст, человеческий материал, меняется и содержание идей. Выводить сталинизм напрямую из Маркса или даже из Ленина не более умно, чем объявить авторами нацизма Ф.Ницше или Р.Вагнера. Одни – «социалисты от науки» – строили казарму за колючей проволокой под аккомпанемент марксовской критики «казарменного коммунизма», другие – представители «фаустовской культуры» – учинили такую «философию молотом», какая Шпенглеру и Ницше могла привидеться разве что в бреду.

Маркс, как известно, полагал, что каждый крупный исторический период имеет свои законы. Ленин не уставал повторять: как конкретно будет выглядеть социализм, этого мы знать не можем. Тем не менее, и тот, и другой судили о будущей эпохе по своей собственной. Да и разве могли они предвидеть информатизацию, компьютеризацию, чудеса технологий, рост и усиление средних сословий и тому подобное – все, что определяет лицо современного мира? Что, упрекать их за это? У каждого мыслителя, пророка, политического лидера своя мера ответственности. Ответственности, прежде всего, перед современниками; за будущее, тем более отдаленное будущее должны отвечать потомки. Попытки взвалить собственные пороки, «грехопадение» на жителей прежних эпох – это еще один вариант

«бегства от свободы». Сегодня наша финансовая и политическая элиты сделали все, чтобы дискредитировать понятие, а практику социализма представить в сугубо негативных мрачных тонах. Однако, при всех пороках большевистский социализм опирался на идеалы социальной справедливости и народовластия.

Не думаю, что стоит верить Жозефу де Местру: любой народ имеет то правительство, которого он достоин. Правительства часто возникали по независящим от народа причинам. Но то, что каждый народ воспринимает только те социальные программы, которые в состоянии воспринять, – это абсолютная истина, уже в силу того, тавтологична, а значит, справедлива во всех возможных мирах. То же, *как, каким образом* народ их воспринимает и толкует, – это уже не тавтология, а серьезная социальная проблема. Ибо народ воспринимает социальные программы (реалистические и утопические), трансформирует их в идеологии не иначе, как сообразно собственному историческому, жизненному опыту. Ни немецкий, ни советские народы не были достойны Гитлера и Сталина, однако не одни же партийные бонзы творили из малого «великое», участвовали в публичных мистериях прославления вождей.

Ж.-П. Сартр в «Детстве вождя» пытался объяснить феномен гитлеризма комплексами, антисемитизмом, равнодушием к людям, дегенерацией личности. Неясно только, почему вдруг комплексуемыми дегенератами оказалась половина Европы, а в ней подавляющее большинство немцев. Ранее, да и до сей поры, кое-кто занят поисками комплексов и признаков психических расстройств у Сталина, как будто это имеет серьезное значение, как будто Сталин (как и Гитлер) представляет какой-то интерес вне той политико-социальной системы, в которой он обретался, вне идеологической мистификации и массового самообмана по поводу его личности.

Если в российской истории редко светило мирное солнце, если ей сопутствовали бунты, поджоги помещичьих усадеб; реформы часто пресекались казнями и репрессиями, если, наконец, народ и церковь триста лет молились «дому Романовых», то спрашивается: какой облик должны были принять в ней марксистские идеи насильственного искоренения насилия и демократии посредством диктатуры? Каких кумиров должен был сотворить себе народ, в котором жила еще память дыбы и пыточного застенка, народ, едва стряхнувший с себя обломки деспотии и абсолютизма? Впрочем, стряхнул ли?

Но то, что сегодня обязана проделать добросовестная мысль, – это понять и отдать должное былым реформаторам. Тем хотя бы, что не станет умерщвлять их, вырывая из исторического контекста сложнейших проблем, привычных социальных условий, будет снисходительна к неповерхностным заблуждениям; вычленил и поймет непреходящую ценность если не конкретных программ, то (пусть утопического) *замысла* грядущей социальной справедливости.

Еще Макс Вебер называл угрозы фундаментальной демократии – концентрация в одних руках средств производства, концентрация средств политической борьбы и военных действий. Бюрократическое однопартийное государство осуществляет подобную концентрацию в невиданных ранее масштабах. Социальная практика и социальная мысль добавили к этим угрозам новые факторы риска, провоцирующие преобразование государства в нового феодала во главе с новым монархом. Образуются новые социальные функции и новые группы интересов. Имеются в виду, прежде всего, формирование новых элит и концентрация в их руках средств массового воздействия, монополизация знаний и информации.

Концентрация административных функций в бюрократических структурах ведет к тому, что, как отмечал Вебер, мы все в «ужасающей степени» становимся членами систем. Прежние правящие элиты принимали ответственные решения, руководствуясь общими соображениями, понятными сравнительно широким кругам. Теперь рационализация общественной жизни связывается с деятельностью высокоспециализированных и часто узкоограниченных экспертов. Социальное и социотехническое знание сконцентрировано в среде немногих политиков, которые к тому же имеют обыкновение скрывать методы и аргументы принимаемых решений завесой секретности. Сталин обладал (или думал, что обладает) нераздельной монополией на информацию, что, конечно, способствовало становлению мифа о его личной непогрешимости и давало возможность выступать арбитром в спорах ведомственных интересов. И все вместе вело к крайней функциональной неразумности системы, многочисленным трагическим провалам (вроде страшного голода 1932 г. или гибели армий в 1941-м), перехлестам аппаратных честолюбий, отсутствию механизма обратной связи между народом и государством, к «частичному», «отчужденному» сознанию. До недавнего времени многие программы обновления (хорошо, если не все!) напоминали мыльные

пузыри по той причине, что их авторы не владели необходимой информацией о реальном функционировании военно-промышленного комплекса, механизма работы ведомств, золотодобыче, валютных операциях и т. п., то есть об экономической системе в целом.

Некоторые зарубежные исследователи, наученные не пошедшим нам впрок опытом второй мировой войны, исследовали общество в периоды социальных перестроек. Ничего подобного у нас читать не доводилось. Изучая функционирование демократических и тоталитарных обществ, они отмечали и вышеназванные факторы – тенденции концентрации власти, рост отделенной от других социальных слоев бюрократии как необходимой функциональной единицы, идущей на смену индивидуалистическим организациям прежнего либерализма, и другие угрозы фундаментальной демократии. Выход они видели в плановом регулировании общественной жизни и росте демократических свобод. Действительно, западные демократии последних десятилетий идут именно этим путем. Хотя плановое регулирование таит в себе соблазны тоталитаризма, сам по себе план не несет обязательность диктатуры. Напротив, стихия, неконтролируемые рациональные инстинкты массы напрямую ведут к военно-полицейскому социальному порядку.

Первая половина века – время, которое, как никакое иное, определяют экономика, политика и их продолжение иными средствами – война. Характерной чертой экономики явилась экспансия монополий; обслуживающая их политика отбрасывает мораль как нечто внешнее и необязательное. Экономика вносила в политику дух коммерческой сделки – политика подчиняла мораль соображениям выгоды. Сегодня наивные, легковверные, лукавые «историки» утверждают, что разрыв политики и морали есть отличительное, фундаментальное свойство исключительно сталинизма и вообще коммунистических теории и практики, «соблазненных» идеей классовой борьбы и диктатуры. Насчет сталинизма – это правда, но не вся. Тот, кто знает, какой мутный поток лжи и лицемерия изливался в «мировой океан» политики из различных «демократических» (консервативных и либеральных) правительственных кабинетов, тот не будет столь категорически односторонен.

Родившиеся на дипломатических раутах, в великосветских салонах, в недрах тайных дипломатий и спецслужб, политические «партии» со вкусом разыгрывались на всех политических конти-

нентах – везде, где «искусство возможного» отводило народам роль отнюдь не самых весомых фигур. Первая мировая война велась под знаменами справедливого передела мира, а значит, народного блага. Ее следствие – вторая – под теми же флагами. Одни хотели установить «совершенный» мировой порядок («один народ, одна партия, один вождь»), другие – стабильный европейский дом под патронажем великих держав (без СССР и коммунистов). Демократические правительства на Западе много толковали о согласии, удовлетворении «справедливых» территориальных претензий, о пользе плебисцитов, самоопределении наций, правах нацменьшинств. Короче, жаждали (всеобщего) Умиротворения. И интернировали героев Мадрида, предавали народы Австрии, Чехословакии... Сталинизм и гитлеризм можно понять только в общем потоке истории и не как его случайное завихрение. Западные демократии только после войны обрели не только экономическое, политическое, национальное, территориальное видение общественных проблем, но стали понимать их как *социальную* задачу. Не без влияния коммунистического, социального способа мышления – о чем теперь все предпочитают забывать.

Еще задолго до этого западная социологическая мысль обнаружила на изломе столетий появление на исторической сцене нового драматического явления – «толпа». Кричали и собирались на площадях, конечно, и раньше. И раньше «святая простота» терзалась нетерпением, требуя сожжения Яна Гуса. Но с распространением средств массовой информации, появлением массовых печати и грамотности, тем более возможности передавать возбуждающие импульсы по проводам и радиоволнам, появилась и возможность образования «неклассической» толпы, жестко не связанной «единством места». Когда в ходе «культурной революции» руки выводили: «Мы не рабы!» – головы наполнялись грамотой и реже моральной, правовой и политической культурой. Грамота – это возможность овладения культурой, но также и возможность манипуляции сознанием. И очень похоже на то, что истинная культурная революция еще впереди.

В отличие от многоголосья публичности голос толпы всегда неистово криклив и уныло однообразен, и давно замечено, что она отличается крайним непостоянством. Не видно поводов, почему политический руководитель обязан избегать популярных лозунгов. Объяснение с публикой – одно из условий его роли. В этом общении он

учится внимать полифонизму истории, понимать различие потоков интересов, многообразие запросов и мнений. Иное дело – апелляция к сумеречному сознанию и разрушительным инстинктам толпы, плебса. Идеализация «массы» дорого стоит самому народу. Тоталитарная диктатура – это всегда триумф и трагедия толпы, и ее вождей. Масса, соблазненная идеей собственного превосходства – расового, национального, классового, религиозного, – становится саморазрушительной силой. Политические вожди, в конечном счете, отвергаются народами. Так утверждает социология исторической жизни.

Встает вопрос политической и моральной ответственности. Есть два типа политиков. Первый не задумывается и не переживает перспективу своего неучастия в будущем, второй помнит о том, что может случиться после его вынужденного отхода от дел. Первые правители, «не достигнув желаемого, делают вид, будто желали достигнутого» – согласно известному изречению Монтеня. Вторые «не льстят массе» – им нет нужды во внешних признаках почитания. Политическое действие здесь то, в чем реализуется мысль, воля и честолюбие; дело говорит само за себя и не нуждается в карнавальных почестях подлинных и мнимых поклонников.

Какие правители, какого типа ныне правят Россией и мною представим судить будущему. Пусть оно вынесет окончательный вердикт.

Существует (или должна существовать) асимметрия в наших оценках исторических событий. Будущие проекты мы обязаны судить строже, чем уже свершившееся. Абсолютная категоричность оценок во всех случаях плохо согласуется с онтологией истории, с необратимостью «стрелы времени», с невозможностью изменить прошлое. Будущее же сотворимо, правда, не всегда сегодня и завтра; и не только нами. Отсюда ведь непростой смысл настоящего и вся мера нашей ответственности перед ним. Настоящее же мы должны оценивать бескомпромисснее. Что проку каяться сегодня за прошлые революционные *грехи* большевизма, во многом обусловленные общим нарушением равновесия социальных сил, ставших враждебными. Через настоящее проходит возможность социальной перестройки, а также самоперестройки, а по другой терминологии – покаяния.

Не только одни марксисты настаивали, что практика является единственным и окончательным критерием истинности доктрин. Сама, однако, практика не спешила следовать этому тезису. Сто-

летия она подтверждала правоту системы Птолемея, да и теперь подтверждает систему «неподвижных звезд», когда необходимо – в пешеходных походах, кораблевождении, воздухоплавании – сориентироваться в подлунном мире и малых скоростях. В огромном количестве мнений практика семь десятков лет доказывала превосходство социалистического социального строя, а многим доказывает и сегодня. Другие придерживались прямо противоположного толкования. Отсюда следует, что практика, практическое движение не доказывают ничего сверх предметной и социальной ориентации сознания, «посюсторонности» человеческого мышления. Чтобы быть критерием чего бы то ни было, «практика» нуждается в постоянных инъекциях корректирующего интеллекта и моральных долженствований. Попробуйте обойтись здесь без выдающихся умов и великих подвижников.

Так важно ли нам знать, кто давным-давно родился в Галилее? Великий Кеплер занимался вычислениями с целью установить, позволяло ли периодическое сочетание Сатурна и Юпитера с Марсом в созвездии Рыб появиться в этом огненном треугольнике звезды, которая в назначенное время светила волхвам над Вифлеемом. Теперь мы знаем, что задача сформулирована не вполне корректно. Да это и не главное. Не имеет значения, где родился Иисус – в пещере или яслях для домашних животных. Однако принципиально и важно, как попал ему на голову терновый венец; непринципиально и неважно – в мифе или фактически. В силу простого, по тем временам необходимого и обыденного сцепления событий или как результат сознательного, морального выбора. В первом случае ничто не умаляет нашего сочувствия, во втором оно перерастает во властительную силу, зовущую к подражанию в нравственном действии. В качестве исторического путеводителя человеческий, личностный образец может сиять ярче, чем все новые (и «сверхновые») звезды в созвездиях Зодиака.

В свое время один из убежденных сторонников христианского Бога – Паскаль предлагал знаменитое пари: тот, кто «ставит» на существование Бога, в случае удачи выигрывает бесконечную жизнь: в случае проигрыша – ничего не теряет. Критики возражали, что если кто-то всю жизнь «ставит на пустоту», он рискует бессмысленно растратить то небольшое, что имеет. Отвлекаясь от религиозных символов и понятий надо спросить: есть ли смысл звать к

совершенству, коль скоро оно не реализовалось нигде в истории? Спасет ли мир красота? Правда ли, что добро, красота и истина слиты в нерасторжимое, гармоничное единство? Еще греки обнаружили конфликтность красоты и пользы – того, что «прекрасно», и того, что «полезно». История демонстрирует такие истины, которые не вяжутся не только с божественной благодатью и сияющим нечеловеческим обликом, но и с простыми, незамысловатыми запросами человеческого общежития, даже с самим фактом его существования. Много ли добра и красоты оказалось в жестком излучении, «оборонных инициативах», социальных иерархиях, бездумном престижном потреблении, эксплуатации и эгоизме? Как совместить с «предустановленной гармонией» мировые войны, экстремизм, смуты и революции?

В XX в. мир спасали эстетики «всех времен и народов», идеологии и радикальные политические движения. Они, подобно Гегелю, утверждали, что «все действительное – разумно», а все «разумное» обязано стать «действительным». Конечно, это не так, и это чистая идеология. Человеческая история пережила много неразумного, и не все разумное сегодня в ней осуществимо. Но ведь вопреки распространенному мнению идеологии никогда не бывают исключительно «ложным сознанием». Древний грек посчитал бы верхом бессмыслицы утверждение: «Луна больше Пелопоннеса». Древний еврей не усматривал ничего странного в предании о том, что кит однажды на трое суток проглотил пророка Иону. Тем не менее, ни современный человек, ни вся его великоумная наука не уделяют столько внимания человеческой душе, сколько эти люди. Тот из бастардов (неотроцкистов) от юной демократии, кто бестрепетно обличает и иронизирует над заблуждениями недавних предков, рискует очень удивиться, если вдруг обнаружит, что иные завтрашние демократы ничем не лучше, чем вчерашние коммунисты, тем более что речь часто идет пока об одних и тех же персоналиях. Горький, Бунин, Фадеев, Артем Веселый, Булгаков и многие другие, Солженицын, не говоря уже о наших зарубежных соотечественниках, смотрели на одни события, а видели разные. Можно ли сказать, что кто-то из них слепец? Или что кто-то «узрел истину» во всей полноте?

В языке идеологий «обитает бытие», иначе они не обладали бы такой жизненной силой. Хотя часто в весьма деформированном виде – тогда и «небытие» в них также присутствует. В последние

же десятилетия многие традиционные и вновь возникающие идеологии обнаруживают намерение более широко представить общечеловеческие ценности, всеобщий интерес, единое человечество, не изуродованную среду обитания. Идеологии обретают вкус к рефлексии – исследованию собственных социальных и идейных предпосылок, критическому изучению принятой методологии объяснения и политического действия. В этом плане мы видим процесс *деидеологизации сознания*.

Естественно, все очень непросто. В последнее время слишком много развелось «учителей народа». Будем надеяться, что это «детская болезнь» социального обновления. Сегодня характерно неприятие слова «социализм». Необходимо время, чтобы понять: так же, как история христианства не исчерпывается историей инквизиции, избиением гугенотов, мрачной свирепостью кальвинистов, так и историю социализма нельзя (неисторично!) отождествлять с ее реакционными и консервативными периодами. Нам неизвестны пути его дальнейшей эволюции. Заповедь «не убий» неповинна в том, что во все времена убивали. Ни Колыма, ни сталинизм не следовали из «Критики гегелевской философии права» и «Немецкой идеологии». Всеобщие идеи не становились ложными оттого, что их искажали.

Еще раз спросим: возможно ли полное единение свободы, истины, добра и красоты? Да, в абсолютной идее, в метафизике, в мечте и надежде. Но ведь мечта и надежда тоже факторы человеческой истории. Иногда они более действенны и реальны, чем простые, «позитивные факты». Если верить наскальным рисункам, терракотовым статуэткам, храмам и росписям, красота спасает мир уже не одну тысячу лет.

Мысль не может предвидеть свои будущие состояния, поэтому возможности исторической коммуникации ограничены. Полностью она возможна только в вечности, которая не зная ни прошедшего, ни будущего, творит из своего «теперь» и прошедшее и будущее. Так полагал наш предок и Отец западной христианской церкви Августин Аврелий, гиппонский епископ, родоначальник христианской философии истории.

Альтернативность как способ существования личности

Вместо предисловия

Проблему, которая волнует меня как исследователя на протяжении последних лет, можно сформулировать следующим образом: в современном мире сосуществуют и взаимодействуют между собой разные типы личности – авторитарная и либеральная, монологическая и диалогическая и др. И, несмотря на то, что в современной философии и психологии предложены и обоснованы разные модели личности, недостаток в новых подходах, отражающих сложность личностного бытия современного человека, ощущается по-прежнему. К тому же необходимо объяснить, почему в одном и том же пространстве личность ведет себя по-разному, проявляя те или иные качества и способы решения собственных проблем.

Можно предположить, что человек в современном мире, сталкиваясь с ситуациями неопределенности и высокой сложности, руководствуются различными стратегиями выбора, а значит, выступает как вариативная и самонастраивающаяся система. Определений для такого типа поведения человека пока еще не разработано, хотя существуют разные подходы и точки зрения, отражающие «сложность» и «комплексность» его природы. Например, известный психолог К.Роджерс считал, что у современного человека больше возникает ситуаций осознанного выбора альтернатив автономного поведения, чем у человека, предпочитающего вести традиционный образ жизни¹.

Для характеристики «сложностных» моделей поведения я предлагаю понятие «*комплексная личность*», которое выражает вариативность социального существования человека в современном мире. Такая личность способна перестраивать свое отношение к миру в зависимости от занимаемой в каждый данный момент жизни позиции или переживаемой ситуации. Но ситуационный взгляд на человека не исчерпывает собой научную значимость приведенного понятия.

Полагаю, что понятия комплексности системы и среды, предложенные Н.Луманом, вполне можно распространить и на представления о личности, которая выступает как психическая система. Такая система замкнута на саму себя (самореферентна), а ее комплексность («сложностность») зависит от имеющегося у личности набора ожиданий, способных отображать в определенной мере изменения внешней среды². Следовательно, понятие «комплексная личность» фиксирует в себе состояние или степень соответствия потребностей (ожиданий) человека возможностям и ресурсов его окружающей среды.

Комплексной личности противостоит обычно унитарная личность, которая предпочитает однозначные поведенческие сценарии и типические ситуации в жизни и общении. Такая личность не обязательно является авторитарной или зависимой. Нельзя также упрощать стиль ее жизни, сводя его к формулам обыденного сознания «плыть по течению» или «быть как все». Все, как всегда, сложнее. Унитарность означает большую замкнутость образа жизни личности и определенность во всем, что касается жизненных приоритетов, а также склонность к жизненным стандартам и стереотипам.

Комплексная личность обладает в меньшей степени, чем унитарная, аутентичностью, рассматриваемой в данном контексте как способность быть самой собой, удерживать свой образ достаточно продолжительное время и вместе с тем поддерживать устойчивый баланс между самостью и внешними (в т. ч. ролевыми или нормативными) требованиями. Она склонна к экспериментированию, проигрыванию разных жизненных и социальных сценариев. В этом смысле ей присуща определенная доля авантюристичности и не всегда оправданного риска.

Главным же признаком комплексности личности я считаю *альтернативность*, которая выражает способ организации и образ ее жизни, имеющий своим источником и предназначенный для выбо-

ра репертуар поведенческих моделей. Другими словами, альтернативность характеризует в личности особое состояние или качество «другости», актуализируемое не только в зависимости от обстоятельств, но и от ее способности быть другой, оставаясь при этом самой собой (т. е. сохраняя собственную самость). Причем быть другой означает для нее постоянно изменяться, предъявлять всякий раз иную (не всегда новую) стратегию поведения или модель решения жизненных проблем с учетом конкретных условий места и времени. При этом она может быть другой не только для конкретных людей, социальных групп, общества или мира в целом, но и для себя.

Основные измерения личностного бытия человека

Для анализа альтернативности как критерия комплексности («сложности») личности необходимо выработать подход, позволяющий определить спектр вариаций ее развития. Возьмем за основу концепцию К. Уилбера, который предложил выделить четыре мира личности, различающиеся между собой спектрами сознания³:

1) *мир «Я»* (внутренний мир, духовный опыт, все то, что происходит в человеке) соотносится с экзистенциальным уровнем и собственно Эго;

2) *мир «Мы»* (мир отношений, коммуникаций, все то, что связывает нас другими людьми) соотносится, возможно, с уровнями маски и тени;

3) *мир «Они»* (субъекты, которые существуют вне нас, но связаны с нами определенным образом, в т. ч. то, что они о нас говорят или думают) соотносится с Эго через коммуникацию;

4) *мир «Оно»* (мир объектов; всё то, что принадлежит неодушевленному миру, находящемуся вне нас) соотносится с психофизическим организмом (экзистенциальным уровнем).

Первый мир мы будем рассматривать как субъективный, второй и третий – интерсубъективный, четвертый – объективный. Каждому из этих миров соответствует свой способ существования личности, набор альтернатив ее поведения. Это значит, что комплексная личность обладает по сравнению с другими типами или моделями человека (например, с традиционной или унитарной личностью) более широким репертуаром возможностей выбора и

особым спектром сознания. Она может быть другой для себя или в себе («Другой во мне», альтер-эго), другой для окружающих ее людей («Я как Другой») и другой для мира в целом («Я как Иное или Иной»).

Альтернативность наиболее полно выражена в трактовке личности как «рефлексивной комплексности Ego и Alter», которую предложил Н.Луман. «Быть личностью, по его мнению, означает при помощи своей психической системы и тела привлекать ожидания и связывать их с собой, опять-таки связывать свои и чужие ожидания. Чем больше и разнообразнее ожидания, которые подвержены индивидуализации, тем комплекснее личность»⁴. Следовательно, комплексная личности в отличие от унитарной фиксирует в себе отношение Ego и Alter. Однако она еще не выражает ситуацию взаимодействия «внутри» самого человека, которую можно бы было описать в терминах «Я как Другой» или «Другое “Я” во мне» и пр.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать альтернативность личностного бытия человека в трех основных измерениях:

- 1) *субъективная альтернативность* («бытие в себе как Другом»);
- 2) *интерсубъективная альтернативность* («бытие в Другом как себе»);
- 3) *объективная альтернативность* («бытие в мире»).

Субъективная альтернативность личности («бытие в себе как Другом»)

Уже при первом погружении в мир личность обнаруживает разными способами факт своего физического присутствия, что отображается на «табло» ее сознания. Она вырабатывает не только отношение к миру, но и отношение к самой себе. Альтернативность комплексной личности реализуется здесь в субъективном смысле в виде связей типа «“Я” и другие “Я” во мне» и проявляется внутри себя как противоречие между самостью (самобытием) и другостью (возможностью быть Другим) или разными сторонами самости.

Наиболее полно концепцию самости представил Дж. Мид, который, как известно, заимствовал этот термин у Ч.Кули. Если последний определял самость буквально как «Я сам» (Self), то Мид

уточнил значение этого понятия, расширив контекст его употребления. Как известно, под самостью он понимал любого индивида, который обладает самосознанием, т. е. способностью осознавать свое «Я» и свои отношения с другими «Я», а также учитывать реакции последних на его «Я»⁵.

На противоречивость отношения личности к самой себе указывают и отечественные философы и психологи. Как отмечал Э.В.Ильенков, «личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некому «другому» – отношений “Я” к самому себе как к некоторому “Не-Я”»⁶. Эту мысль развивают далее В.А.Петровский и М.Г.Ярошевский, подчеркивая, что личность «выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его инобытие в них (и, между прочим, в себе как «другом»), как его персонализация»⁷.

Присутствие «Не-Я» и бытие в себе как Другом отличает субъективный мир личности от системы социальных координат, в которых она проявляет свою интерсубъективность. В этом смысле ее альтернативность выступает, с одной стороны, как идеальная представленность в ней «Я» других людей (интерсубъективность), а, с другой стороны, как погружение в свой внутренний мир и переживание в нем других «Я» (субъективность).

Остановимся вкратце на некоторых моментах субъективно-го мира личности, которые хотя и не вытекают прямо из концепции самости Дж. Мида, но позволяют нам уточнить и дополнить его позицию.

Во-первых, самость это – то, по Миду, что делает человека членом сообщества (группы) и в то же время позволяют его отличать от других членов группы. «...Каждая самость отличается от каждой другой; но чтобы мы вообще могли быть членами какого-либо сообщества, должна существовать общая структура... Индивид обладает самостью лишь в отношении к самостям других членов своей социальной группы»⁸. В этом есть определенный смысл. Даже обладая многими «Я», личность сверяет свою самость с «Я» других индивидов, с которыми она связана в повседневной жизни.

Каким же образом личность развивает в себе альтернативность в субъективном плане, разворачивая потенциал своих «Я»? Сошлемся на В.Л.Абушенко, который приводит собственную интерпретацию *идеи взаимопроникновения «Я» личности*, пред-

ложенную в свое время Кули, Мидом и другими интеракционистами. «Я» других людей определенным образом преломляются в моем сознании, становясь частью моей самости, моими субъективным, зеркальным и ролевым «Я». Последние два «Я» относятся к характеристике интересубъективной альтернативности, имманентной природе комплексной личности. Поэтому мы их рассмотрим чуть позже.

Субъективное «Я» личности «есть комплекс представлений индивида о своей внутренней подлинной сущности, о своей выделенности из среды и противопоставленности другим «Я», структурам «не-Я» в целом»⁹. Именно это «Я» следует считать, с моей точки зрения, центром самосознания или истинной самостью, которая отличается от «кажимостной» самости (идеального «Я»). Человек как личность всегда знает о себе что-то такое, чего не знают другие. Но другие при этом могут наделять его самость, выступающую наружу как персона, несуществующими признаками, принимая ее порой за подлинную. И чтобы сохранить самость человек обращается к различным техникам управления впечатлениями, которые помогают ему создать благоприятное впечатление о себе у значимых для него персон.

Но развивая концептуальную схему Мида, мы не находим у него прямого указания на разные самости. Уделяя внимание другим «Я», находящимся вне личности, он практически ничего не говорит о тех других «Я», которые соотносятся с самостью (самосознанием) внутри нее. Одним словом, «Я во мне» также многомерно, как и другие «Я» вне меня. Если самость – это точка самосознания, некий смыслообразующий центр, то внутренний мир личности, чтобы соответствовать разным ситуациям, должен располагать возможностью интерпретировать свое «Я», отличая его от других «Я» в ней.

Во-вторых, далее Дж. Мид обосновывает представление о дифференцированности самости, введя понятия «I» («непосредственная реакция самости на других, которую нельзя заранее предугадать») и «Me» («организованный набор установок других») ¹⁰. Тем самым он подошел к открытию идеи множественности субъективного «Я» личности. Но I и Me – это две половинки самости личности, а не субъективного «Я». При этом I выступает у него источником спонтанной активности личности, а Me зависимой переменной.

Но концепция I и Me характеризует альтернативность всего субъективного мира личности, которая выражается в противоречии между тем, как она поступает, руководствуясь интенциями, не являющимися прозрачными для окружающих (а иногда и для нее самой), и тем, что она об этом думает, оценивая при этом мнения других людей.

В какой-то мере субъективное «Я» выступает способом соединения I и Me. Оно характеризуется в свою очередь внутренней дифференцированностью. На это указывают известные авторы теории личности К.Роджерс и К.Хорни, давшие обоснование *идеи множественности «Я» личности*. Ядром субъективных переживаний личности выступает у Роджерса Я-концепция, т. е. концепция о том, что человек думает о себе в повседневной жизни (реальное «Я»), и то, кем бы он хотел себя видеть (идеальное «Я») ¹¹. Позже К.Хорни уточняет это положение, дополняя его актуальным «Я» личности. Личность обладает, с ее точки зрения, тремя «Я»: актуальное «Я», т. е. то, чем она является на самом деле или в данное время; реальное «Я», характеризующееся потенциалом роста; идеальное «Я», которое выражает желательный для личности образ самой себя, т. е. то, чем она хотела быть.

Все эти «Я» прекрасно сосуществуют и дополняют друг друга в человеке. И каждое из них, взятое, в отдельности является «другим» по отношению к субъективному «Я» в целом как центру самосознания. Альтернативность присутствует имманентно в этих «Я». Между моим идеальным и реальным «Я», с одной стороны, актуальным и реальным «Я», с другой стороны, существует множество противоречий. Иначе говоря, в моем реальном «Я» находят свое выражение идеальное и актуальное «Я», раскрывая потенциал всего субъективного мира.

Для иллюстрации данного тезиса приведем один пример. Для курильщика его идеальное «Я» может исключать в принципе курение как вредную привычку, поэтому он так резко реагирует на курение близких ему людей. Но его актуальное «Я» продолжает оправдывать факты курения, находя все новые и новые доводы. И только его реальное «Я» способно изменить ситуацию к лучшему, связав желание бросить курить с конкретными навыками и поступками. Таким образом, желание бросить курить (идеальная ситуация) еще не означает готовности и решимости сделать это во-

преки обстоятельствам (реальная ситуация), а также подтвердить свое решение на практике достаточно продолжительное время (актуальная ситуация).

В-третьих, Дж. Мид, рассматривая самость человека в единстве с его разумом и в контексте общества, выдвигает на первый план понятие социальной интеракции и тем самым недооценивает существенные признаки субъективного мира, которые проявляются в социальных практиках. К числу характеристик субъективного «Я» личности можно отнести самоидентичность, самоактуализацию и рефлексивность (саморефлексивность).

Субъективное «Я» личности характеризуется в первую очередь *самоидентичностью*. Об этом писал в свое время Э. Эриксон, предложивший концепцию эго-идентичности. Эго-идентичность понимается им как совокупность представлений личности о самой себе, дающих ей возможность чувствовать свою уникальность и аутентичность¹².

Еще один важный признак субъективной альтернативности личности – *конструктивность*, т. е. способность интерпретировать определенным образом, а также предвидеть и порождать события своей жизни. В западной персонологии наибольшее влияние на разработку концепта «конструктивность» (применительно к анализу субъективного «Я») оказала теория личных конструктов Дж. Келле, которая базируется на положениях так называемого конструктивного альтернативизма. Он предложил и обосновал следующие принципы анализа субъективного мира личности:

1) человека лучше удастся понять лишь в перспективе, а не в свете текущих мгновений;

2) каждому человеку присуща личная манера воспринимать мир и обдумывать течение событий собственной жизни;

3) каждый человек располагает определенным набором личных конструктов как систем истолкования, используемых для интерпретации и конструирования событий его жизни¹³.

Одним из понятий, используемым для характеристики субъективного «Я», выступает *самоактуализация*. А. Маслоу рассматривает ее как непрерывный процесс выбора личностью ситуаций роста (развития), в которых реализуются возможности раскрытия самости. Актуализация «Я» проявляется в усилении независимости в принятии решений и стремлении действовать согласно своим

убеждениям, повышении ответственности за себя и свое окружение, росте самоуважения. Актуализация есть процесс и результат само-совершенствования личности и ее стремления достичь высших переживаний в творчестве и преодолеть собственные слабости¹⁴.

Комплексность личности и ее субъективная альтернативность проявляется также в ее *рефлексивности*. По мнению Э.Гидденса, она реализуется на трех уровнях «внутренней» организации личности: как соотношенность с телом, помещающим индивида в пространственно-временной континуум (телесная рефлексивность); как соотношенность сознания со своим «Я», самостью (саморефлексия); как соотношенность «I» и «Me», которые согласно традиции, установленной интеракционистами, рассматриваются соответственно как активное и пассивное начала личности¹⁵.

Дополняя и интерпретируя идеи Дж.Мида, я преследую вполне ограниченную задачу: показать те стороны субъективного мира личности, которые полностью не определяются социальными факторами, а зависят во многом от ситуативно проявляемых «Я», порождающих в свою очередь «внутреннее» разнообразие мира личности.

* * *

Таким образом, различные вариации субъективного «Я» личности выступают источником ее «внутренней» альтернативности. В этом смысле альтернативность есть возможность быть другим в рамках своего внутреннего мира. Личность не равна самой себе, точнее – она несоразмерна своей видимой или воображаемой реальности. Она есть нечто большее, чем то, что о ней думают другие люди, и даже больше того, что она сама о себе представляет. «Внутренний мир» личности непостижим до конца и не может быть выражен полностью в самосознании. Он всегда остается загадкой для личности, так же как и сознание других людей. Чаще всего человек выбирает в себе то, что он наверняка знает о себе или что ему больше всего нравится в нем самом. Но бывают и случаи, когда он следует своим внутренним импульсам, предоставляя свободу спонтанной активности сознания и проявлениям бессознательного.

Интерсубъективная альтернативность («Бытие в Другом как в себе»)

Второе погружение в социальный мир открывает нам Другого или Других, которые отличаются от нас физическими, психическими и социальными особенностями. Мы не только проявляем свою самость и распределяем «сферы влияния» между разными образами своего субъективного «Я», но и вступаем в отношения с другими людьми, воспринимая их как другие «Я», дистанцированные от нас и обладающие собственной телесностью. Другими словами, между личностью и другими индивидами имеется не только эмоциональная, но и интерсубъективная связь, благодаря чему возникает чувство общности и формируется интериндивидуальное «Я».

Как известно, истоки интерсубъективной альтернативности личности находятся в интеракционизме и феноменологии, а сама идея интерсубъективности принадлежит Э.Гуссерлю и его последователям. Для А.Шютца интерсубъективный мир – это «мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык»¹⁶.

Интерсубъективность заложена в природе социальной самости, которая, по Дж.Миду, должна в первую очередь приспособляться к ожиданиям других членов группы и соответствовать установкам «обобщенного другого». Как известно, в центре его внимания оказался конфликт между двумя сторонами самости: между I как «спонтанной активностью» и Me как «зависимой частью» субъективного мира личности. Однако именно Me становится полем борьбы I и непосредственным социальным окружением. Оно включает как представления личности о самой себе, так и оценки ее поведения со стороны других людей.

На отношение личности «Я – Другой» обращали внимание многие отечественные философы. По мнению Э.В.Ильенкова, «личность не только существует, но и впервые рождается именно как “узелок”, завязывающийся между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом»¹⁷. Именно в этом отношении «Я и не-Я во мне» и заключается субъективная альтернативность комплексной личности.

Мы уже упоминали о попытке В.Л.Абушенко структурировать жизненный мир личности. Используя концепцию трех «Я», заимствованную им у Ч.Кули и Дж. Мида (субъективное, зеркальное и ролевое «Я»), он соотносит субъективное «Я» с индивидуальной ипостасью личности, ролевое – с членством в группе или принадлежностью к определенной культуре, зеркальное «Я» – с рефлексивностью, способностью создавать свой образ с учетом мнений и оценок окружающих людей¹⁸. Два последние «Я» имеют непосредственное отношение к характеристике интерсубъективной альтернативности, поскольку между ними могут возникать противоречия, а необходимость их разрешения может побуждать личность к поиску альтернатив.

Альтернативность заложена внутри нас, но проявляется вовне в виде устойчивых установок и ориентаций на Другого. Причем Другой – это не обязательно то, что находится во мне. Но и то, что противостоит мне, обладает телесностью, автономным и удаленным от меня расположением, отличается своей самостью.

В сознании личности отражаются, как в зеркале «Я» других индивидов и их отношение к ее «Я», которое они принимают за подлинное или аутентичное. Этому служит *зеркальное (отраженное) «Я»*, которое «характеризует комплекс представлений человека о себе, складывающихся на основе известных ему или предполагаемых им оценок себя другими людьми и своих реакций на эти реальные или предполагаемые оценки»¹⁹. Оно характеризует способность личности воспринимать себя глазами других, а других как тех, какими они являются или желают казаться.

Но свое присутствие в социуме личность реализует через *ролевое «Я»*, которое отвечает за реальное самоутверждение человека в мире других «Я» и реализуется в системе социальных ролей. Благодаря этому «Я» личность обретает возможность воплощать все другие «Я» в действительности, приобщаться к социальному целому, идентифицировать себя с ним. Ролевое «Я» позволяет личности скрывать свое аутентичное «Я» под различными масками, уходить от прямого воздействия общества, помещая между собой и им посредников (маски, образы, модели ролевого поведения и пр.). Но «только “аутентичное Я”, как считал Э.Левинас, способно выйти навстречу Другому»²⁰. Однако оно прячется в личности глубоко и не выставляется всякий раз напоказ.

Для представления себя Другой (или Другим) личности недостаточно иметь образы зеркального (отраженного) и ролевого «Я». Ей необходимо еще выработать образ «*обобщенного другого*». Эту модель предложил в свое время Дж. Мид для характеристики общих ценностей и стандартов группового поведения, которые формируют у каждого члена группы представления о социальном целом. Другими словами, личности, чтобы успешно существовать в социальном мире, приходится принимать или осваивать образ обобщенного другого как типичного представителя организованной группы, чтобы оценивать себя и свои поступки с точки зрения общих стандартов и ценностей.

В чем же состоит альтернативность интересубъективного мира личности? Прежде всего, в том, что она может выбирать себе партнеров по общению и проигрывать в своем воображении различные сценарии ролевого поведения. Образы же ее интересубъективного «Я» («зеркальное», «ролевое» и «обобщенный другой») помогают выработать стратегию социального существования и определить приоритеты взаимодействия с другими «Я», позволяющие ей сохранить свою уникальность и специфичность. На практике знание этих «Я» и умение использовать определенные навыки или техники позволяет личности лучше ориентироваться в пространстве общения.

Таким образом, не выходя из сферы своего сознания, мы обнаруживаем в нем присутствие других людей в виде оценок, ожиданий, ориентаций, ролевых сценариев и пр. Вместе с тем между нами и другими устанавливается «невидимая» связь, которая свидетельствует не только об их реальном присутствии, но и об очевидной множественности других «Я», отличных от нашего (или наших) «Я» не только по «внешними», но и ментальным характеристикам. Мы другие не только «внутри» себя, но и в отношениях с людьми. Причем наша дружба свидетельствует о разнообразии отношений с миром, в которые мы вступаем, если имеет место ситуация выбора альтернатив поведения.

Объективная альтернативность личности: между экзистенциальным и трансперсональным

В объективном смысле человек ищет себя в мире и, возможно, не всегда находит там, где он ищет. И причиной тому может быть его «другость», разительное отличие от окружающих. Быть другим для мира вовсе не означает быть с ним в конфликте, противостоять ему. Другость и чуждость – не одно и то же. Хотя чаще всего мы становимся чужими для мира уже потому, что являемся другими, не похожими на тех, кто активно адаптировался к его реалиям и продолжает успешно с ним сосуществовать. Однако человек обращает свой взор на окружающий его мир не только для того, чтобы в конечном счете лучше приспособиться к нему, но и в расчете получить реакцию на свое присутствие и побольше узнать о себе как Другом.

В объективном (точнее – объективно-идеальном) плане перед человеком всегда стоит выбор: осуществлять свое право на свободный выбор, полагаясь целиком на собственные силы, или признать себя частью целого, слиться с ним в едином потоке. Перед ним возникает альтернатива: идти к самому себе посредством переживания себя в мире и осуществления собственного предназначения или искать встречу с миром Иного, чтобы обрести в нем желаемый покой или стабильность существования.

Во-первых, человек в ходе взаимодействия с миром приобретает экзистенциальный опыт. Осознавая свою другость, он неустанно ищет ответ на вопрос: кто он и каково его место в мире? Как известно, по К.Юнгу, цель каждой личности – становление самости человека как первообраза утраченной или воссоздаваемой целостности. Но эту целостность личность не может обрести внутри себя и поэтому предпочитает ее искать в мире или вместе с миром. На этот вопрос дают свои ответы многие мыслители и, прежде всего, представители экзистенциализма.

Как известно, экзистенциализм актуализировал ряд проблем, связанных со свободой выбора человека. «Глубинный смысл экзистенциализма, – подчеркивает К.С.Пигров, – в том, чтобы выдвинуть на первый план абсолютную уникальность каждого человеческого бытия...»²¹. Его центральная идея заключается в том, что человек, стремясь к обретению свободы,

переживает себя и свое место в мире и находится в ситуации отстраненности от мира, дистанцированности и в известной мере отчужденности от него.

Как считает В. Франкл, только личности (а не трансцендентному субъекту) принадлежит свобода выбора. Вместе с тем он указывает на двойственность положения личности в мире. Последняя, по его мнению, противостоит психофизическому организму как «нечто абсолютно *новое* и *духовное, экзистенциальное существо*, которое существует как своя собственная возможность, нечто большее, чем просто свободное бытие; в нем содержится еще и «зачем» человеческой свободы, т. е. то, ради чего человек свободен; то, что соотносится с Я, а не с Оно; духовная бессознательность человека, к которой относится вера, религиозность...»²². Если человек свободен или стремится стать таковым, то зачем ему погружаться в бессознательное состояние? Ответ у Франкла лежит на поверхности: для того чтобы обрести смысл свободы. Без этого «зачем» свобода перестает быть ценностью для человека.

Во-вторых, еще одна линия объективной альтернативности наряду с экзистенциальным измерением личности намечается в сфере ее взаимодействия с миром трансцендентного. Она означает возможность ее встречи с Иным, с рационально не постигаемым миром. Причем трансцендентное в моем понимании не связано непосредственно с божественной природой мира, а предполагает приобщение к целому. А это могут быть социум, культура, религия и пр.

Для такого понимания важное значение имеет трактовка личности как индивидуального локуса культуры, которая принадлежит антропологам психологической ориентации (Ф.Клахон, Р.Линтон, Дж. Хонигман и др.). Они полагали, что личность опосредует влияние культуры на человека, благодаря чему она научается вырабатывать альтернативные решения возникающих проблем. Другими словами, культура опосредует взаимодействие человека с миром, предлагая ему разные способы, средства, технологии. Но воспользоваться ими он может только в том случае, если изменится сам, например, получит образование, успешно пройдет все стадии социализации и станет частью более широкой системы (общества, культуры, религии). Трансцендентное в культуре выступает в виде

универсалий, выразить и постичь человек не может в одиночку. Для этого ему необходимо обогатить себя культурным опытом целого (группы, этноса, общества).

Иное как область непостижимого в мире проникает в самую личность, придавая ее жизни определенный смысл. Другими словами, оно выражает «трансцендентное начало человека, в котором открывается *сверхсмысл мира* как целого, а зов трансцендентного слышится в голосе совести»²³.

Иное дано человеку не только через культуру, усвоению которой он посвящает большую часть своей сознательной жизни, но и непосредственно. Так, тот же самый В.Франкл, описывая структуру личности, рассматривал ее как «нечто неделимое», т. е. то, что нельзя далее расщепить или разложить на отдельные части, синтезировать из этих частей, так как оно представляет собой единое целое. Но если личность есть неделимое целое, то, что же тогда в ней не принадлежит ей самой? Наверное, то, что привносится извне и не осознается ею до конца. Ей же принадлежит возможность сознательного выбора: между свободой и рабством, одной культурой и другой и т. д.

В этой связи возникает идея трансперсональности человека, которая трактуется как возможность выхода человека за пределы сознания в мир иного опыта, неподвластного логике экзистенциализма. Толчком к началу трансперсональных исследований послужили работы У.Джеймса, развитые в дальнейшем К.Юнгом и А.Маслоу. Так, У.Джеймс, который одним из первых стал использовать термин «трансперсональность», утверждал, что источником сакрального опыта и трансформирующих мистических переживаний является сфера бессознательного человека²⁴. С этой точки зрения личность возникает как способ преодоления инстинктивных и привычных граней сознания человека, выхода за рамки познаваемого. Она есть то, что в данный момент переживается человеком и выступает на поверхности его сознания как непрерывный поток мысли.

Следовательно, между экзистенцией как возможностью свободного выбора и трансцендентностью как предопределенностью нашего развития всегда находится определенный разрыв. Но значит ли это, что человек принадлежит самому себе, если его сущность трансцендентна, а, следовательно, неподвластна ему, опре-

деляясь в одних случаях культурными факторами, а в других – божественным происхождением всего сущего? Где же находится тот предел, за которым прекращается возможность выбора? И, как это обычно бывает, вопросов значительно больше, чем ответов на них.

Экзистенциализм и трансцендентализм – две радикальные позиции в философии человека, утверждающие свой собственный взгляд на характер его выбора и способ существования в мире. На мой взгляд, быть экзистенциальным существом, осуществляющим каждодневный и осознанный выбор ради расширения границ собственной свободы, и быть носителем трансцендентного, которое проникает во внутренний мир личности бессознательным или иным, неизвестным нам образом, невозможно в одно и то же время.

Однако имеются попытки примирить эти враждующие между собой философские направления и их представления о характере человеческого выбора (Ж.Лакруа, Э.Левинас и др.). Так, по мнению французского персоналиста Ж.Лакруа, лишь в отношении с Другим личность обретает смысл существования, собственную внутреннюю свободу. Культура обеспечивает (и опосредует) ее социальную вовлеченность – причастность семье, родине, человечеству, а глубинная вовлеченность связана со способностью личности к *трансцендированию*, выходу за пределы самой себя в область божественного. В своем экзистенциальном опыте он находится в постоянном развитии, в диалоге с собой и другими, а в своем трансперсональном опыте – он вступает в диалог с Богом (единственным Другим, который может обосновать реальность отдельного субъекта, его «Я»²⁵).

Трансперсональность есть возможность Иного (инобытие), которое сосредоточено в трансцендентном. Это подтверждает французский философ-постмодернист Э.Левинас, рассматривающий трансцендентное в буквальном смысле как «иначе, чем быть». Для него трансперсональность – буферная зона между бытием и небытием, которая характеризуется освобождением «Я» от всего внешнего в самом себе, распознаванием Самости (идентификацией личности), и интенциональностью, которая осуществляется посредством трансцендентальной редукции. Среди направленных интенциональных состояний остается лишь Метафизическое Желание. Только «аутентичное Я» способно выйти навстречу Другому, имманентно трансцендентному.

Но если аутентичное «Я» выражает «свободу для» в отличие от Метафизического желания, которое определяет «свободу от», то стоит ли его лишать способности выбирать, заменяя ее трансцендированием? Ведь последнее означает «выход к некому единому сверхоснованию, позволяющему обосновать в себе и развернуть из себя логически все предшествующие построения..., выделение тех оснований и условий, при которых акт трансценденции оказывается возможен»²⁶. Ему не присуща агональность (соревновательность, противоборство). Это – состояние покоя и безмятежного духа.

Последнее прибежище субъекта трансцендирования – растворение в целом, погружение в пустоту и превращение в Ничто. По мнению В.В.Козлова, стремление личности к трансцендированию проявляется на нескольких взаимосвязанных уровнях: сознательное слияние с Другим (например, с близким человеком – ребенка с матерью), достижение тождественности с другими (группой), достижение целостности со всем человечеством; достижение целостности со всем миром (обретение космического сознания)²⁷.

Таким образом, альтернативность обнаруживается в противоречии между экзистенциальным (как опытом переживания себя в мире) и трансперсональным (как опытом приобщения к трансцендентному через культуру или религию). Оставаясь наедине с собой, человек ощущает свою заброшенность в мире и угрозу своему свободному существованию. Погружаясь же в мир трансцендентного, которое проникает в его внутренний мир преимущественно бессознательным образом через механизмы культуры (архетипы) или веры, он испытывает непреодолимое желание освободиться от земных оков и обрести себя в вечности.

Мир трансцендентного (будь-то культуры или божественного) обнаруживает себя в моделях жизненного пути или сценариях, которые выработало человечество за всю историю своего существования. В порядке перечисления назовем наиболее известные из этих моделей.

1. Еще на заре человеческой истории был предложен путь *«быть всем для себя и никем для других»*, который означал на практике «войну всех против всех» и связывался в представлениях мыслителей прошлого с естественным состоянием общества. Та-

кой путь выливался в постоянные войны и вооруженные конфликты, не имеющие победителей, поскольку проливалась кровь ни в чем не повинных людей.

2. Из истории нам известна модель *«быть всем для всех и никем для себя»*, которая предлагала человеку принимать других как самого себя по принципу «возлюби ближнего своего». В идеальном плане это – путь любви и милосердия, который открыло когда-то для себя и своих последователей христианство. Но христианская цивилизация, раздираемая внешними и внутренними противоречиями, неоднородна и не лишена внутренних противоречий, последствия которых человечество преодолет еще не скоро (достаточно напомнить Крестовые походы, примеры беспощадного уничтожения еретиков, «священные» войны и пр.). По этому же пути пошли сторонники идей коммунизма, практическое воплощение которого привело к тяжелым человеческим потерям.

3. Можно выделить также модель *«быть никем для всех и ничем для себя»*, предложенная в лоне социоцентристских теорий общества. Здесь в полной мере господствует принцип холизма: «целое есть все, часть – ничто». Человеческая жизнь не обладает ценностью. Человек есть ничто в огромном универсуме, в котором он растворяется без остатка или пропускает его через себя, становясь прозрачным и превращаясь в «ничто», поскольку сам представляя собой «ничто». При этом возникает парадоксальная ситуация: ведь будучи ничто, он не может быть всем для всего (целого), а значит, его роль в его поддержании ничтожно мала. Каким же тогда образом целое будет воспроизводить себя, если его части не имеют в нем реального присутствия? Ответ может быть столь же парадоксальным: ничто не имеет присутствия, а значит, пребывает в пустоте.

4. В идеале может быть еще одна модель жизненного пути человека: *«быть всем для всех и всем для себя»*. Казалось бы, она провозглашает ценность и уникальность каждой человеческой жизни, воплощая на практике принципы свободы и справедливости. Однако в социальной действительности для такой модели нет пока реальных предпосылок. Человечество еще не изобрело такую общественную систему, в которой бы на первый план вышел человек с его проблемами. Возможно, такая человекосоразмерная система – дело отнюдь отдаленного будущего. Но не будем забегать вперед и строить необоснованные прогнозы.

Я не вижу необходимости в том, чтобы иллюстрировать на исторических примерах отмеченные варианты жизненного пути личности. Это скорее образы, интуиции и предчувствия, чем схема, претендующая на научную достоверность и обоснованность.

* * *

Итак, альтернативность можно определить как способность личности к выбору и построению разных стратегий и моделей поведения в современном мире. Данное свойство личности, позволяющее ей проявлять себя одновременно в разных сферах деятельности, перенося центр своей активности из одной в другую, а в отдельных случаях выходить за пределы устоявшегося порядка, я связываю с понятием комплексности. Найти же свой путь в лабиринте субъективных, интересубъективных и объективных измерений оказывается для реальной личности сверхсложной задачей, решение которой иногда растягивается на всю жизнь. А вот для философии и науки оно может стать предметом постоянной рефлексии и поводом для дискуссии, к чему я и призываю своих читателей. И здесь я считаю продуктивными дальнейшую разработку и апробацию идей множественности «Я» личности и их взаимопроникновения в контексте анализа альтернативности как способа ее существования в «сложностном» мире.

Примечания

- ¹ См.: *Rogers K.R. A way of being.* Boston, 1980.
- ² *Луман Н. Социальные системы.* М., 2007. С. 415.
- ³ См.: *Козлов В.В. Трансперсональная психология.* М., 2010. С. 347–348.
- ⁴ *Луман Н. Социальные системы.* М., 2007. С. 415.
- ⁵ См.: *Мид Дж. Интернализированные другие и самость. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И.Добренкова.* М., 1994. С. 230, 236.
- ⁶ *Ильенков Э.В. Философия и культура.* М., 1991. С. 393.
- ⁷ *Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии.* М., 1999. С. 234.
- ⁸ См.: *Мид Дж. Интернализированные другие и самость. Аз и Я.* С. 236–237.
- ⁹ *Абушенко В.Л. Социология личности // Социология: Энцикл.* Минск, 2003. С. 1029.

- 10 См.: *Мид Дж. Г.* Избранное: Сб. пер. / Сост. и переводчик В.Г.Николаев. М., 2009. С. 146–178.
- 11 См.: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб., 1997. С. 537.
- 12 См., например: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и пер. А.В.Толстых. М., 1996. См. также: *Эриксон Э.Г.* Кризис идентичности в автобиографической перспективе // *Личность. Культура. Общество.* 2008. Вып. 1(40). С. 73–89.
- 13 См.: *Келле Дж.* Теория личности: Психология личных конструктов / Пер. с англ. и науч. ред. А.А.Алексеева. СПб., 2000. С. 12–14.
- 14 См.: *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999. С. 56–61.
- 15 См.: *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 38–174.
- 16 *Шютц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // *Американская социологическая мысль: Тексты.* М., 1994. С. 485.
- 17 *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 1991. С. 393.
- 18 *Абушенко В.Л.* Социология личности. С. 1029.
- 19 Там же. С. 1030.
- 20 Там же.
- 21 *Пигров К.С.* Социальная философия. СПб., 2005. С. 189.
- 22 См.: *Франкл В.* Десять тезисов о личности // *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия.* 2005. № 2. С. 4–13.
- 23 См.: *Психология личности: Хрестоматия* / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузыря, В.В.Архангельской. М., 2009. С. 36–43.
- 24 Как известно, приставка «транс-» (лат. trans) означает буквально сквозь, через или за.
- 25 См.: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/3/36/1009569.htm?text>.
- 26 См.: *Громыко Н.* Трансцендирование как базисная антропологическая конструкция в работе Фихте «О назначении ученого» 1811 года // <http://www.circle.ru/reflexum/n12012004.html>.
- 27 *Козлов В.В.* Трансперсональная психология. М., 2010. С. 440–441.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Владимир Кантор

Италия как духовный ориентир русской культуры: пять эпизодов кросс-культурной коммуникации

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечный зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –
Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах

А.С.Пушкин «Мадона»

Культурно-политическое влияние Италии, точнее, Рима на Россию, невозможно хоть сколько-нибудь понять, не обратившись к теме империи. Идея империи никогда не умирала в западноевропейском сознании. Пожалуй, именно она противостояла разнузданности варваров. Карл Великий строил империю, чтоб европеизировать германцев, собрать племена, расселившиеся по всей Европе, и убедить их в том, что они римляне. «На Западе Римская империя, – писал Аверинцев, – перестала существовать “всего лишь” в действительности, в эмпирии – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен “семиотическое” существование. <...> Знаком из знаков становится для Запада многократно разоренный варварами город Рим. Когда в 800 г. Запад впервые после падения Ромула Августула получает “вселенского” государя в лице Карла Великого, этот король франков коронуется в Риме римским императором и от руки римского папы. “Священная Римская империя германского народа” – это позднейшая формула отлично передающая сакральную знаковость имени города Рима. Это имя – драгоценная инсигния императоров и пап»¹.

Римская империя была чем-то большим, чем просто государственным образованием, но символом того, как надо жить *не-варвару*. Это было пространство, необходимое для существования цивилизованного человека, поэтому так ласкало имя «Рим» слух русских европейских поэтов, или, по слову Мандельштама:

Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной!

Как замечал С.Аверинцев, «уже Тертуллиан, ненавидевший языческую Римскую империю, все же верил, что конец Рима будет концом мира и освободит место для столкновения потусторонних сил. Тем охотнее усматривали в существовании Римской империи заградительную стену против Антихриста и некое эсхатологическое “знамение”, когда империя эта стала христианской»². Соответственно, вся до-имперская русская жизнь воспринималась просвещенной Россией как жизнь варварская. Потому понятно, что именно эта идея цивилизации пространства, как я покажу дальше, воодушевляла Петра Великого при построении Российской империи.

Не забудем и самого важного, что именно из Рима в Европу пришла идея Христа.

* * *

Рассмотрим ряд эпизодов культурных контактов России и Италии и начнем издалека, с предпосылок, которые позволили Древней Руси войти в число христианских стран. Начнем с *эпизода создания славянской письменности* и роли в этом процессе Рима.

Известно, что патриарх Фотий послал солунских братьев Константина и Мефодия из Константинополя в Великую Моравию, которая тогда находилась в подчинении епископства Пассау (Бавария), для создания славянской азбуки и распространения христианства среди славянских племен. Исследователи пишут, что немецкое духовенство выступило против служения Литургии на славянском языке, и требовало, как это было принято в Риме, совершать Литургию на латыни. Братья не могли сделать священниками подготовленных ими учеников и в 867 г. отправились в Венецию, предполагая оттуда двинуться в Константинополь и там совершить их поставление. Получив приглашение от римского папы, Константин и Мефодий из Венеции направились в 868 г. в Рим.

В Риме их встретили приветливо. Папа Адриан II освятил славянские книги и приказал положить их в римских церквях, а ученики Константина и Мефодия стали священниками и дьяконами. Стоит привести отрывок из «Буллы папы Иоанна VIII от июня

880 г.): «Письмена, наконец, славянские, изобретенные покойным Константином Философом, чтобы с их помощью раздавались надлежащие хвалы Богу, по праву одобряем и предписываем, чтобы на этом языке возглашалась слава деяний Христа Господа нашего, ибо мы наставлены святым авторитетом, чтобы воздавали хвалу Господу не только на трех, но на всех языках. <...> И ничто ни в вере, ни в учении не препятствует, на том же самом славянском языке ни петь мессы, ни читать святое Евангелие или Божественные чтения из Старого и Нового завета, хорошо переведенные и истолкованные, или петь все остальные обряды, ибо Тот, Кто создал три главных языка, то есть еврейский, греческий и латинский, Тот создал и все остальные к Своей хвале и славе»³. Так католическая церковь приветствовала появление священных книг на новых языках, тем самым, включая их в число священных языков. В Риме Константин тяжело заболел, в начале февраля 869 года окончательно слёг, принял монашеское имя Кирилл, и через 50 дней (14 февраля) скончался. Философ похоронен в Риме в базилике Святого Климента. Мефодий был рукоположен в епископский сан.

Следующим важным эпизодом культурно-политической коммуникации России с Италией стоит назвать *Ферраро-Флорентийский собор 1439 г.* Напомню весьма важный для русской культуры эпизод, когда едва ли не впервые жители не Киевской, а Московской Руси примерно на двухсотом году татарского ига посетили Западную Европу. Я имею в виду «Хождение на Флорентийский собор», состоявшееся в 1437–1440 гг. и записанное по свежим следам безымянным суздальским монахом. На этом Соборе была подписана византийским императором, патриархом и римским папой Уния, собиравшая в единое целое христианскую Европу, дабы противостоять туркам-сельджукам, мусульманам. Однако московский митрополит Исидор, подписавший вместе с патриархом эту унию, по возвращении в Москву был низложен, уния расторгнута и выбран новый митрополит. Духовный контакт России с Европой был отныне затруднен на многие столетия, и в каком-то смысле все наше западничество есть побочный результат этого разрыва, отказа Руси войти в «концерт европейских народов».

Не вдаваясь в конфессиональные тонкости этого сложного вопроса, сыгравшие свою роль в отторжении унии, отметим исторические причины неприятия этого соглашения. Во-первых, визан-

тийцы сами приучили русских не доверять “латинянам”. На эту причину указывали многие, например, Василий Розанов. Известно, что в традиционных обществах привычки живут весьма долго. Во-вторых, на тот момент у Руси отсутствовала реальная потребность в союзе в далёким Римом. Византия боялась наступавших на нее турок, а Русь *уже* была захвачена татарами, отвыкла от Европы, не имея с ней контактов, во всяком случае, не видела в ней союзника, скорее, конфессионального противника.

И, тем не менее, коммуникация русских людей с Италией на её территории состоялось, оставшись в литературе, а стало быть, и в сознании. Что же поразило русского путешественника прежде всего? А его именно – *поразило*, поэтому почти в каждом абзаце он пишет о своем великом “удивлении” вещам, открывавшимся его взору. Он удивлен и восхищен богатством, разработанностью и насыщенностью религиозной жизни Западной Европы: множество церквей, монастырей. Описание изобилия и разнообразных удивительных для него и восхищающих чудес технического толка имеется в рассказе почти о каждом городе. В Риме путешественникам не удалось побывать, но вот описание Флоренции: «Тот славный город Флоренция очень большой, и того, что в нем есть, не видели мы в ранее описанных городах: храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны. И посреди города течет река большая и очень быстрая Арно; и построен на той реке мост каменный, очень широкий; и по обеим сторонам на мосту построены дома <...>. И есть в этом городе храм великий, построенный из белого и черного мрамора; а около того храма воздвигнута колокольня также из белого мрамора, и искусности, с которой она построена, наш ум не способен постигнуть; и поднимались мы на ту колокольню по лестнице, насчитав четыреста пятьдесят ступеней...»⁴. Завершение описания – обратная дорога в Россию – лишь перечисление населенных пунктов и расстояний между ними...

Возможно, отказ от Унии объясняется вполне практическими причинами. Уже тогда московско-татарская власть догадалась о том, что было внятно любому средневековому государству: идеология – не только лучший страж границ, но и замечательный предлог для экспансии. Соперницей поднимавшегося Московского княжества была Литовская Русь. В 1386 г. Литва в результате

династического брака (литовского князя Ягайло и наследницы польского престола Ядвиги) приняла католичество, но те земли, где жили русские, остались православными. Они-то, эти земли, и были предметом спора. Нежелание Унии вытекало из боязни ослабить влияние Москвы на православных подданных Западной, Литовской Руси в борьбе за земельное наследство разгромленной татарами Киевской Руси. Латиняне из мифических стали идеологическими врагами.

Однако если бы был возможен взгляд из XV столетия на несколько столетий вперед, то последствия отказа от Унии смотрелись бы иначе. В годы Октябрьской катастрофы именно об этом отказе пожалеют русские религиозные мыслители, не получив в борьбе с большевиками-атеистами поддержку христианского Запада.

Как писал С.Булгаков, бежавший от большевиков из Советской России, по-новому осмысляя религиозную историю России, – на Ферраро-Флорентийском соборе «был цвет византийского богословия и науки, так что бой был настоящий и решительный. Греки отвергли собор уже после падения Византии, когда совершенно осатанели в латинофобстве, тоже последовали сделать и “вост. патриархи” (и тогда уже только церковно-исторические статисты, как и теперь), а в Москве мальчишка-князь (20 лет) Василий Темный просто арестовал Исидора – и все. Такими средствами не может быть упразднен вселенский собор, который требует себе признания хотя бы через 500 лет. Греки, а вместе с ними и мы, и вся восточная церковь совершили клятвопреступление, т. к. при совместном совершении литургии после собора перед Св.Дарами дали обет сохранять ему верность. Если до этого собора (не считая Лионского) в схизме можно было считать повинными обе стороны, то теперь схизматики мы, восточная церковь. И этот грех влечет за собой неотвратимое наказание, – пала Византия, а вместе с ней оскудела восточная церковь. Теперь пала наша Византия, и оскудела русская церковь»⁵. Оскудение русской церкви было результатом ее отказа от идеи всемирности, «православие, – замечал С.Н.Булгаков, – находится в национальном окостенении»⁶.

Третьим важнейшим эпизодом межкультурной политической коммуникации следует назвать женитьбу Московского князя Ивана III на Софье Палеолог. При Иване III произошло в 1480 г. знаменитое стояние на реке Угре, когда татары впервые не осмелились

напасть на русских в открытом поле (впрочем, русские не решились тоже). К этому моменту Орда уже распалась на не очень большие ханства (прежде всего в результате внутренних междоусобиц, а также после разгрома татар на рубеже XIV–XV вв. Тамерланом). Эти ханства по-прежнему представляли опасность для Руси, хотя и перестали быть постоянной угрозой, ломавшей внутреннюю жизнь народа.

К этому моменту Московский Великий князь Иван III уже 8 лет был женат на племяннице византийского императора Софье, жившей до брака в Риме и сосватанной князю не без участия римского папы. По мысли известного русского историка, Иван III вполне осознал *государственную выгоду* от контактов с Западной Европой – через голову Польши и Литвы. Именно политические интересы, стимулировали культурную коммуникацию. От римского папы «вышло предположение устроить брак молодого московского князя с племянницей последнего константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог. После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечение папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основания надеяться, что, выдав Софию за московского князя, он получит возможность ввести унию в Москву»⁷. Не очень давний пример Литвы и Польши, крестившихся в католичество, обнадеживал римскую курию. Причем заинтересованность Москвы в этом браке такова, что приехавшие за невестой послы (а главным поверенным великого князя был его подданный Иван Фрязин, «венецианского происхождения», замечает Карамзин) уверяли папу *«о ревности их монарха к благословенному соединению церквей»*⁸.

В 1472 г. произошло венчание Ивана III и Софьи. Однако в результате Рим остался ни с чем, выиграл лишь московский князь, получивший право называться преемником византийского императора. Соединения же церквей не произошло, Иван Фрязин был обвинен в латинстве и посажен в тюрьму, а Софья приняла православие. Но, как писал Карамзин, «главным действием сего брака <...> было то, что Россия стала известнее в Европе, <...> начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях,

но угадывали и могущество»⁹. Москва использовала этот брак в своих интересах: женившись на греческой царевне, Иван III усвоил себе византийский герб – двуглавого орла, что должно было указывать на преемство его власти от византийских императоров, привез в Москву итальянских зодчих (Аристотеля Фиорованти и других), отстроивших каменный Кремль (Успенский собор, Грановитую палату и пр.). По слову Мандельштама: «Успенье нежное – Флоренция в Москве».

И Кремль словно внес в Московию какие-то новые параметры – не скажу благодатные, но создававшие почву для возможности трагического бытия человека. Федотов писал: «Набеги ханов, казни опричнины, поляки в Кремле – всю трагическую повесть Москвы читаем мы на стенах Кремля, повесть о нечеловеческой воле, о жестокой борьбе, о надрыве. Недаром Грозный, Годунов просятся в шекспировскую хронику. Дух тиранов Ренессанса, последних Медичи и Валуа, живет в кремлевском дворце, под византийско-татарской тяжестью золотых одежд. Грозные цари взнуздали, измучили Русь, но не дали ей развалиться, расползтись по безбрежным просторам»¹⁰.

Строительство Кремля с его итальянскими «ласточкиными хвостиками», как показала история русской культуры, не стало пустым эпизодом. Архитектура в русской культуре крепнет в слове. У Мандельштама есть интереснейшее рассуждение о тех символических коммуникативных связях, которые встроили «итальянский» московский Кремль в парадигму русского слова, как центра вокруг которого строилась русская культура, преодолевая свой хаос: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»¹¹.

Далее, уже при Василии III, и это *четвертый значимый эпизод*, возникает *концепция о Москве как третьем Риме*, «а четвертому не быти». Обычно ее воспринимают как выражение московского изоляционизма. Я бы назвал ее, скорее, «извращенным европеизмом». Вчитаемся в послание старца Филофея (автора этой концепции) великому князю Василию: «Старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града,

церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли... Так, пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божиим»¹². Иными словами, Московская Русь в данном случае выступает в качестве ковчега, спасающего, укрывающего в себе христианский мир. Если же учесть, что в Средневековье христианский мир все-таки отождествлялся именно с европейской цивилизацией, то становится понятным, что, назвав себя третьим Римом (Римом! а не Стамбулом, не Сараем, не Багдадом, не Самаркандом), Москва равнялась на Европу, на ее тогдашний центр, полагая себя наследницей и правопреемницей «христианской Европы».

Наконец, последний, *пятый из рассматриваемых эпизодов* – самая решительная и удачная попыткой движения России к Риму связана с именем *Петра Великого, который на Балтийском (Варяжском) море сознательно строит Третий Рим*, наполняя город античными статуями и скульптурами, ориентируя его не на второй, а на первый Рим, вводя римские черты даже в свой герб. Россия после долгой татарской и московской изоляции *возвращалась в Европу при Петре Великом как империя*. Именно как империю воспринимал Россию Запад и в лице просветителей приветствовал появление и европейскую инициативу «северного великана». Не забудем, что империя выступила в петровскую эпоху как гарант свободы разнообразия: «Всяк сущий в ней язык» – так Пушкин определил равноправие населявших русскую империю этносов. И петровская ориентация на римскую имперскость вовсе не означала внесение язычества в страну, как попытался увидеть петровские реформы Д.С.Мережковский в романе «Антихрист (Петр и Алексей)». Не случайно в Римской империи формировались базовые ценности современной европейской цивилизации, включая и христианство.

Созданная Петром Великим русская империя была открыта всем народам («все флаги будут в гости к нам», – писал Пушкин), но, прежде всего, открыта она была Европе, с которой Россия вновь, как во времена Новгородско-Киевской Руси, ощутила внутреннее единство. Созданный Петром столичный град Санкт-Петербург создал духовное напряжение в России. Если Иван III

приглашал из Италии архитекторов, то политика Петра был иная. Он посылал своих русских подданных учиться в Европу. Первым строителем Петербурга неслучайно называют П.М.Еропкина, учившегося «архитектурному делу» по приказу Петра в Риме¹³. И Петербург стал городом, структурировавшим новую Россию, превратившим ее в империю.

Новую столицу Петр строил, опираясь на идею Рима. Стоит напомнить очень верное и глубокое наблюдение российских исследователей о том, что семиотическая соотнесенность с идеей «Москва – третий Рим» неожиданно открывается в некоторых аспектах строительства Петербурга и перенесения в него столицы. Из двух путей – столицы как средоточия святости и столицы, осененной тенью императорского Рима, – Петр избрал второй. «Ориентация на Рим, минуя Византию, естественно ставила вопрос о соперничестве за право исторического наследия с Римом католическим. <...> В этом новом контексте наименование новой столицы Градом Святого Петра неизбежно ассоциировалась не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге как Новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе: <...> герб Петербурга содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима <...> и это, конечно, не могло быть случайным»¹⁴. Рим создал великую империю, с ее всеприемлемостью племен и народов. «Мечта о всемирном соединении и всемирном владычестве, – писал, рассуждая об идее империи в начале XX в., Бердяев, – вековая мечта человечества. Римская империя была величайшей попыткой такого соединения и такого владычества. И всякий универсализм связывается и донныне с Римом, как понятием духовным, а не географическим»¹⁵.

Уход от Московского царства, заявление Петра, когда ему поднесли титул императора, что Россия не будет очередной Византией, павшей от собственной слабости и ничтожества, свидетельствуют о некоем сознательном историософском выборе Преобразователем новой ориентации в историческом и геополитическом пространстве: «Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии Греческой; *надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение*»¹⁶

(курсив мой. – В.К.). До националистического переворота Николая I все идейно-политические установки Петра сохраняли свою жизненность.

Важно отметить, что принимая титул императора, Петр не только указывал на свою европейскую ориентацию, но и демонстрировал отход как от византийского, так и татарского наследия. Империя означала наднациональную парадигму, где европеизм играл роль сверхъидеи, на которую ориентировались все народы государства. Завоевав Древнюю Грецию, Рим оказался наследником древнегреческой религии и культуры, на этой почве преодолев национальную узость и сделав шаг к мировому величию. Но и Европа восемнадцатого века воспринимала себя прямым воспроизведением, восстановлением Древней Греции: «Европа в настоящее время представляет собой увеличенную копию того, образцом чего раньше в миниатюре была Греция»¹⁷. Стало быть, и новый Рим – Россия – мог смело следовать примеру первого Рима, заимствуя культуру, технику и науку у Европы, не унижая, но возвеличивая себя, вбирая Европу в себя, как некогда Рим вобрал Элладу.

Похороны Петра Великого в Санкт-Петербурге стали религиозным и исторически знаковым событием. Рассматривая восприятие современниками Петра Великого как нового императора Константина Великого, современная исследовательница напоминает об ориентации Петра на первый Рим, город *святого Петра, похороненного в вечном городе*. Но также о том, что Москва приобрела статус хранительницы православия, когда в нее переехал при Иване Калите и впоследствии был *там похоронен русский митрополит Петр*. «Новая столица Российской империи, – пишет автор, – была вписана в христианский контекст, традиция была соблюдена. <...> Три священные могилы трех Петров: св. апостола Петра – хранителя христианского Рима и всего «земного града» в соборе Св. Петра в Риме; св. Петра, митрополита Всея Руси – в Успенском соборе в Москве, <...> связавшим Второй Рим и Третий. Наконец, могилы Петра Великого в Петропавловском соборе и первого христианского императора Константина <...> в храме Святых Апостолов создают для верующей Руси надежную опору соединения светской имперской, вселенской христианской и отечественной истории»¹⁸.

После катастрофы Октябрьской революции близость Петербурга великому Риму становится для русских эмигрантов несомненной, и эта мысль звучит страстно, тоскливо, преувеличенно, но звучит. В 1926 г. Георгий Федотов написал: «Истлевающая золотом Венеция и даже вечный Рим бледнеют перед величием умирающего Петербурга. Рим – Петербург! Рим опоясал Средиземное море кольцом греческих колонн, богов и мыслей. Рим наложил на южные народы легкие цепи латинских законов. Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болота гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди северных берез и елей. К самоедам и чукчам донес отблеск греческого гения, прокаленного в кузнице русского духа. Кто усомнится в том, что Захаров самобытнее строителей римских форумов и что русское слово, раскованное Пушкиным, несет миру весть благодатнее, чем флейты Горация и медные трубы Вергилия?»¹⁹.

Как видим, кросскультурные коммуникации расширяют и углубляют своеобразие культур: учеба России у Европы, как некогда Древнего Рима у Древней Греции, способствовала созданию великого государства и великой культуры. От нашествия же варваров, как внешних, так и внутренних, не застрахована самая великая цивилизация.

Примечания

- ¹ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 115–116.
- ² Там же. С. 124.
- ³ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 197.
- ⁴ «Хождение» на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / Вступ. статья Д.С.Лихачева; Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. М., 1981. С. 481, 483.
- ⁵ *Булгаков С.Н.* Jaltica (Письмо к другу) // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 184.
- ⁶ *Булгаков С.Н.* Из «Дневника» // *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 369–370.
- ⁷ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 186. Полагаю, что в этой цитате опечатка, и вместо слова «предположение» надо читать «предложение» – примеч. автора статьи.

- 8 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V–VIII. Калуга, 1993. С. 200. Курсив Н.М.Карамзина.
- 9 Там же. С. 203.
- 10 *Федотов Г.П.* Три столицы // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 59.
- 11 *Мандельштам О.* О природе слова // *Мандельштам О.* «Сохрани мою речь...» М., 1994. С. 399.
- 12 Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 437.
- 13 См. *Карпов Г.М.* Архитектор Петербурга Петр Михайлович Еропкин // *Вопр. истории.* 2011. № 2. С. 131–143.
- 14 *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // *Успенский Б.А.* Избр. тр.: В 2 т. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 63–64.
- 15 *Бердяев Н.А.* Конец Европы // *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 117.
- 16 Петр Великий в его изречениях. М., 1991. С. 88.
- 17 *Юм Д.* О возникновении и развитии искусств и наук // *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 637.
- 18 *Киселева М.С.* Петербург в контексте христианской сакральности (Священные могилы священных столиц) // Петербург на философской карте мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 72.
- 19 *Федотов Г.П.* Три столицы. С. 51.

Интеллектуальная коммуникация в культуре восточных славян конца XVI–XVII вв.*

Понятие «интеллектуальность», а также термины, связанные с ним, имеют определенную традицию в интерпретации – ориентацию на науку Нового времени, светское образование, опору на

* Необходимо сказать, что в современной литературе существуют разные термины для обозначения этих территорий и его населения: земли с восточно-славянским населением Великого княжества Литовского, затем вошедшие государство Речи Посполитой, на ее восточных территориях. Малая и Белая Русь – названия, данные московскими правителями, они вошли в титулатуру Московского царя XVII в. после 1654 г, когда земли западной и юго-западной Руси вошли в состав Московского государства; отсюда название населения юго-западных земель – малороссы, западных – белорусы в противопоставление великороссам, населяющим центральные районы Московского царства. Эта терминология была унаследована в Российской империи и широко использовалась учеными XIX в. Языковая ситуация определяла русское население или русинов как людей, говоривших «попросту» и писавших на «простой русской мове». Существенным признаком, объединявшим этих людей, являлась их конфессиональная православная однородность до принятия Унии (1596 г.) и появления русских, принявших Греко-католическое вероисповедание. Православные этих территории подчинялись киевской митрополии. Украинцы и белоруссы – термины, появившиеся в XVII в., которые в последующих столетиях закрепили национальное самосознание и движения за политическую самостоятельность. По стилистическим причинам в статье употребляются разные этнонимы; за этим не стоят какие-либо принципиальные политические или этнокультурные пристрастия автора. Подробнее о развитии самосознания восточнославянских этносов см.: *Флоря Б.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – Раннего Нового времени // *Россия–Украина: история взаимоотношений* / Отв. ред. А.И.Миллер, В.Ф.Репринцев, Б.Н.Флоря. М., 1997. С. 9–27.

индивидуальность человека, развитие его мышления и созидательных способностей, расширение свободы человека. Об этом заботилась еще античная культура, являясь истоком всей европейской интеллектуальности. Новое время существенно прагматизировало это понятие, почти отождествив его с собственно наукой, высоким уровнем образования и результативностью интеллектуальных усилий человека.

Однако в интеллектуальной истории Европы имелись и другие коннотации. С легкой руки Жака ле Гоффа, в современной гуманитаристике востребован термин «интеллектуалы Средневековья». Носители этого рода интеллектуализма не имеют прямого отношения к науке в ее современном понимании. Однако они были высоко образованы для своего времени, и являлись хранителями христианской книжности и университетской учености. Об этом типе интеллектуализма и интеллектуальной коммуникации пойдет речь в статье на материале, вводящем нас в круг проблем, связанных с возникновением ранних образовательных институций среди славян конца XVI–XVII вв., живших в пределах Речи Посполитой, и трансляции этих коммуникаций на Московский двор.

* * *

Одним из тех, кто взял на себя труд осуществления коммуникации между западными славянскими интеллектуалами и книжниками Московского Царства, был Симеон Полоцкий¹, приглашенный, как пишется в литературе, по инициативе царя Алексея Михайловича с целью образования и просвещения своего двора. Иноческий сан Симеон принял в 1656 в Богоявленском монастыре Полоцка на территории Белой Руси. К этому времени Полоцк уже два года находился под рукой Москвы: царь Алексей Михайлович с июля 1654 г. именовался Полоцким и Мстиславским². В Богоявленский монастырь Симеон был принят на должность учителя («дидаскала») в братскую школу. К этому времени он завершил свое образование, которое получал в 1640–50 гг. в Киевской братской коллегии при ректоре Иннокентии Гизеле, а с 1648 г. – Лазаре Барановиче. Оба ректора также были выпускниками Киевской коллегии, продолжившие затем свое образование во Львовской академии (Ги-

зель), Виленской и Калишской (Баранович). Симеон, как и его наставники, завершал свое образование в Вильно в Иезуитской академии и, как предполагают некоторые исследователи, возможно, в других европейских учебных заведениях³. Сложившиеся к тому времени интеллектуальные связи на западных славянских территориях были достаточно разнообразны и находились под влиянием «второй схоластики», на которую в особенности ориентировались иезуитские учебные заведения.

Очевидно, что на территории Украины и Белоруссии к XVII в. сформировался тот тип интеллектуала, о котором писал Жак Ле Гофф в своей книге. Выходцы из Киевской коллегии – высшего учебного заведения, где они получали свое образование в середине и конце XVII в., вполне удовлетворяли определению термина «интеллектуалы» по Ле Гоффу: их «ремеслом было размышление и преподавание своих мыслей»⁴. В Европе, как известно, такие люди появились в эпоху раннего средневековья, в XII в. они обнаруживаются в городских школах, а в XIII в. находят свое место в университетах. Разумеется, речь идет о связанных с христианской традицией мыслителях, теологах. Интеллектуал европейского Средневековья лицо поименованное, включенное в ту или иную школу, имеющее своих учеников, статус в обществе, нередко признание заслуг церковью... Особенностью этой интеллектуальной культуры, ее образовательной обязательностью, было устроение диспутов, что само по себе, способствовало появлению «своих мыслей». Случалось и так, что диспуты могли иметь особое продолжение, дисциплинарного свойства на церковных Соборах. Тогда спор имел не интеллектуальное, но вполне дисциплинарное решение, с далеко идущими последствиями. Достаточно вспомнить Пьера Абеляра и его оппонента Бернара из Клерво, решение Санского собора 1141 г., на котором учение Абеляра было осуждено как еретическое. Так было в средневековой Европе. А в славянских землях?

В России мы видим совсем иной темп, иные культурные реалии и иной тип интеллектуальной коммуникации. Книжная культура Древней Руси не тип, подобный европейскому интеллектуалу в своей социальной среде. Преподавание «своих мыслей» было невозможно по причине, прежде всего, отсутствия образовательных институций. Школ, университетов, коллегий вплоть до 80-х гг.

XVII столетия в Московском царстве не существовало. Это не значит, что «своих мыслей» у русских книжников не было. Это значит, что сложившаяся «бесшкольная» (термин А.В.Карташева) книжная практика в монастырях и приходах брала на себя выполнение всех необходимых духовных потребностей. В их число входили и церковные службы, и научение грамоте, и идеологическое сопровождение политических событий, и идейные противостояния с иноверцами, и воспитание, и привитие благочестия и многое другое, в чем книжник мог быть полезен своим соотечественникам⁵.

Однако православные славяне в интересующем нас XVII столетии населяли не только пределы Московского царства. Немалые территории, в разное время входившие в состав древнерусских земель и княжеств, оставались под властью Польского королевства и Великого Княжества Литовского. И здесь также трудились православные книжники. Именно эта среда после подписания Люблинской унии 1569 г. и создании нового государства Речи Посполитой явилась катализатором интеллектуального расцвета православной культуры в восточных территориях нового государственного формирования⁶. Попробуем обозначить ряд причин, поспособствовавших этому интеллектуальному развитию.

Во-первых, в политические и социальные изменения включилось разносословное православное население бывших литовских территорий. Это, безусловно, инициировало как повышение социальной активности городского населения (мещан), так и православных князей, которые взяли процесс консолидации православного населения в свои руки на почве просвещения и образования.

Во-вторых, и это понятно, контакты с иноверными (католиками и протестантами) на этих территориях были абсолютно актуальны. Вопрос сохранения православной веры стоял очень жестко. Миссионеры, поддерживаемые королевской властью, активно направляли свои усилия к распространению католической веры. Иезуиты переносили борьбу за души масс верующих, прежде всего, в образовательную сферу. Ответ со стороны православной элиты мог быть один: осознание необходимости создания собственных образовательных структур в пределах православной веры.

В-третьих, объединение литовских и польских земель в одном государстве соединило очень разных православных русских западных и восточных территорий, вошедших в состав Речи По-

сполитой⁷. Для *галицкой шляхты* политический центр находился в Польском королевстве, для *волынско-киевской* – не далее собственного воеводства, к социальным структурам которого принадлежал каждый. До унии, пишет Н.Яковенко, миграции среди населения из одной территории в другую не было. Но после унии положение меняется. «Просвещенная, инициативная и мобильная в сравнении с боярами Волыни и Киевщины, галицкая шляхта наравне со своими польскими коллегами стала правой рукой вельможных патронов, получая по их протекциям солидное положение и поместья», – пишет современный историк⁸. Львовские горожане Плетенецкие, выходцы из Львова, служившие Василию-Константину Острожскому получили дворянский титул. Александр Плетенецкий, принявший в монашестве имя Елисей стал архимандритом Киево-Печерского монастыря в 1599 г. Предки казацких старшин, а также церковных иерархов начинали свою «украинскую родословную» со службы князьям Острожским, Заславским, Вишневецким и другим известным княжеским фамилиям⁹. Движения этого рода от Галиции на восток имели в своей основе *личный* (частный) интерес и способствовали развитию социальной и культурной мобильности населения. История демонстрирует достаточно много примеров того, как подвижная социальная среда питает культурные новации.

В-четвертых, тяжелое положение греческой православной церкви в османском Константинополе вынуждало восточных иерархов искать поддержки в православных землях для противостояния распространявшей свое влияние Греко-католической унии. Обострение этой борьбы на интересующих нас территориях связано с заключением в 1596 г. Брестской Унии, положившей начало официальному существованию Греко-католической церкви на восточных территориях Речи Посполитой, что явилось катализатором полемического богословия¹⁰.

В-пятых, на этих территориях уже сложилась образовательная традиция: юноши- выходцы из руських земель получали образование в европейских университетах еще с конца XIV в.¹¹ Образовательные коммуникации укреплялись и расширялись на протяжении XV–XVI вв. под сильным воздействием распространявшихся по всей Европе гуманистических идей. Молодые люди из западно-русских городов (Львова, Вильно, Полоцка и др.) становились студентами ближайших польских и дальних, немецких, итальянских,

университетов (в документах европейских университетов они назывались «рутены», «литвины»)¹². Блестящим и успешным примером такой коммуникации конца XVI в. явилась деятельность книгопечатника и переводчика Библии на церковнославянский язык для домашнего чтения, доктора медицины (степень получена в Падуанском университете) Франциска Скорины.

В-шестых, нельзя не учитывать важнейшее техническое и материальное основание для распространения образования – освоение книгопечатания в западных и юго-западных русских территориях. Школа, как правило, следовала за открытием типографии. Типография же стала первоначальным центром образования и культурной самоидентификации западной Руси. Типографии требовали серьезных вложений. Деньги для их создания давали магнаты, шляхта, богатые горожане, при этом *разной религиозной и политической ориентации*. И протестантские общины, и православны братства, и католические организации нуждались в печатной продукции и книги издавались на разных языках. Это разнообразие поддерживало полемическое напряжение в интеллектуальной атмосфере общества. Во 2-й половине XVI – 1-й половине XVII вв. типографии появляются по всей западной и южнорусской территории.

Наконец, *в-седьмых*, не без ренессансных архитектурных влияний расширялось монастырское строительство на восточных территориях Речи Посполитой – Троицкий монастырь-крепость Межерич (XV–XVI вв.), Николаевский в Мильцах (XVI в.), Успенский в Почаеве (XVI в.), Фроловский в Киеве (1566); Борисоглебский в Гродно (1550) и в Новогрудке (1517), Жировицкий Успенский (1493), Супрасльский Блговещенский (1498) и др.¹³ со временем стали центрами просветительского и образовательного движения. Уже в последней трети XVI столетия в среде западного и юго-западного русского православного населения была осознана необходимость создания собственных *образовательных центров*.

* * *

В 70-х гг. XVI в. в Речи Посполитой почти одновременно оформились два центра высшего образования, однако конфессионально разных: в Вильно – католический, в Остроге – православный.

«Княжий дом» в Остроге стал местом, где в 1576 г. была основана первая православная украинская школа высшего типа для «воспитания и образования многих ученых»¹⁴. Затем процесс школьного строительства достаточно быстро распространился по многим городам западной и центральной Украины и Белоруссии. Покровителем школы Острога был князь Василь-Константин Острожский. Первоначально основные усилия интеллектуалов Острога были сосредоточены на издании славянской Библии. Во всех отношениях это было очень значимое дело. Для православных украинцев, белорусов и русских иметь печатный экземпляр Библии, значило обеспечить максимальное количество приходов исправленным и выверенным текстом Священного писания. Для католического Запада славянская Библия – доказательство самостоятельности и высокого уровня развития славянской языковой культуры; для протестантского окружения большой соблазн склонить православных христиан, исповедующих веру на национальных языках, к союзу против католиков, остающихся верным латыни. Главным результатом усилий по созданию «славянского» письменного слова, безусловно, было первое издание славянской «Острожской Библии» (вышла в свет 12 августа 1581 г.) стараниями русского первопечатника Ивана Федорова (эмигрировавшего из Москвы в царствование Ивана Грозного) с предисловием Герасима Смотрицкого. Печатанию Библии предшествовала серьезная текстологическая работа по сверке разных текстов, как греческого, так и церковнославянского (Геннадиевская Библия).

Здесь же на Волини в городке Милянровичи в конце 1560-х гг. сложился кружок интеллектуалов под руководством другого москвича, ученика Максима Грека, единомышленника князя Острожского, Андрея Курбского. В.В.Калугин связывает начало переводческой деятельности князя Курбского с приглашением в Вильно иезуитов, подчеркивая полемическую заостренность и просвещенческую значимость этой деятельности. Понятно, что энциклопедические по своему характеру тексты в этой ситуации были необходимы, чем всякие иные. Возможно, поэтому Курбский сосредоточил свою работу на переводе «Источника знания» – третьей части энциклопедического богословского труда Иоанна Дамаскина, «Нового Маргарита» и создании агиографического свода, как основы и ориентира для православных «русских» Украины и Белоруссии в

иноверном окружении. Важна также была справочная литература. На полях переводческих трудов Курбского немало статей разного содержания. В.В.Калугин атрибутировал их как извлечения из двух словарей: латинского толкового Амвросия Калепино, монаха-августинца XV в., и «Ономастикона» Конрада Геснера XVI в.¹⁵ Существенно, однако, что и переводы Отцов Церкви делались с латинских источников. Помощники Курбского владели латынью, это были выпускники Краковского университета шляхтич Амброжий (до 1575) и князь М.А.Оболенский (до 1577), а затем бакалавр Станислав Войшевский. Известно, что сам князь Курбский выучил латынь лишь по приезду в Литву¹⁶. Необходимость посылать для образования учеников в западные университеты на примере кружка Курбского еще раз показала, насколько важна организация собственных славянских учебных заведений на территориях Украины и Белоруссии.

Принцип, положенный в основание Острожской школы, как и впоследствии Московской Славяно-греко-латинской Академии, состоял в преподавании ученикам *трех языков*. Впервые Collegium Trilingue для изучения иврита, греческого и латыни – трех сакральных языков христианского вероучения – был создан в Лувене. В 1521 г. его созданию способствовал Эразм Роттердамский, который предполагал объединить, как богословские науки, так и необходимость филологической подготовки и научных работ, по всей видимости, развивая идеи, высказанные еще Августином.

Учреждая школу в Остроге, князь Василь-Константин Острожский сделал первую в западных русских землях попытку на почве православной веры объединить и греческую, и латинскую ученость. Первым ректором школы был Герасим Смотрицкий, каменецкий городской писарь, а первыми учителями – греческие дидаскалы, за которыми князь Острожский посылал на Патриарший двор в Константинополь. С преподаванием в Острожской школой был связан будущий патриарх александрийский и константинопольский Кирилл Лукарис. Работа книжников в Остроге, пишет современный историк, была «по сути своей историко-филологическими студиями богословского направления, которые были ориентированы на исправления испорченных переписчиками мест, текстологическим разысканиям <...>, переводом с греческого и комментированием восточно-христианской патристики»¹⁷. Такая деятельность по-

зволюла говорить об Острожском центре как об «академии», при которой, как полагают, функционировала и школа (всяком случае известно, что в типографии был переиздан Букварь). Н.Яковенко считает школу – «побочным продуктом» ученого сообщества или своего рода «придворным лицеем», готовившим кадры для академии. Официальной самостоятельности академия, как и школа, не получили, т.к. право преподавания семи свободных искусств, как в любом средневековом европейском университете, даровалось Привилегией короля Речи Посполитой, которое Острожская «гимназия» не получила.

В 1602 г. князь перенес центр просветительной деятельности из Острога в Дермань, где существовал монастырь, в котором ученые-монахи занимались переводами. Очевидно, именно здесь и произошло первое в славянских землях *соединение школы и монастыря*, учености и богословия. Известно, что в Дермани еще в 1599 г. был сделан перевод с греческого (!) на славянский язык сборника «Пчела, или Собрание стихов от богодухновенного писания и внешних учителей». С переездом школы в монастырь деятельность братии была реорганизована для преподавания и развития православного богословия. Этот монастырь, по мысли князя, должен был стать своего рода *училищным монастырем*. Здесь также была создана типография, Острожская школа продолжала работать и в начале XVII в., когда в Украине стали распространяться *братские школы*. В Острожской типографии еще в 1612 г. были напечатаны Часослов и Типикон. Школа была упразднена лишь в 1622–1624 гг., но типография существовала до 1640 г.

* * *

Православное городское население южных и западнорусских территорий Речи Посполитой, оберегая себя от поглощения иными христианскими конфессиями, еще в середине XVI в. нашло собственную форму самоуправляемых институций – *православные братства*, которые выполняли разнообразные социальные функции, в том числе и образовательные. Важно, что братства имели юридический статус: один из ранних документов такого рода – Уставная грамота Львовского епископа Тучапского Макария Ми-

колавскому братству во Львове от 18 февраля 1544¹⁸. Братства образовывались во Львове, Городоке, Люблине, Замостье, Рогатине, Галиче, Шаргороде, Стряnine, Луцке, Каменец-Подольском, Дубне, Ярославле, Немирове, Виннице, Киеве; а также Могилеве, Минске, Орше, Полоцке, Слуцке, Пинске, Вильно и др. городах. Большинство братств имели не только школы, но и библиотеки, а также типографии. Братства Малой и Белой Руси поддерживали между собой самые тесные связи, обменивались изданиями, учителями своих школ, проповедниками и типографщиками. Сами братства, а более всего школы при них, можно рассматривать как источник образовательного роста и постепенного осознания самостоятельности православной мысли в схоластических и риторических формах, разработанных в католических образованных кругах.

Многие из воспитанников Острога стали действующими интеллектуалами Украины. Они учительствовали в открывающихся братских школах, шли в монастыри, продолжая там интеллектуальную работу по переводу и изданию богословских трудов. Приведем лишь один пример. Начальное образование в Острожской школе получил Мелетий Смотрицкий – сын Герасима Смотрицкого, написавшего предисловие и стихи для Острожской Библии 1581 г. и бывшего ректором острожского училища. Мелетий затем продолжил образование в иезуитской коллегии Вильно; слушал лекции в Лейпциге и Виттенберге. Он остался в интеллектуальной истории автором изданной в Вильно в 1618 г. (Евье 1619 г.) «Граматики славенские правильное сунтагма по тщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого». В 1648 г. она была переиздана в Москве на Печатном дворе и оставалась учебником и в следующем столетии (известно, что по этой Граматике учился Ломоносов). Учебник включал грамматические разделы, этимологию и синтаксис, а также краткие сведения по риторике и поэтике. Предшественником Мелетия Смотрицкого в грамматическом деле был Лаврентий Зизаний, который в 1596 г. издал во Львове «Граматику словенскую». Были и последователи: Памво Берында напечатал в Киеве в 1627 г. первый украинского-старославянский словарь – «Лексикон словенороський».

Самая первая школа львовского Успенского братства («Порядок школьный»), юридически закреплённая грамотами антиохийского патриарха Иоакима от 1 и 15 января 1586 г., основана

была, скорее всего, годом ранее. Затем в 1590 г. киевский митрополит Михаил Рогоза, а также поместный церковный собор и короли Польши подтвердили ее статус¹⁹. В школу, в соответствии с Уставом, набирали детей разных сословий. Они изучали старославянский, греческий и латинский языки, риторику, богословие и музыку. Школа выпускала высокообразованных для того времени людей, через которых оказывала большое влияние на развитие школьного образования не только Украины, но и Беларуси, Молдовы, других земель. Во львовской школе учились или преподавали в разное время: Стефан и Лаврентий Зинзаний, Кирил Транквилион-Ставровецкий, Исая Копинский, Иван (Йов) Борецкий, Памво Берында, Гаврило Дорофиевич, Захария Копыстенский, Сильвестр Коссов, Исая Трофимович-Козловский и другие известные учителя и книжники, полемисты и проповедники, грамматисты и знатоки языков. Эта школа стала образцом для всех остальных братских школ, распространившихся во многих городах и крупных селах Украины и Белоруссии.

Вслед за Львовской в 1615 г. в центральной Украине была основана Киевская братская школа²⁰. Одним из ее организаторов и первым ректором стал Йов Борецкий, ранее ректор Львовской братской школы. Основные уставные и просветительские идеи были восприняты из Львовской школы, но постепенно круг предметов расширялся. Помогать ей стали частные лица, в том числе и гетман Петр Сагайдачный. Учениками братской школы были выходцы из казацкого и мещанской среды. В 1632 г. по инициативе Петра Могилы²¹, закончившего Львовскую братскую школу, а затем продолжившего свое образование в европейских университетах, Киевская братская школа объединилась со школой Киево-Печерской Лавры и была реорганизована в высшее учебное заведение – Киево-Могилянский коллегиум. И снова, как и в Остроге, образовательное учреждение соседствовало с типографией: еще в 1615 г. архимандрит Елисей Плетенецкий создал самостоятельную типографию при Киево-Печерской Лавре для печатания богословской и учебной литературы. Учебное заведение нуждалось не только в типографии, но и в собрании книг, богословских, учебных по всем направлениям и дисциплинам. Библиотека коллегиума стала центром ученой монашеской и учебной книжности.

Монастырские типографии при образовательных заведениях работали как с разнообразным репертуаром книг, так и с солидными авторами. К примеру, Иннокентий Гизель, ректор Киево-Могилянской коллегии, интеллектуал, философ, историк и просветитель издавал свои труды в типографии Киево-Печерского монастыря. Если интеллектуал менял место своего служения, то и необходимый ему интеллектуальный багаж следовал за ним. Известно, что Лазарь Баранович, также в свое время ректор Киево-Могилянской коллегии перенес типографию в Троицко-Ильинский монастырь Чернигова из Новгород-Северского. Выходившие книги были поводом для интеллектуальных бесед в кругу интеллектуалов, а если таковые не могли состояться лично, то о них сообщалось в переписке. Симеон Полоцкий, поселившись в Москве, переписывался с киевскими корреспондентами и получал в подарок их новые книги. Так собрание проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» было подарено Симеону в 1666 г., когда Лазарь приезжал на Большой собор в Москву. В июне 1669 Лазарь послал Симеону свою новую книгу проповедей «Трубы словес проповедных» с надеждой, что она будет опубликована в царской типографии в Москве. В письме, полном поэтической игрой слов, которую Симеон конечно же оценил, Лазарь заметил, что в «Трубах...» «нет ничего против вероучения, и в мыслях своих я был осторожным...»²², понимая существенную разницу проповеднической традиции в Киеве и Москве (собственно, отсутствия таковой в Московском Царстве). Прививая эту традицию на московской почве, Симеон собрал собственные проповеди в два сборника «Обед душевный» и «Вечеря душевная», которые вышли из Верхней типографии уже после его смерти в 1681 и 1683 гг. соответственно, стараниями ученика Симеона Сильвестра Медведева²³.

* * *

С конца 40-х гг. можно говорить о распространении труда киевских интеллектуалов на Печатном дворе в Москве, а в 1664 г. Симеон Полоцкий окончательно переселился в Москву.

С каким же багажом приехал на царский двор этот интеллектуал? За время его преподавания в Полоцке остались самые разные произведения, по которым можно представить широту его обра-

зованности и разнообразие умений. Он составлял стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы. Им были написаны стихи по случаю того или иного знаменательного события, праздника и панегирические приветствия. Видимо с одним из такого рода приветствий «метрами» он обратился в 1656 г. к царю Алексею Михайловичу. Известно, что царь в шведской компании 1656–58 гг. дважды в 1656 г. посетил Полоцк. И.Л.Андреев пишет об июльском визите, перед дорогой на Ригу, когда войско имело несколько побед над небольшими городками-крепостями²⁴. Тогда, известно, царь посетил Борисоглебский монастырь, церкви Спасскую и Софийский собор, центр базилианского ордена, возвращенный православной церкви. Второй раз в Полоцке он был после поражения под Ригой в октябре. В какой из двух визитов он слышал Симеона и его учеников точно сказать нельзя. Ученики братской школы, воспитанники Симеона, приветствовали царя и произвели тем самым на него, очевидно, новое впечатление²⁵. В 1660 г. Симеон с «отроками» впервые посетил Москву и снова предстал перед Алексеем Михайловичем в Кремле с чтением декламации. Вернувшись в Полоцк, он продолжил свою педагогическую и поэтическую деятельность, требовавшую больших знаний и интеллектуальных умений, выучки и ясной головы. Он писал акrostихи, загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические стихи с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево и т. д. Все это – репертуар хорошо образованного в барочном искусстве поэта, владеющего приемами риторики, поэтического мастерства и, кроме всего прочего, польским, латинским, книжным «руським» языками. Источниками этого рода образования были школьные курсы риторики, поэтики, хорошее знание античных латинских авторов и, конечно же, богословской литературы. При дворе Алексея Михайловича Симеона прозвали «философ», «вития» и «пиит», однако он был прежде всего богословом и подписывал свои труды «иеромонах», что позволило ему участвовать в работе церковного собора 1666–1667 гг.

Собор открылся 29 апреля 1666 г., «протокольный отчет» о заседаниях собора вел «по поручению государя» Симеон Полоцкий. Благодаря его стараниям до нас дошла «литературная обработка» –

книга «Жезл правления», которая была издана на Печатном дворе в 1667 г. Ее автор, был именно *автором*, т. е. достаточно вольно отнесся к своей задаче. Н.Ф.Каптерев со всем духом позитивистской критики ученых XIX в. писал: «Полоцкий, при обработке соборного материала, относился к нему довольно свободно и даже вносил в соборные деяния и нечто свое личное. Так он приделал к соборным деяниям сочиненное им вступление, совершенно бессодержательное, не имеющее никакой исторической ценности и к делу прямо не относящееся, – обычный продукт тогдашнего пустого красноречия. Затем, вместо подлинной речи царя к собору, поместил в деяниях речь своего собственного сочинения. То же он сделал и с речью митрополита Питирима, которую тот говорил от лица собора в ответ на речь царя. Причем сам Полоцкий в своих соборных деяниях делает такие простодушные пометы: “Слово великого государя, или, доложив его, великого государя, сию последующую” и действительно затем в деяниях помещает речь своего сочинения. Или им надписано: “здесь речь преосвященного митрополита (т. е. Питирима) написати, или, вместо ея, сей ответ” и помещает далее ответ им самим составленный»²⁶. Совершенно очевидно, что Симеон Полоцкий не книжник – летописец, в задачу которого входило как можно более точное изложение событий, свидетелем которых он являлся. Полоцкий мыслил себя *автором*, которому происходящее служило лишь материалом для его собственных творений. Его нисколько не смущала новизна затеянного им труда. Особо интересны его пометы, в которых он смело брал на себя роль как бы «соавтора» события. Он надеялся на свой разум, свою ученость и понимание происходящего и полагал, что им самим сочиненная речь, которую не произносил на самом деле царь и митрополит, не изменит смысла событий. Эта авторская позиция, безусловно, влияние западной интеллектуальной культуры.

Позиция Симеона на Московском дворе была уязвима именно по причине его «латинства» и «западной образованности». Даже старшее поколение могилянцев – Епифаний Славенецкий, ценивший познания Симеона, критически относился к нему за незнание греческого. Да и Священными книгами, как показывают исследователи, Симеон часто пользовался в латинских изданиях. Собственно, именно за те качества, которые вызвали интерес к нему царя, он и не был принят православным священством Московской Руси.

Хотя не стоит видеть в царе Алексее Михайловиче сознательного латиниста и западника. Скорее это был «аристократический» интерес к новинам, виденным им в походах в западные славянские земли и попытка усвоение правил европейских дворов. Возможно поэтому в 1667 г. царь вверил Симеону воспитание и образование своих детей – будущих царя Федора и царевны-правительницы Софьи. В выборе наставника для царевича Петра Алексеевича, будущего Петра Великого, Симеон выполнял роль экзаменатора дьяка Никиты Зотова, взятого затем воспитателем для малолетнего Петра. Его педагогические способности пригодились в Приказе тайных дел, где он обучал латинскому языку государственных чиновников для дальнейшей дипломатической работы. И это также была большая новина – «школьное», пусть по ведомственной нужде обучение иностранному языку. И еще одна поддержка уже от юного царя Федора Алексеевича, просвещенного ученика Симеона: в 1678 г. была открыта «Верхняя» типография в Кремле («в Верху»), позволившая Симеону обходить патриаршую цензуру, контролировавшую и планировавшую продукцию Печатного двора.

Симеон поселился в Заиконоспасском монастыре и не претендовал на получение высоких титулов в духовном сословии и продвижение по церковной иерархической лестнице. Смысл своей деятельности он видел в ученой, книжной, словесной работе, оставаясь иеромонахом. В его келье расположилась самая большая по тем временам в Москве личная библиотека²⁷, в которой были собраны книги, очевидно, купленные Симеоном во времена его обучения в Киеве и Вильно. Эта библиотека сама по себе была целым университетом для желающих приобщиться к богословским темам и сюжетам и не только к ним. Книги по философии, праву, медицине, географии, истории, естественной истории, разумеется, Священной истории, гомилетике, догматике, арифметике, геометрии, астрономии, риторике и поэтике на латинском, польском, греческом, церковнославянском и немецком языках, различные словари – это не полный перечень тематики Симеоновской библиотеки. Учеников у Симеона было, видимо, немного. Первому и достойному – Сильвестру Медведеву, также монастырскому интеллектуалу, Симеон завещал свою библиотеку. Просветительские надежды в пределах православной веры по примеру тех академий, в которых он сам обучался, воплотились в проекте организации в

Москве высшей школы («академии») по типу польских и западноевропейских университетов²⁸. Именно в целях просвещения своих венценосных учеников Симеон незадолго до смерти успел издать в Верхней типографии «Букварь языка славенска» (1679), «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680).

Кроме сборников проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», Симеон создал еще в 1670 г. богословский компендиум «Венец веры кафолической», который должен был выполнять просветительские и катехетические функции при дворе Алексея Михайловича. При его написании Симеон, как и в других случаях, например, создавая «Вертоград многоцветный», пользовался богословскими трудами католических авторов, которые находились в его библиотеке. Здесь мы встречаемся еще с одним видом интеллектуальной коммуникации в работе книжников того времени – содержательным заимствованием текстов, их фрагментов, композиционных и структурных элементов и т. п.²⁹. Симеон работал с чужими текстами в своих интересах, но прежде всего как переводчик. Однако конечная цель его трудов – его собственный, авторский текст. Важно отметить, что конфессиональные различия учитывались Симеоном при такого рода «творческих процедурах» и католический текст *трансформировался* в текст православный, однако московские книжники относились к Симеону с недоверием.

* * *

Монастырская интеллектуальная культура эпохи барокко почитала новолатинскую поэзию, как, впрочем, и литературу античных авторов. Этому, как мы уже говорили, специально обучали в курсах риторик и поэтик в коллегиях и академиях. Поэтому интеллектуалы в монастырях не только писали богословские труды и составляли проповеди. Они были очарованы поэзией и сами творили: трудились над переводами, обращали в стихи богословские произведения, писали вирши. По примеру польского поэта Яна Кохановского, как утверждают литературоведы³⁰, Симеон, став первым поэтом, введя на русской почве силлабику как форму книжной поэзии, написал «Псалтырь рифмотворную» (1680 г. издана в

Верхней типографии) – переложение «славенским» языком одной из книг Священного Писания. Конечно, ценителей этой литературы, особенно на Московском дворе, было немного, хотя известно, что уже после смерти поэта в 1685 г. его стихи из «Псалтыри» был положены на музыку дьяком Василием Титовым, подносной список был подарен царевне Софье в 1687 г. И здесь не обошлось без интеллектуального западного влияния. Николай Дилецкий, автор трактата «Музыкальная грамматика», в котором были разработаны правила и основы партесного пения, приехал из Вильно в Москву в 1679 г. Как считают исследователи произведений Василия Титова, ему была известна работа Дилецкого³¹.

Интеллектуальное влияние на Московский двор не было ограничено проповедями и шире, богословской литературой. Первые театральные постановки и заведение театра также можно рассматривать как интеллектуальные барочные новины. Известно, что в традиции иезуитского образования, усвоенной в западных братских школах, были обязательны театральные действия. Симеон поддержал интерес Алексея Михайловича к театру и написал два драматических произведения в стихах: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отрощех, в печи не сожженных» – инсценировка библейского рассказа из Книги пророка Даниила³².

Однако главным стихотворным трудом Симеона, барочной стихотворной энциклопедией стал поэтический сад – «Вертоград многоцветный» (1676–1680), название которого точно отражает разнообразие, собранных в этой книге сюжетов и тем из самых разных областей жизни – земной и небесной, человеческой и Божественной. Философско-религиозный концепт мира как книги, характерный для европейской барочной культуры, имел в «Вертограде...» стихотворное воплощение.

Интеллектуал, ведущий монастырскую жизнь, Симеон, как это не покажется странным, оказался проводником западных образцов придворной церемониальной жизни на Московском дворе. Он «поэтически обслуживал» всякий праздник, торжественные церемонии, печальные даты и т. п. события повседневной жизни российской элиты. Все плоды этих трудов он собрал в один сборник под названием «Рифмологион», куда вошли пять «книжиц»: «Благоприветствование» по случаю рождения царевича Симео-

на (1665); «Орел Российский» (1667) – поэма, приуроченная к церемонии официального объявления наследником престола Алексея Алексеевича; «Френы, или плачи» на смерть царицы Марии Ильиничны (1669); «Глас последний» на смерть царя Алексея Михайловича (1676); «Гусли доброголасная» – поэма по случаю восшествия на престол царя Федора Алексеевича (1676). Визуальность барочной культуры предполагала, что стихи не только прочитывались, но и рассматривались как картина. Поэтому само слово становилось материалом для создания визуального образа, выраженного эмблемой или геральдической фигурой. Соединение изображения и словесного выражения предполагало разнообразие поэтических тем (как, например, тема «знаки зодиака»³³); или особый жанр конклюдий, также сложившийся в конце XVII в.³⁴, или, как это стало разрабатываться уже в XVIII в., **словесное украшение архитектурных деталей при строительстве Триумфальных ворот**, где подписи или стихотворный текст был вписан в изображение³⁵. Панегирический жанр требовал от поэта-интеллектуала высокого уровня овладения риторическими приемами. Ведь смысл панегирика – не только прославить того, кому адресовано произведение, но и удивить, вызвать одобрение своим хитроумным словесно-визуальным изобретением.

* * *

Интеллектуальную деятельность Симеона в Москве, пожалуй, наилучшим образом могли понять и оценить только его ученики. Вот свидетельство Сильвестра Медведева: «На всякий же день имел залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто»³⁶. Писание и было основным делом его жизни. Подобные ему интеллектуалы, выпускники Киевской коллегии остались на тех территориях, откуда он, после возвращения Полоцка Польше, поспешил уехать. И действительно, нельзя сравнить спокойную жизнь Симеона под покровительством царской семьи в Москве и, к примеру, полную войн, лишений, политических и церковных интриг жизнь его старшего коллеги Лазаря Барановича, жившего в Киеве, а затем принявшего сан архиепископа Черниговского. В биографиях этих интеллектуалов второй поло-

вины XVII в. можно найти как общее, так и различия, обусловленные, прежде всего, их местом. Для одного – в самом его центре, на Московском дворе, а для другого – на окраине царства, в только что присоединенных Малороссийских землях, где бесконечно продолжались войны, казачьи восстания, конфессиональная борьба с униатами, стычки с московскими воеводами.

Лазарь Баранович (1620–1693) сделал по тем временам хорошую «духовную карьеру». Оставив ректорство в Киевской Братской коллегии в 1657 г., он стал епископом Черниговским³⁷, а в 1666 г. в Москве патриарх посвятил его в сан архиепископа Черниговского и Новгород-Северского³⁸. Высота сана обязывала заниматься не только духовной, проповеднической и книжной деятельностью, но и активно участвовать в политике периода войн и разрухи. Лазарь Баранович был свидетелем военного разорения Украины от татар, турок, поляков. Он искал политических решений для выхода из кровавых противостояний как вовне, так и внутри украинского общества (например, между казачеством и городским населением). После 1654 г. Лазарь Баранович выполнял дипломатические миссии, искал компромиссы с московскими властями в военных и политических вопросах, особенно в отстаивании самостоятельности киевской митрополии, а также административной свободы Малороссии против московских воевод. Он сумел снискать благорасположение Москвы, за что критиковался антимосковскими группировками на Украине. Его заботил подъем образования и улучшение быта низшего духовенства, увеличение школ и типографий, восстановление разрушенных войной монастырей и церквей. Характеристику, которую дает Костомаров Барановичу, можно отнести и к Симеону: «Лазарь был человек с житейским благоразумием, позволял себе говорить насколько было для него безопасно, умел и молчать, и старался ладить с сильными и угождать им»³⁹. При этом он оставался книжником, интеллектуалом своего времени; жил в Ильинском монастыре Чернигова, писал книги и стихи, занимался проповеднической деятельностью. В Новгород-Северске им была устроена типография, которая при его жизни выпустила в свет около 50 книг, богослужебных и литературных, на славянском, польском и латинском языках. В 1679 г., как уже отмечалось, новгород-северская типография была перенесена в Чернигов.

Одним из важнейших направлений в славянской книжности Лазарь Баранович считал проповедь. Проповеди Барановича изданы в двух сборниках *in folio* и посвящены царю Алексею Михайловичу. Первый, напечатанный в Печерской Лавре в 1666 году, под названием: «Меч Духовный, еже есть глагол Божий», включает в себе слова и поучения на дни воскресные и переходящие праздники от Пасхи и до Великой субботы, так же как построен сборник Симеона Полоцкого «Обед душевный». Другой сборник, напечатанный там же в 1674 году, носит название: «Трубы Словес проповедных» и включает проповеди на дни святых и непременяемые праздники (у Симеона такого рода сборник – «Вечеря душевная»). Костомаров дает критическую характеристику этим трудам, обвиняя Лазаря в «вычурности» и «напыщенности» языка и считая, что проблема его в том, что украинский проповедник «отступил от способа, принятого Галатовским и Радивилловским, – писать проповеди языком близким к народной речи. Он пишет на славяно-церковном языке». Впрочем, продолжает Костомаров, «Лазарь, как кажется, и писал их, имея в виду более всего понравиться Алексею Михайловичу, любившему изысканность и напыщенность речи»⁴⁰. Действительно некоторые исследователи отмечают, что для его верующей паствы общий настрой проповеднических текстов в книге имел, кроме догматического, еще и смысл политический.

Меч духовный – это Слово Божие, переданное проповедником во времена войн, татарских набегов, жестокости московских гарнизонов и прочих тягот немирной жизни. Не по рассказам архиепископ знал о военных стычках и нападениях. В 1668 г. он стал свидетелем захвата собственной резиденции в Спасо-Преображенском монастыре помощником Ромадановского князем Щербатовым и его войском в Новгород-Северске, «что было только началом, а закончилось войной в Чернигове», как писал сам Баранович к И.Гизелю⁴¹. Именно этот эпизод является поводом к той просьбе, которую адресует Баранович своему собрату по книжному и проповедническому делу Симеону Полоцкому в Москву с надеждой на помощь для организации встречи своих посланников с царем Алексеем Михайловичем в Москве. Письмо это, также как письмо Гизелю, написано по следам только что произошедших событий.

Характерно его начало, демонстрирующее высокий уровень образования обоих, а также все приметы барочной актуализации античных текстов. В начале своего письма Баранович обращается к текстам Овидия, которые тот писал из понтийской ссылки («Скорбные элегии», «Письма из Понта»). Небезопасность жизни меж воинственных народов «гордых турок» и «черкесов», под которыми Баранович понимает казаков, позволяет ему подменить «действующие народы» в текстах Овидия. Латинский поэт говорит о сарматах и гетах и других народах Причерноморья, Лазарь пишет: «Еще Овидий писал про них (казаков)...»⁴². Это начало письма адресовано образованному корреспонденту, знающему латинскую поэзию и, безусловно, способному понять литературную подмену. Для текстов эпохи барокко такие вольные ассоциации достаточно распространены. Овидий – один из цитируемых в академических курсах «Поэтик» автор. Приветствие от интеллектуала интеллектуалу естественно начать со ссылки на древнего и любимого автора. Впрочем, начало изложения событий в родных краях снова напоминает овидиевы строки: в своих посланиях тот часто упоминает необработанные земли, опустошенные войной, о том же сообщает Лазарь. Автор образно и без подробностей излагает налет князя Щербатова («так нас ущербил...»), пожары, смерть.... Однако за этими поэтическими аналогиями стоят реальные проблемы: отношения между Москвой и Киевом и та политическая деятельность автора письма, от которой, видимо, был весьма далек Симеон.

Конечно, данной статьей невозможно исчерпать тему интеллектуальных коммуникаций и специфики их существования в XVII в. на славянских территориях. Важно подчеркнуть, что интеллектуальные коммуникации в рассмотренном нами случае, безусловно, были встроены в широкий контекст тех изменений, которые происходили в Московском царстве 2-й пол. XVII в. Успешность этих коммуникаций зависела от того, насколько эффективно привьются на российских территориях институции, способные не только удерживать, но и воспроизводить и расширять тот слой людей, который мы назвали здесь интеллектуалами, причем не только на религиозной почве. Иными словами, речение о создании в Московском царстве школ и высших учебных заведений, чем был, среди прочих своих трудов, занят Симеон, стало одной из главных культурных задач России в грядущих реформах XVIII в.

Примечания

- 1 Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович (1629–25.08.1680) – В литературе можно встретить разночтения его отчества (Емельянович или Гаврилович) и фамилии (Петровский / Пиотровский-Ситнианович / Ситнянович). «Исследованием установлено, что “двойным” отчеством и двойной фамилией С.П. обязан отцу, которого звали Гавриил Ситнянович, и отчиму – Емельяну Петровскому» (*Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература 1988. № 4 С. 134.) Об этом же: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. М., 2006. С. 50.
- 2 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 293.
- 3 *Панченко А.М.* Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. XVII в. Ч. 3. С. 362.
- 4 *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. М., 1997. С. 3.
- 5 См. подробнее об этом: *Киселева М.С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000.
- 6 В статье 3 Постановления Люблинского сейма об унии Вел. кн. Лит. с Короной Польской от 1 июля 1569 г. перечисляются народы, входящие в это новое государственное образование: «Но так как остаются титул и должности Вел. кн. Лит., то избранник при избрании и короновании должен быть тотчас же провозглашен королем польским и вел. кн. литовским, русским, прусским, мазовецким, жомойтским, киевским, волыньским, подляским и лифляндским» – [http://ru.wikisource.org/wiki/Люблинская_уния_\(1569\)#.D0.98.D0.B7_.D0.BF.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.B](http://ru.wikisource.org/wiki/Люблинская_уния_(1569)#.D0.98.D0.B7_.D0.BF.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.B)
- 7 *Яковенко Н.* Параллельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 231–269.
- 8 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-те вид., перероблене та розшир. Київ, 2006. С. 205.
- 9 Там же. С. 206.
- 10 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- 11 *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 15.
- 12 См.: *Нудьга Г.А.* На літературних шляхах. Київ, 1990; *Нічик В.М.* Києво-Могилянська академія і німецька культура. Київ: Український Центр духовної культури. 2001. С. 35.
- 13 *Слюнькова И.Н.* Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Белоруссии. М., 2002. С. 47.
- 14 *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропригийского братства. (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 161; *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. С. 209–213; *Мицько І.А.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990; Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. М., 1988. Вып. 1.
- 15 *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 57.

- 16 Там же. С. 30–64. Подробное исследование творчества Курбского см. также: *Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbckij und sein Kreis // Kurbckij A.M. Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Giessen. 1987. Bd. 3. Lfg. 15. S. 13–51 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen).*
- 17 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. С. 211.
- 18 *Ісаєвич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966. С. 14–15. Деятельность братств и их значение для развития западно-русской культуры оценивается в литературе по разному. См: *Флеров И.* О православных церковных братствах. СПб., 1857; *Голубев С.Т.* История Киевской духовной академии. Киев, 1886; *Харламович К.В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898; *Панков А.А.* Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900; *Медьнский Е.Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954; Пам'ятки братських шкіл на Україні кінець XVI – початок XVII ст. Тексти і дослідження / Ред. В.І.Шинкарук, В.М.Нічик, А.Д.Сухов. Київ, 1988; *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Розд. 4.4.
- 19 *Шустова Ю.Э.* Документ Львовского Успенского Ставропригийского братства. (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 163.
- 20 Интересен исторический факт дарственной Галашки Гулевичивны-Лозчиной, жены Мозырского маршалка Лозки, по которой ее дом и земля были пожертвованы школе (*Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 42–44).
- 21 См.: *Жуковский А.* Петро Могила й питання єдності церков. Київ, 1997. С. 63–76.
- 22 Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 87.
- 23 См. подробнее: *Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века М., 1990; *Киселева М.С.* «Ключ живота и смерти»: антропология русского барокко в православной проповеди XVII // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 249–265.
- 24 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович... С. 301.
- 25 См.: *Симеон Полоцкий.* Вирши / Сост., подготовка текстов, вступ. статья и комментарии В.К.Былинникова, Л.У.Звонаревой. Минск, 1990. С. 40–41.
- 26 *Кантрев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 28–29.
- 27 Описание ее см.: *Забелин И.Е.* Книги переписанные книгам, которые по указу Святейшого Патриарха в нынешнем во <7> 198 году в день <...> переписаны в Спасском монастыре, за иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой палатке // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1853. Кн. 16. А также: *Hippisley A., Luk'janova E.* Simeon Polockij's Library. A Catalog. Köln–Weimar–Wien, 2005.
- 28 См. подробно: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
- 29 Подробное исследование техники заимствований при создании «Венца веры» на основе фундаментального пособия для пастырей «Hortus pastorum», написанного бельгийским католическим богословом Жаком Маршаном (Jacques

- Marchant, 1585–1648), исследован М.А.Корзо. См.: *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.
- 30 *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. М., 2006. С. 55.
- 31 См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001. С. 223.
- 32 Об этой стороне творчества см.: *Былинин В.К.* Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 309–317; *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981; *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // *Симеон Полоцкий.* Избр. соч. СПб., 2004 (репринт 1953); *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения: 1672–1725. СПб., 1874. Т. 1; *Резанов В.И.* Из истории русской драмы: Школьные действия XVII–XVIII иезуитов. М., 1910; *Он же.* Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916.
- 33 См. о зодиаках работы: *Шустова Ю.Э.* Восприятие символики знаков Зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в.: Лазарь Баранович и Симеон Полоцкий // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 62. Заседание 25 февр. 2010 г. М., 2010. С. 5–12; *Она же.* Восприятие символики знаков зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI междунар. научн. конф. Москва, 29–31 янв. 2009 г. М., 2009. С. 56–81; *Она же.* Интерпретация символики Зодиака в эпоху царя Алексея Михайловича // Коломенское: Материалы и исследования / Под ред. Е.А. Верховской. М., 2009. Вып. 12. С. 109–124; *Звездина Ю.Н.* Зодиак в изданиях Киево-Печерской лавры второй половины XVII века // IX Научные чтения памяти И.П.Болотцевой. Ярославль, 2005. С. 110–122.
- 34 *Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в. // Русское искусство барокко / Под ред. Т.В.Алексеевой. М., 1977. С. 7–29.
- 35 *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления. М., 2005.
- 36 Цит. по: *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // *Симеон Полоцкий.* Избр. произведения. СПб., 2004 (репринт 1953). С. 227.
- 37 Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 8. На этот пост его утвердил Богдан Хмельницкий. Это был единственный реальный действующий иерарх, наделенный церковной властью над православным населением Гетманщины, т. е. всех верующих Левобережья (С. 10).
- 38 Там же. С. 16.
- 39 *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 2, Гл. 9. <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom40.htm>
- 40 Там же.
- 41 Письмо Л.Барановича И. Гизелю от 14 октября 1668 г. // Чернігівські Афіни. Київ, 2002. С. 71.
- 42 Письмо Л.Барановича Симеону Полоцкому 1668 г. // Там же.

Татьяна Чумакова

«Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации

Проблема «своего» и «чужого» в последние десятилетия стала ключевой в гуманитарных исследованиях¹. Исследуя эту проблему, историки, культурологи, философы и специалисты по этнопсихологии стремятся выяснить способы конструирования коллективных и индивидуальных представлений о мире и месте в нем человека. Изучение концепта «свой-чужой» способствует пониманию механизмов функционирования социальной памяти, которая может выступать важным политическим фактором, влияющим на жизнь социума. В современном мультикультурном обществе происходит постоянная межкультурная коммуникация, в процессе которой сталкиваются представители разных культур. Вопрос о преодолении этнокультурных стереотипов восприятия «своего» и «чужого» сейчас выходит на первый план. Поэтому необходимо изучать этнонациональные истоки образа «чужого», а также анализировать механизмы коммуникации между «своим» и «чужим» в истории культуры.

Представления о «своем» и «чужом» за последнюю тысячу лет изменились не слишком много, по-прежнему, как и в Средние века, представители своей культуры наделяются, по преимуществу, позитивными, а чужого – негативными характеристиками. В результате типичный представитель «своей» культуры одаривается стандартным набором добродетелей, а чужак таким же набором пороков. Подобные представления достаточно характерны для средневековой литературы, как западноевропейской, так и древне-

русской. «Свой» народ обычно изображается находящимся под особым покровительством Бога, Богородицы и сил небесных (прежде всего архангела Михаила)². Так формируются образы «Святой Руси» или «Священной Италии» или находящейся под особым покровительством Девы Марии Франции. Представление об абсолютной отличности «своей» культуры, ее уникальности, совершенстве и «чуждости» ценностям иных культур, актуализирующиеся в период войн³, общественных кризисов и т. п. формирует «военно-политические добродетели»⁴, которые способствуют тому, что образ «чужого» воспринимается в первую очередь как «образ врага», что препятствует возможности коммуникации между культурами.

Итак, рассмотрим некоторые аспекты формирования образа «своего» и «чужого» в отечественной культуре XI–XVII вв. Очевидно, как только люди начинают отличать «своих» и «чужих» возникает представление о «своем» и «чужом» пространстве. «Свой» мир всегда воспринимается упорядоченным, окультуренным, цивилизованным, «огороженным», противоположным хаосу «чужого» мира. Эти древнейшие представления нашли отражение в русском летописании. В «Повести временных лет» как о «диких» говорится о племенах радимичей, вятичей и северян, которые «живяху в лесе, яко же и всякий зверь»⁵. Во Владимиро-Суздальской летописи о «мордве» говорится, что она обитает «в лесы своя... в лесъ глубок»⁶. «Свой» мир обустроен согласно закону, наличие которого свидетельствует о том, что «наш мир» обустроен, а «чужие» как звери: «живяху звериньскимъ образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше»⁷. Летописцы различают письменный закон и обычай («закон отцов своих»), а также «единый закон» (христианский)⁸. Письменный закон накладывает сексуальные и уголовные запреты, а также запрет на сквернословие. Обычаи достаточно разнообразны: сколько племен, столько и обычаев: многоженство, многомужество, каннибализм и т. д. Для христиан истинным объявляется лишь «единый» христианский закон, как имеющий абсолютное основание: «Закон имам единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся»⁹. «Цивилизованность» проявляется и в соблюдении пищевых запретов, их несоблюдении («ядяху все нечисто»¹⁰) – обязательная деталь в древнерусских характеристиках «чужого», тем самым нарушающего

ритуальную чистоту. В «Повести временных лет», где уделяется большое внимание пищевой идентификации, о половцах говорится, что они «едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов»¹¹. Это представление остается актуальным и позже, так сказании XVI в. «О человецах неизвестных в восточной стране», в котором перечисляется племена «самоеды»: молгонзеи-людоеды; линная самоедь и проч., подчеркивается, что молгонзеи¹² являются людоедами, пьют кровь, другие едят сырое мясо собак и бобров. Надо сказать, что все перечисленные здесь продукты (кровь, мясо бобра и т. д.) были запрещены для употребления в пищу православными, и скрупулезное перечисление этих продуктов (как и человеческого мяса и крови) должно было дополнить картину «чужого» народа. Тема ритуальных пищевых запретов остается основной и в христианский период. О трапезе говорится и в различных апологетических сочинениях: в «словах», прославляющих победу христианства над язычеством, так Иларион Киевский в «Слове о законе и благодати» противопоставляет христианскую бескровную трапезу-причастие кровавой жертве «язычников»; в поучениях «о посте»; и конечно же во всех антилатинских поучениях, где помимо прочего особо ставился вопрос о субботнем посте¹³. В послании митрополита Никифора князю Владимиру из двадцати обвинений против «латинян», шесть касаются тех или иных пищевых предпочтений¹⁴. Для всех этих произведений характерно противопоставление правильной и неправильной пищи, как того, что отличает тех, кто «живет по закону» («свои» народы) от «диких» народов, живущих в лесу или в степи, а также живущих «по закону христианскому» православных от «поганных» «латинян» и мусульман. Позже, уже в XVI в., противопоставление христианской трапезы (поста) и нехристианской включается в легенды о Николе Псковском и Иване Грозном. Эта история неоднократно встречается в летописных источниках, описывает встречу юродивого и царя, а также в записках англичанина Джерома Горсея: «Но [во Пскове] его встретил колдун или мошенник, которого они почитали как своего оракула, святой человек по имени Микула Свят (Mickula Sweat); он встретил царя смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называл его кровопийцей, пожирателем христианской плоти»¹⁵.

Проанализированные выше представления о «чужих» после христианизации были дополнены новыми, образ «чужих» и «своих» усложнился, поскольку добавился религиозный аспект. Русь становится частью **Paх Christiana**, и **отныне к числу «чужих» относятся все политеисты – «язычники»**. Они находятся на самом дальнем конце шкалы «чужести» рядом с «безбожниками»¹⁶, которые находятся за рамками цивилизации. «Безбожников» (атеистов¹⁷) ждет наказание: Лаврентьевская летопись, рассказывая о «безбожных», «беззаконных» и «окаянных» половцах, уничтоженных татарами, «народом неизвестным», который «пришел из пустыни Етриевскы, находящейся между востоком и севером»¹⁸, рассматривает последних как орудие Божьей мести¹⁹. Но надо сказать, что позже, со времени нашествия хана Батыя, татары также называются в летописях «безбожными» и «погаными». Неприятие «безбожников» и «язычников» объясняется тем, что они «служат бесам», и выступают противниками Бога. По этой же причине в древнерусской культуре возникает образ иудея как «метафизического чужого». **К XI в. в христианской традиции возникло множество религиозных наветов по отношению к иудеям, в первую очередь, это кровавый навет²⁰, нашедший отражение в «Слове о Евстратии Постнике» из Киево-Печерского патерика.** Позже, уже в Новое и Новейшее время, «кровавый навет» будет играть центральную роль в формировании образа иудея как «чужого» в славянской народной культуре²¹. Надо сказать, что в России, в отличие от западноевропейских государств и пограничных с нею Литвы и Польши, еврейского населения практически не было²², а в XVII в., **под влиянием сложившего к концу XVI в. образа иудея как «врага веры христианской»²³, появляется и законодательный запрет на постоянное проживание иудеев²⁴, поэтому они воспринимались именно как «метафизические чужие», известные прежде всего по переводной полемической литературе.** Ситуация изменилась во второй половине XVII в., **когда в результате завоеваний, в состав России вошли земли с еврейским населением, с этого момента иудеи, не без влияния пришедшего с новых территорий антисемитизма, превращаются в реальных «чужих».** В древнерусской книжности не сразу, а постепенно, под влиянием переводной литературы, и здесь Россия ничем не отличалась от многих католических государств, где, как и в России

того времени, конфессиональная неприязнь к иудеям, была усилена слухами о том, что они помогают Османской империи подчинять себе христианский мир²⁵.

Более сложным было отношение к мусульманам, которое и в случае с иудеями, первоначально формировалось благодаря византийской полемической литературе²⁶. Но образ мусульман в древнерусской литературе – это без сомнения образ «чужих». В «легенде о выборе вер» из «Повести временных лет» они изображены людьми, нарушающими все ритуальные запреты, в том числе и пищевые: летописец с отвращением повествует, что они перед молитвой омываются, и после пьют эту «нечистую» воду. В других статьях «Повести временных лет», летописец, упоминая мусульман, употребляет эпитеты; «нечестивый народ», «безбожник», «тайный», «хищник», «обреченный на огонь вечный». В антимусульманской полемике, в отличие от антииудейской или антикатолической, подчеркивается, что ислам – это ложная религия, поскольку она изобретена человеком (фактически мусульмане рассматриваются как «безбожники»). Противостояние ислама и православия становится актуальным в правление Ивана Грозного, когда взятие Казани рассматривается не только как ключевое событие в реальной истории страны, но и как событие, имеющее значение в эсхатологической перспективе, как победа Христова воинства над силами зла. Однако, все было не так просто в отношении к мусульманам, ведь в это же время Иваном Пересветовым создается «Сказание о Магмете-салтане» – гимн идеальному мудрому правителю, а на мещерских землях до 1681 года продолжало существовать Касимовское ханство, правителями которого быть лишь мусульмане²⁷, да и христианизация казанских татар и татарской знати, как и сибирских татар отнюдь не была полной. Такая относительная терпимость объяснялась государственными интересами, но в культуре все же утверждался образ мусульманина как врага православия – «чужого».

К христианским конфессиям отношение также было достаточно сложным, если армяне рассматривались как «еретики-монофизиты», то по отношению к католикам (как и позже к протестантам) указывали в первую очередь на различие в обрядах (догматический вопрос об исхождении святого Духа стал актуален для русской мысли только в позднее Средневековье). В произведении XVI в. «Сказание о Дракуле воеводе» переход из пра-

вославия в католицизм описан как переход на службу дьяволу: «и уготовася на вечное мучение... приат латинскую веру»²⁸. Но если восприятие католиков и протестантов как «чужих» представляется логичным, то на первый взгляд совершенно непонятно, почему как к «еретикам» относились и к православным, крещеным в других православным автокефальных церквях. Ведь вплоть до присоединения Украины к России перекрещивали даже православных украинцев, т. е. и православные воспринимались как «чужие»²⁹. В России начала XVII в. «своим» был тот, кто был членом русской церкви³⁰, такой человек и воспринимался как «русский», к какой этнической группе он бы не принадлежал. Корни этого восприятия уходят в первые века после принятия христианства, когда после крещения, Русь становится не только частью *Rex Christiana*, но и частью *Slavia Orthodoxa*. И в это время начинает формироваться представление о сакральном характере «земли русской». Так появляется в летописи рассказ о «хождении» апостола Андрея Первозванного, посетившего и благословившего русские земли от Киева до Новгорода³¹, а также легенды об особом покровительстве Богородицы: «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери», «Слова на Покров»³². Весь корпус этих сказаний и легенд создавал образ издавна освященной и тем самым преобразованной земли: «Святой Руси» – богоизбранной страны, в реальном пространстве которой разворачивается пространство мира «будущего века» и создается Небесный Иерусалим. Первые намеки на начавшийся процесс становления этого образа обнаруживаются в древнейшем памятнике русской письменности – «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского (XI в.). Восхваляя деяния Владимира, трудами которого Русь была спасена и преобразована крещением, Иларион, доказывал права своей земли на святость, обращаясь к ее истории и воспевал подвиги князей-язычников, что не было типично для западноевропейских средневековых хронистов, главной темой сочинений которых была борьба христианства и язычества («История франков» Григория Турского). Позже большую роль в становление образа «Святой Руси» сыграл Иван Грозный. В его правление продолжает формироваться религиозно-идеологическая концепция «Москва – Третий Рим»³³. Истинный царь, точно исполняющий отведенную ему Богом роль, по мнению Ивана Грозного, и в еще

большей степени последующих русских царей – «гражданин небесного Иерусалима». Образы Небесного Иерусалима со времен Грозного начинают проецировать на образы Московского царства. В виде Небесного Иерусалима изображена Москва на иконе «Церковь воинствующая» («Благословено воинство небесного царя»), написанная в память о взятии Казани (1552 г.) в 1550-е гг., которое воспринималось на Руси как победа над мировым злом и «рождение» нового царства, что особенно ярко отразилось в иконописи. Основой для написания иконы послужила «Казанская история» и другие сочинения, повествующие об окончательном взятии Казани³⁴. С этим же событием было связано «обетное» построение храма Св. Троицы, более известного как храм Покрова на Рву или Собор Василия Блаженного. В конце русского средневековья делались попытки телесного воплощения «Святой Земли» – земного Иерусалима. Ярчайший пример тому – Новый Иерусалим, построенный по указанию патриарха Никона. Для строительства Нового Иерусалима были созданы точные копии храмов Святой земли, в месте строительства монастыря был даже изменен рельеф в соответствии с топографией Иерусалима. За пределами «Святой Руси» все не так – и «жемчуг не окатист», и народ обитает там странный, так в сибирских землях, живут, согласно сочинению XVI в. «О человецех незнаемых в восточной стране»³⁵ странные существа: некоторые из них «по пупь мохнаты до долу», со ртом на темени, другие безголовы, со ртом между плечами, а иные и вовсе живут в воде, а на зиму впадают в спячку.

Мы говорили о противопоставлении «своего» и «чужого», но реалии жизни заставляли «присваивать» «чужое», делая его «своим». Каким же образом происходило освоение «чужого»? Самым простым приемом «присвоения» «чужого» было объявление его «своим», исконным, как это произошло с древнегреческими философами Аристотелем и Платоном, без которых было невозможно формирование христианской теологии. «Виждь, иноверный еретиче, и разумей! Еллини убо враги суще христианской вере и се ведый бог всех творец даетъ и от сих праотеческих их избранных мудрецах плотское свое пришествие предглаголати да паче истина изъяснитъся. Аще бо враги суще истинну исповедаста, достоин и сим веровати и бога в троици почитати к отца и сына и святаго духа едино божество»,

читаем мы в “Пророчествах еллинских мудрецов”³⁶ Этот фрагмент полностью отражает всю сложность восприятия античной философии в Древней Руси. Вполне естественное для христианства первоначальное неприятие идей Аристотеля, особенно в случае их противоречия догматам, не могло предотвратить постепенной частичной конвергенции христианской и античной традиций³⁷. Уже в эпоху Средневековья их сближению способствовало активное использование произведений арабских и еврейских философов, которые прибегали к неоплатонической интерпретации Аристотеля. Аристотель и Платон объявляются «стихийными христианами», учившими о едином Боге еще до Боговоплощения. Их изображения с XVI в. можно было обнаружить в русских церквях³⁸, и в иконописные подлинники с XVII в. входит чин писания античных философов: «Платон. Рус, кудряв, в венце; риза голуба, испод киноварь; рукою указывает во свиток. Сице рече: Понеже благ есть и благословению есть виновен, злым же никакоже. Той же рече: Аполлон несть бог, но есть бог на небесех; ему же снити на землю и воплотитися от девы чистыя, в него же и аз верую; и по четырехстех летех по божественнем вго рождестве мою кость осияет солнце»³⁹. Во времена правления Ивана Грозного в «Степенной книге царского родословия» появляется легенда об обретении костей Платона. По преданию их нашли в царствование греческого царя Константина и матери его Ирины. Кости были крещены»⁴⁰. Перечень произведений древнерусской книжности, где приводились бы высказывания от имени Платона (приписываемые ему христианской традицией) или действительные высказывания самого Платона (иногда от имени отцов церкви) очень велик. Это «Шестодневы», «Христианская топография Косьмы Индикоплова», переводы Иоанна Дамаскина, «Диоптра», «Златоструй», «Послание Фоме» Климента Смолятича, «Степенная книга царского родословия» и др. Приписывались Платону чаще всего пророчества о явлении Христа, при этом подчеркивался его монотеизм. Из диалогов Платона чаще всего цитировалось «Государство» и «Федон». Так, в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского: «И сего дея филос рече Платон. Размышление есть. Самоя тоя душа к неи размысл <...> а умь деяние есть души»⁴¹. Вспоминается и «тот остров, от Бога по-

топленный». Вообще цитирование фраз из «Государства»⁴² об идеальном образе правления – правлении философов, встречается часто, начиная с «Пчелы», позже входя в даже в «Чин венчания на царство»): «великую власть принимающему подобает иметь великий ум»⁴³.

Именно в сфере политики наиболее активно осуществлялась коммуникация между «чужим» и «своим». Стремление доказать легитимность своей власти, и право на императорский титул, поскольку именно так воспринимался царский титул, потребовало «присвоения» и античных правителей, и прежде всего, Александра Македонского, который для средневекового христианского мира был тем, кто впервые объединил весь мир (ойкумену, вселенную). Считалось, что он первым принес в Европу с Востока идею божественной власти, которая закрепилась в эллинистических державах, и фактически стал первым императором. Поэтому он почитался в средневековье как основатель универсальной, вселенской монархии. Русские цари, начиная с Ивана Грозного, стремясь доказать легитимность принятия царского титула, апеллировали к образу великого полководца. Так «Летописец Еллинский и Римский», повествующий о всемирной истории от сотворения мира и Израильского и Иудейского царств, рисует картину сакральной преемственности власти от сыновей Ноя к Александру Македонскому, через него к Августу и к московским князьям. Согласно же «Сказанию о князьях Владимирских», царские регалии, использующиеся в чине венчания русских царей, принес царь Александр Македонский «от Индея», совершивший первый передел вселенной. Затем регалии перешли к Августу «цесарю Римския и всея вселенная», Август совершил второй передел вселенной. От одного из «сродников» Августа, его брата Пруса, произошел Рюрик, приглашенный воеводой Новгородским Гостомыслом на княжество вместе с братьями Трувором и Синеусом, а также с племянником Олегом. Потомок Рюрика Владимир Мономах («Первый царь Великия России») и получил согласно «Сказанию» царские регалии из Византии. Так древнерусским книжникам удалось связать в единый узел всех исторических персонажей и персонажей преданий.

Параллели между Александром и своими правителями проводили не только древнерусские книжники. Так в Сербии было создано «Житие деспота Стефана Лазаревича», а в Германии –

«Алекса̀ндреида» Ульриха фон Эшенбаха. Александр Македонский становится популярной фигурой и среди авторов рыцарских романов, примером чему может служить «Алекса̀ндреида» Вальтера Шатильонского, написанная около 1182 г. О значимости образа героя античности для славянских народов говорит и тот факт, что в XV в. в Чехии появляется латинская мистификация, представлявшая собой «грамоту» Александра Македонского, данную им «славянскому и чешскому языку, славянскому и чешскому народам, славянам вообще и чехам в особенности». Эта грамота «подтверждала» права славян на вечное владение ими заселенными землями⁴⁴. В 1525 г. уроженец г. Хвара Винко Прибоевич сочинил трактат «О происхождении и успехах славян», где утверждал, что славяне произошли от сына Иафета Фираса, и славянами были такие выдающиеся личности, как Аристотель, Александр Македонский, переводчик Библии на латинский язык («Вульгаты») блаженный Иероним, многие первосвященники и римские императоры. Миф о славянском происхождении Александра Македонского прижился и в русской традиции. В народе возникла легенда о том, что и захоронен он был в России: «Когда Александр Македонский, в июне месяце во время большой жары скончался где-то возле Индии, его положили в гроб и залили медом, а гроб отправили к нему на родину, в Россию»⁴⁵. Появление этой легенды представляется вполне закономерным следствием тех процессов, которые происходили в исторической мысли Древней Руси. Легенда вообще не принимает в соображение исторического факта. При помощи вымысла, легенда превращает историческую реальность в рамку для своих идеальных фигур, и, приписывая историческим лицам совершенно чуждые им поступки, представляет их в виде «своих» идеальных героев. Важной составляющей всех этих описаний является и то, что в них подчеркивается особый, сакральный характер власти Александра Македонского. В поздних «Александриях» (в случае со славянскими переводами – это «Сербская Александрия»⁴⁶) он и вовсе изображается как стихийный христианин, принявший в Иерусалиме единого Бога, и общавшийся с библейским пророком Иеремией⁴⁷, поэтому в разных национальных традициях (например, в грузинской) Александр почитался как покровитель монотеизма.

Это всего лишь несколько примеров культурной коммуникации между «своим» и «чужим», интенсивность которых, несмотря на сложные реалии политической и религиозной жизни, непрерывно возрастала в России начиная с XV в., и стала залогом успеха реформ Петра Первого. Однако, стереотипы восприятия «своего» и «чужого», уходящие корнями в русскую архаику, и до сих пор сохраняются в нашей культуре.

Примечания

- ¹ См.: Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. Альманах. 1993 / Отв. ред. А.Я.Гуревич. М., 1994; Чужое. Опыт преодоления / Отв. ред. Р.М.Шукуров. М., 1999.
- ² *Добиаи-Рождественская О.А.* Культ св. Михаила в латинском средневековье. Пг., 1917.
- ³ См. напр. *Калмыкова Е.В.* Столетняя война и формирование английского национального самосознания // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 103–104.
- ⁴ См. *Васильев А.Г.* Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 21.
- ⁵ Повесть временных лет (ПВЛ). Изд. 2. СПб., 1999. С. 11.
- ⁶ Владимир-Суздальский летописец // Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Т. 3 / Текст подгот. Д.С.Лихачев. М., 1981. С. 428.
- ⁷ ПВЛ. С. 11.
- ⁸ Поскольку терминология правовая в Древней Руси не была достаточно развита, данные понятия «закон отец своих», «обычай» могут иметь в текстах и несколько иные значения, в частности ссылки на обычаи предков употреблялись в коронационных формулах и в др. текстах с положительной, а не отрицательной коннотацией.
- ⁹ ПВЛ. С. 11.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 147.
- ¹² «Молгонзеями» здесь названы предки современных энцев, имевшие самоназвание *monkansi*.
- ¹³ *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 126–129.
- ¹⁴ Послание от Никифора, митрополита Киевского к Владимиру, князю всея Руси // Митрополит Никифор / Исслед. В.В.Милькова, С.В.Мильковой, С.М.Полянского. СПб., 2007. С. 323–326.
- ¹⁵ *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVI в. / Коммент. и пер. А.А.Севастьяновой. М., 1990. С. 288.
- ¹⁶ К числу «безбожников» в древнерусской книжности могли относить и мусульман, если их рассматривали не как монотеистов, а как сторонников религии, «придуманной человеком» – Мухаммедом, а позже, по той же причине, лютеран.

- 17 О понятии «атеизм» в истории культуры см. *Шахнович М.М.* Генезис и трансформация понятия «атеизм» // *Религиоведение*. 2010. № 4. С. 4–14.
- 18 Там же. С. 423.
- 19 См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.
- 20 Христиане, опираясь на представления о магических свойствах крови, утверждали, что иудеи активно используют кровь христиан, добавляя ее в ритуальный хлеб – мацу, а также давая перед смертью умирающим, как некое подобие причастия. См. подробнее *Хвольсон Д.А.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев. СПб., 1880.
- 21 См. напр.: *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Еврейский миф в славянской культуре. М., 2008.
- 22 См.: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. С. 316.
- 23 См.: *История еврейского народа в России*. Т. 1 / Под ред. А.Кулика. М., 2010.
- 24 Относительно того, при каком именно правителе иудеи были изгнаны из русского государства, единого мнения нет. Возможно, это произошло в правление Ивана IV.
- 25 Там же. С. 441.
- 26 *Bushkovitch P.* Orthodoxy and Islam in Russia 988–1725 // *Religion und Untegration in Moskau* / Ed. L. Steindorff. Wiesbaden, 2010. P. 117–144.
- 27 См.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1887.
- 28 Сказание о Дракуле / Подг. текста Я.С.Лурье // Библиотека литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. Вторая пол. XV в. СПб., 1999. С. 459.
- 29 См. *Опарина Т.А.* Указ. соч.
- 30 Т.А.Опарина приводит историю иудея, подданного Османской империи, крещеного патриархами восточных церквей, но в России подвергнувшегося перекрещиванию (Указ. соч. С. 316–334).
- 31 Появление этой легенды несомненно связано с претензиями русской церкви на автокефалию, поскольку в средневековье было широко распространено представление, что поместная церковь должна быть основана апостолами или их учениками.
- 32 См.: *Ключевский В.О.* Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. СПб., 1878; *Великие Минеи Четии*, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870. Стб. 4–23; *Хорошкевич А.Л.* Графическое оформление комплекса «Сказание о князьях владимирских» в Медоварцевском сборнике // *История и палеография*. М., 1993. С. 56–89; *Hurwitz E.S.* Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980.
- 33 О формировании этой концепции в XV–XVII вв. и о её судьбе в XIX–XX вв. см. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- 34 См. *Шмидт С.О.* Памятные даты начала Московского царства // *Проблемы изучения культурного наследия*. Сб. ст. / Отв. ред. Г.С.Степанов. М., 1985. С. 167–176.

- 35 О человецех незнаемых в восточной стране // *Анучин Д.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // *Древности.* 1890. Т. 14. С. 227–313. Это произведение стало первым переводом с русского на английский язык, сделанным в 1558 г. Ричардом Джонсоном. Сочинение было опубликовано в Лондоне в 1598 г. в собрании путешествия Ричарда Гаклейта (R. Hakluyt).
- 36 *Казакова Н.А.* «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображение в русской живописи VI–XVII вв. // *Труды отдела древнерусской литературы.* Т. 17. М.–Л., 1961. С. 367.
- 37 Об использовании отцами церкви произведений античных философов см.: *Мейендорф И.Ф.* Византийское богословие. М., 2001; *Kaldelis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge Univ. Press, 2007.
- 38 *Сперовский Дм.* О древнерусских иконостасах вообще и новгородских в частности. 1894 г. // *Отдел письменных источников Новгородского Гос. музея заповедника.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 13.
- 39 *Буслаев Ф.И.* Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. С. 360–365.
- 40 Степенная книга царского родословия // *Полное собрание русских летописей.* Т. XXI. СПб., 1908. С. 166–167.
- 41 Цит. по изд. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского / Изд. подгот. Г.С.Баранкова. М., 1998. Стб. 238 б15–25.
- 42 О платоновской традиции в Древней Руси см.: *Шахматов М.В.* Платон в древней Руси. Обзорение источников // *Записки Русского исторического общества в Праге.* Кн. 2. Прага, 1930. С. 55–70; *Чижевский Д.* Платон в древней Руси // *Записки Русского исторического общества в Праге.* Кн. 2. Прага, 1930. С. 71–81.
- 43 *Шахматов М.В.* Указ. соч. С. 69–70.
- 44 История литератур западных и южных славян. Т. 1: От истоков до середины XVII века / Отв. ред. А.В.Липатов. М., 1997. С. 636.
- 45 *Гранстрем Е.Э., Чернышева Т.Н.* Александр Македонский и врачевальные молитвы // *Литература и искусство в системе культуры.* Сб. ст. / Отв. ред. Б.Б.Пиотровский. М., 1988. С. 68.
- 46 См. подробнее *Истрин В.М.* История сербской Александрии в русской литературе. Вып. 1. Одесса, 1909.
- 47 См. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.

Афоризм как философский жанр во французской салонной культуре XVII в. и в современной французской мысли

Один из жанров, наиболее характерных для французской литературы, включая философскую литературу, – жанр афоризма. В качестве знаменитых примеров можно привести «Максимы и моральные размышления» Ларошфуко и «Характеры» Лабрюйера.

Расцвет афоризма в XVII в. – классическом веке для французской культуры – связан с возникновением и распространением салонов. Для салона ключевое искусство – изысканная беседа, умение точно и емко формулировать свои мысли, выражать их в лаконичной, запоминающейся форме. Беседа, состоящая из блестящих, остроумных высказываний, – особый, типичный для салонного общения тип коммуникации. Можно вспомнить парадоксы Оскара Уайльда, тоже связанные со светской культурой.

Салон – итальянское изобретение XVI в., которое процветало во Франции XVII–XVIII вв. В Италии XVI в. некоторые малые дворы превращались в интеллектуальные центры, часто формировавшиеся вокруг прекрасной и высокообразованной патронессы, какими были Изабелла д’Эсте или Елизавета Гонзага.

Слово «салон» впервые появилось во Франции в 1664 г. Оно образовано от итальянского *salone*, производного от *sala* – так называлась большая приемная в итальянских дворцах. Салон стал важным местом обмена информацией. Литературные собрания и раньше получали наименование по названию помещения, в котором они проводились, например *cabinet*, *réduit*, *ruelle* или *alcôve*. Вплоть до конца XVII в. такие собрания часто происходили в

спальне: дама, лежа в постели, принимала близких друзей, которые рассаживались на стульях или табуретах вокруг кровати. Эта камерная атмосфера контрастировала с утренним приемом у Людовика XIV (*petit lever*), где все присутствовавшие стояли. Слово *guelle* (дословно «улочка») обозначало пространство между кроватью и стеной спальни. Обыкновенно оно использовалось, когда речь шла о собраниях *grécieuses* – интеллектуального и литературного круга женщин, сложившегося в первой половине XVII в. Первым салоном во Франции стал отель Рамбуйе. Он образовался вокруг Катрин де Вивонн, маркизы де Рамбуйе (1588–1665), и функционировал с 1607 г. вплоть до ее смерти. Маркиза, которую часто называли просто мадам де Рамбуйе, была дочерью и наследницей Жана де Вивона, маркиза Пизани. Её мать Джулия принадлежала к аристократической римской семье Савелли. В возрасте 12 лет Екатерина была выдана замуж за Шарля д'Анжанна, виконта Ле Мана и впоследствии маркиза Рамбуйе. После рождения своей старшей дочери, Жюли д'Анжанн, молодая маркиза почувствовала желание не появляться больше при королевском дворе, полном интриг, и начала собирать вокруг себя кружок, ставший позже таким знаменитым. Её резиденцией был Отель Пизани, который позже стали называть Отель де Рамбуйе (*Hôtel de Rambouillet*). В ее апартаментах было несколько небольших помещений, где гости могли найти больше уединения и чувствовать себя свободнее, чем в парадной зале. Сама она принимала в голубой гостиной – знаменитой *chambre bleue*. Маркиза с равной приветливостью встречала аристократов и литераторов. Ключевым искусством в ее салоне было мастерство точного и ясного слова, искусство выражения. Среди завсегдатаев мадам Рамбуйе были Великий Конде, его сестра герцогиня де Лонгвиль, Пьер Корнель, Жан де Лафонтен, мадам де Севинье, Жорж и Мадлен де Скюдери, мадам де Лафайет, Винсент Вуатюр, Поль Скаррон, Франсуа Малерб, Жиль Менаж, Таллеман де Рео, Валентин Конрар, Антуан Годо. «Салон маркизы де Рамбуйе повлиял на становление прециозной культуры, культуры утонченного светского досуга, предполагающей особые свойства сердца и ума, благородные манеры. В прециозности старались соединить традиции куртуазной культуры с современным хорошим вкусом. «*Les Précieuses*» (драгоценные, возвышенные, утонченные) – слово, которым обозначались большие дамы: Ката-

рина де Вивон, маркиза де Рамбулье, принцесса Монпансье, Жюли д'Анжанны, девица Скюдери, – пользовались огромным уважением в светском обществе Франции, группировавшемся при дворе или недалеко от него» («Литературная Энциклопедия»).

Историография салонов достаточно богата. Салоны изучались феминистами, марксистами, историками культуры и исследователями интеллектуальной истории. Стивен Кейл указывает: «Существованию французских салонов благоприятствовал целый ряд факторов: аристократия с ее досугом, амбициозный средний класс, активная интеллектуальная жизнь, плотность населения в крупных городах, традиции общения и определенный аристократический феминизм»¹. Дина Гудман предполагает, что салоны были не столько способом организации досуга или школой civility, сколько находились «в самом сердце философского сообщества»². По мнению Гудман, в XVII–XVIII вв. сложился «академический» салон, в котором ведущую роль играли академические дискуссии. Литература XVII в. в качестве основных принципов организации салона называет *politesse*, *civilité* и *honnêteté*. Первый из этих принципов обозначает, в частности, сюжеты уместные для обсуждения в салоне и предполагает наличие неуместных. Марсель Пруст настаивал, что политика тщательным образом избегалась³. Юрген Хабермас в работе *The Structural Transformation of the Public Sphere*⁴ показывает, что салоны имели чрезвычайное историческое значение. Арены общения и обмена информацией, как салоны во Франции и кофейни в Англии, сыграли важную роль в возникновении того, что Хабермас назвал *Public Sphere*, которая противостояла придворной культуре⁵. Критики Хабермаса полагают, что салоны не создавали оппозиционную культуру, а были частью придворной. Норберт Элиас в своей «Истории манер» указывает, что *politesse*, *civilité* и *honnêteté* – три основных принципа существования салона – «использовались практически как синонимы, посредством которых придворные обозначали норму собственного поведения»⁶. Джоан Ландз находит, что салоны были уникальным институтом, не принадлежавшим ни придворной, ни оппозиционной культуре⁷.

Все историки согласны в том, что в салонах исключительную роль играли женщины. Хозяйка салона решала, кого пригласить, и выбирала предмет для беседы. Женщины в салоне обменивались

идеями, читали свои произведения, выслушивали критику, знакомились с творчеством интеллектуалов и критиковали их. Для многих честолюбивых женщин салон играл роль высшего образования.

В 1652 г. **Мадлен де Скудери**, одна из постоянных посетительниц **Мадам Рамбуэ**, открыла собственный салон в **Марэ**. В отеле **Рамбуэ** мадемуазель де Скудери получила прозвище «Сафо». Слава ее была так велика, что в 1695 г. **Людовик XIV повелел выбить медаль с ее изображением**. Мадемуазель де Скудери написала несколько романов, самые знаменитые из них – «**Артамен, или Великий Кир**», насчитывающий около 14 000 страниц, и «**Клелия**» с приложенной к ней «**Картой Страны Нежности**» – связующим звеном между «**Романом о Розе**» и феноменологией любви, разработанной в культуре рококо. Кроме того, **Мадлен де Скудери** написала несколько трактатов – «**Беседы на различные темы**», «**Новые беседы на различные темы**», «**Нравственные беседы**» и «**Новые нравственные беседы**».

Мари-Мадлен де Лафайет посещала оба салона – отель **Рамбуэ** и **Марэ**. Ее наиболее известный роман – «**Принцесса Клевская**». В **драматичном психологическом романе есть и исторический пласт** (среди действующих лиц – **Екатерина Медичи, Франциск II, Мария Стюарт**), и символический (отзвуки легенды о **Тристане и Изольде**), и нравственные максимы в духе **Ларошфуко** – близкого друга мадам **Лафайет**. Интересный эпизод произошел по поводу этого романа во Франции в 2006 г. **Николя Саркози**, тогда еще министр внутренних дел Франции и кандидат на президентское кресло, выступал в **Лионе** на собрании чиновников, где сказал следующее: «Что касается общественных должностей, здесь надо кончать с гнетом конкурсов и экзаменов. Недавно я развлекался... рассматривая конкурсную программу административных служащих. Какой-то садист или дурак – **выбирайте сами** – поставил в конкурсную программу «**Принцессу Клевскую**». Не знаю, часто ли вам приходится спрашивать у служащей, что она думает по поводу «**Принцессы Клевской**»... Представьте-ка себе это зрелище! В любом случае я читал ее так давно, что, вероятнее всего, провалил бы этот экзамен!» Студенты и преподаватели из **Сорбонны** разослали по всей Франции коммюнике, в котором призвали всех желающих выйти на улицы Парижа и устроить своеобразный марафон – прочитать вслух «**Принцессу Клевскую**». «Потому что

мы хотим жить в мире, где могли бы говорить о «Принцессе Клевской», о каких-то других текстах да и об искусстве и кино с нашими согражданами, какую бы должность они ни занимали. Потому что мы убеждены, что чтение литературного текста помогает нам встретиться лицом к лицу с этим миром, профессиональным или личным. Потому что мы верим в то, что без сложностей любые размышления и культура демократии мертвы. Потому что мы верим, что университет есть и должен быть местом красоты, а не показателей, размышлений, а не рентабельности...», – говорилось в коммюнике⁸. Таким образом «Принцесса Клевская» стала символом французской культуры.

Салонная культура XVII–XVIII вв. послужила питательной средой для жанра афоризма, однако сам этот жанр существует и в наше время. Сущность афоризма как философского жанра наглядно уясняется в книге Бернара Маршадье «Вспышки ясности».

«Clarity must exist in order that charity may exist» («Ясность необходима, чтобы любовь стала возможна»), – эта цитата из Чарльза Уильямса служит эпиграфом к небольшой книге Маршадье. «Любовь» здесь означает христианскую любовь – любовь к ближнему, милосердие, сострадание (*caritas*). Цитата озадачивает: что общего между ясностью и милосердной любовью?

Название книги можно передать по-разному – «Проблески ясности» или, рискованнее, «Вспышки ясности» (в конце авторского предисловия говорится о «редких вспышках во мраке»). Ясность вспыхивает лишь мгновениями, и эти мгновения откладываются в сжатых формулах.

«Нас нет здесь и сейчас, – так начинается книга. – Чаще всего наша мысль (*esprit*) занята где-то в другом месте – блуждает в тумане смутных воспоминаний, в мечтах о будущем, в потоке сознания, среди разрозненных образов и впечатлений, и еще хорошо, если наш дух (*esprit*) не становится добычей кошмаров – навязчивых идей, тоски и страстей. Лишь в редчайшие мгновения мы оказываемся в настоящем – в единственном времени, где возможна встреча с реальностью, на единственном якорю, удерживающем душу.

Настоящее – это время ясности, единственное время, где сияет свет Ума (*Intelligence*), где может проявиться божественное и где слышен голос вдохновения. Это время предельного внимания – к миру вещей, к природному миру и миру идей, но также и внимания к себе подобным. Лишь в отчетливой мысли (*intelligence*), в ясности, когда

мы не суетимся и не рассеиваемся, может проступить подлинный образ другого. Другой предстает тогда как ближний, потому что узнать можно только ближнего. Напротив, любовь к дальнему, которая по определению не относится к тому, что здесь (hic), никогда не коренится в настоящем (nunc)»⁹.

В этих двух абзацах с исключительной плотностью собраны и связаны между собой основные темы книги: внимание и память, время, бытие и небытие, форма как способ бытия, понимание (intelligence), другой как ближний, общение и разобщенность. За отдельными «вспышками» стоит единое целое. Оно не изложено как последовательно развертывающаяся концепция, но обладает четкой внутренней логикой – ассоциативные связи, как видно из приведенной цитаты, для автора не имеют ценности. Форма афоризма – остро, иногда парадоксального изречения – способствует концентрации внимания, требует собранности, удерживая читателя в настоящем.

История афоризма во французской мысли и литературе восходит к Монтеню: изящество формулировки – для гуманистов одна из основных добродетелей. Тяжеловесная форма обесмысливает любое содержание – тут вспоминаются инвективы Петрарки против поздней схоластики. Готовые клише, «мнения», от которых должна освободить философия, чужие слова, не прожитые в собственном опыте, превращаются в громоздкие концепции. Трезвое внимание к собственным слабостям, к собственному незнанию – присущий Монтеню скепсис в лучшем, классическом смысле этого слова – напротив, требует отточенной формы. Часто эта форма уже найдена прежде нас и не стоит заниматься скверным пересказом того, что намного лучше было сказано в античности: гуманисты постоянно обращаются к Сенеке, Цицерону, Плутарху. Еще один мотив гуманизма – тема дара (в противовес ремесленному, заключенному в собственные рамки труду): «Наши доводы и рассуждения – тяжелая, бесплодная материя: форму ей придает только дарованная Богом благодать» («Опыты», книга 2, глава 12). Может быть, христианский гуманизм Монтеня близок автору «Вспышек» не в последнюю очередь благодаря этому пониманию формы. «Мир, в котором преобладает бесформенное, – это мир, утративший свой формирующий принцип, свою душу. Мир, из которого ушел Бог. Gott ist Form (Готтфрид Бенн)»¹⁰.

И еще к теме христианского гуманизма: «Антигуманизм – ико-
ноборство»¹¹.

Монтень «видел в искусстве сжатого разговора “наиболее плодотворное и естественное занятие нашего ума (esprit)”»¹², однако классическим жанр афоризм становится в XVII–XVIII в., у французских моралистов. Атмосфера салонов с ее культом остроумия, краткого, блестящего (и часто едкого) слова проступает в «Максимах» Ларошфуко. Афоризмы здесь напоминают процветающее в эту эпоху искусство фехтования: нужно попасть в точку, уколоть, причем в мастерстве часто и заключается основной смысл поединка. Каждая сентенция рассчитана на некоторую паузу, когда читатель применит ее к себе (или к другим). Областью наблюдения являются человеческие слабости: в семистах «Максимах», кажется, не упущена ни одна из страстей. Книге Маршадье присуща выработанная в этой литературе четкость и прозрачность, хотя у него совершенно иная тематика и интонация. «Мы находим много черт, – пишет в предисловии ко «Вспышкам» о Владимир Зелинский, – сближающих автора этой книги с плеядой его предшественников: стремление к ясности, мастерство острой, краткой фразы, пафос дистанции по отношению к обществу, ... тональность и ритм фразы, способность собрать мысль в один плотный узел. Но есть и значительная разница: в классическом афоризме XVII–XVIII вв. все содержание, как правило проникнутое скепсисом и насмешкой, исчерпывается словесной формой, и читатель оказывается в замкнутом пространстве – в некоем солипсизме презрения. Напротив, чтение книги Маршадье освобождает, потому что его мысль ориентирована на общение»¹³.

«Пафос дистанции по отношению к обществу», действительно, у Маршадье напоминает моралистов, однако здесь критика относится не столько к «нравам» современников, сколько носит онтологический характер. «Средства массовой информации портят наш слух»¹⁴. «Ежедневная эрозия жизненных сил...» (там же). «Умерла медлительность, и с ней – зрелость, которая была возможна благодаря ей»¹⁵. «Техника ускоряет время, и непредсказуемое становится неотвратимее»¹⁶. «Техническое решение – усложнять проблему, чтобы ее разрешить»¹⁷ (с. 42). «Модернист: всякий, кто верит в незыблемую ценность нигилизма» (там же).

Торжествующему нигилизму и сумбуру нашей эпохи противостоит ясная, собранная мысль, наилучшим выражением для которой становится жанр афоризма. Вчитаемся в текст Маршадье, чтобы по достоинству оценить эту связь жанра и его содержания. Текст перед нами.

«Как правило, нас нет здесь и сейчас. Чаще всего наша мысль (*esprit*) занята где-то в другом месте – блуждает в тумане смутных воспоминаний, в мечтах о будущем, в потоке сознания, среди разрозненных образов и впечатлений, и еще хорошо, если наш дух (*esprit*) не становится добычей кошмаров – навязчивых идей, тоски и страстей. Лишь в редчайшие мгновения мы оказываемся в настоящем – во времени как таковом, единственном времени, где возможна встреча с реальностью, на единственном якорю, удерживающем душу от блужданий.

Настоящее – это время ясности, единственное время, где сияет свет Ума (*Intelligence*), где может проявиться божественное и где слышен голос вдохновения. Это время предельного внимания, интенции. Внимания к миру вещей, к природному миру и миру идей, но также и внимания к себе подобным. Лишь в отчетливой мысли (*intelligence*), в ясности, когда мы не суетимся и не рассеиваемся, может проступить подлинный образ другого. Другой предстает тогда как ближний, потому что узнать можно только ближнего. Напротив, любовь к дальнему, которая по определению не относится к тому, что здесь (*hic*), никогда не коренится в настоящем (*nunc*).

Только внимание к настоящему, времени света, позволяет увидеть человеческое общество с необходимой четкостью и в полной мере реализовать в нем (обществе) собственную природу, ибо мы созданы не столько для того, чтобы хранить внимание в одиночестве, сколько чтобы разделить с другими умами (лишь бы они были «сильными и упорядоченными») искусство выражения, то искусство сжатой беседы, в котором Монтень видел «наиболее плодотворное и естественное упражнение ума». Иногда из таких встреч рождаются вспышки ясности. Но остаемся ли мы одни или в обществе себе подобных, наше усилие всегда должно быть направлено на то, чтобы не позволять себе оторваться от реальности – единственного, что достойно восхищения. Приложим усилие, цепляясь за бытие в надежде, что однажды ясность окажется не редкими вспышками во мраке, но длительным состоянием внутренней прозрачности.

В немецкой армии на фронт Первой мировой войны доставляли *Menschmaterial* – «человеческий материал». Идея сохранилась, и на предприятиях наряду с материальными ресурсами управляют «человеческими ресурсами».

Кто хочет быть традиционалистом, не должен забывать, что хотеть что бы то ни было для себя – модернизм.

Журналы, театры, культура – постоянный шум толпы.

Средства массовой информации портят наш слух.

Ежедневная эрозия жизненных сил, подтачивающая последних оставшихся людей: современность всех нас оторвала от фундамента.

Во всем, что не касается непосредственно техники, наш мир заставляет – если хочешь остаться человеком – беспрерывно изобретать заново, и особенно – вновь находить уже открытое.

Умерла медлительность, и с ней – зрелость, которая была возможна благодаря ей.

Что мегаполис – сито, лучше всего демонстрирует городской транспорт – поезда, метро, трамваи, автобусы. Они собирают вместе всякую всячину и встряхивают горожан, лишая их социальных различий, оставив их “ободранными”, сводя их к физическому весу.

Мир, некогда состоявший из государств, которые им управляли, становится не городом, а пригородом – обитаемой зоной без центра и периферии. Слухи, люди и образы, циркулирующие в ней, берутся неизвестно откуда, разжигая злобу и увековечивая обиды. И потому единственная известная в этом мире форма войны – война гражданская, единственная армия – силы поддержания порядка, не обладающие ни бесспорной легитимностью (поскольку государство потеряло авторитет), ни преимуществом инициативы (мятежники всегда оказываются на шаг впереди).

Глобализация, неразлучная со своим основным инструментом – интернетом, осуществляется посредством техногенной виртуализации и приводит к повсеместному распространению нигилизма.

Большевики показали, что абсурд может воплотиться.

Одиночество в тишине, проникнутой запахом липы: высшая роскошь. Адом будет – и уже есть – скученность и возня в испорченном воздухе.

В раздробленном мире – ошметки личностей.

Надписи на стенах: варварство.

Благодаря упадку и отупению – эффектам современной техники – размножаются «антропоиды» (Мережковский), расцветает зверство и цивилизация оказывается под угрозой распада.

Подгоняя время, техника увеличивает неизбежность непредсказуемого.

Стены исписаны до самых крыш и ветер гонит по шоссе пластиковые пакеты. Под бледным светом неоновых ламп мелькают там и сям силуэты в капюшонах, руки в карманах курток. Хотя эти люди молоды, они сгорблены и странно раскачиваются. Когда проезжает машина, бас громкоговорителя на мгновение заглушает шум соседней машины. Мы в Злых Щелях (Terre Gaste). “Святого Лика мы не признаем” (Данте, Ад, XXI, 48).

Ошибочно думать, будто средства массовой информации могут распространять хоть какую-то истину. Когда идея попадает во всеобщее пользование, она превращается в лозунг, единственная сила которого в том, что он бьет по этой идее молотком.

Беги от инфантильных, от тех, кто тоскует по яслям, плюшевому мишке и анальной стадии – из них получаются самые жестокие.

Великий читатель – способный к дружбе. Он опыляет образы, аналогии и мысли и заставляет их приносить плоды.

Благо, которое поистине испытываешь при встрече с реальным человеком.

Манекен – главный персонаж всей рекламы, что бы она ни восхваляла – майки, машины, йогурты, поездки или спиртные напитки. Женщины первые соблазнились этой ролью, но и мужчины не остались в стороне, и теперь оба пола изощряются, уподобляя жизнь афише, превращаясь в марионетку, симулякр, человечка (исходное значение голландского слова *mannekijn*).

Улыбка – это музыка на лице.

Дефиле моды: конформизм провокативности, бизнес обесценивания.

Ум, набитый фактами, рецептами и информацией, и совершенно засоренный этим разнородным материалом.

Интеллектуала часто узнаешь по тому незрелому, что есть в его поведении, манерах, вкусах и даже в его теле (пятидесятилетние младенцы или мальчишки).

Умное лицо – доказательство существования Бога.

Когда наши желания формируются и удовлетворяются индустрией досуга, питания, секса, парфюмерии и культуры; когда достаточно зайти в супермаркет, чтобы купить вишни на Рождество, и через несколько часов полета можно увидеть Тадж Махал; когда все что угодно предлагается каждому в каждое мгновение, во взбудораженной толчее, – неверно было бы утверждать, что желания обострились, ведь на самом деле из-за отсутствия дистанции способность желать притупилась. Отвлечшись на кишаших кругом кроликов, охотник забывает, что вышел преследовать оленя, и даже если случайно выгонит его из леса, то обнаружит, что утратил силу и меткость.

Никогда не желать ничего, если это не великое желание. Есть без аппетита, пить, не чувствуя настоящей жажды, – вот в чем грех. Тот, кто жив по-настоящему, чувствует пламенную жажду.

Гурманство – самый тяжелый из основных грехов и в то же время – наименее тяжелый. Потому что участие духа в нем ограничивается первоначальным согласием. Получив это согласие, тело следует по своей тропе: еда, вино, табак. Когда ты видишь пьяницу, валяющегося в пу-

бличном месте, подумай, что зависть, ложь, скука и гордыня столкнули тебя гораздо ниже, потому что твой невидимый порок возвращен только духом и только им порожден.

Как бы ты ни был скверен и уродлив, не отчаивайся, не теряй ничего существенного. Горгульи на крыше тоже часть собора, не только святые на порталах.

“Действовать и, действуя, создавать себя”. Наоборот: не действовать и, ничего не делая, разрушать себя.

Смех – не свобода, он – освобождение (Сергей Аверинцев). Вот почему, согласно традиции, Христос – человек совершенный, а следовательно, свободный – никогда не смеялся. Юмор, напротив, предполагает свободу (по крайней мере, в определенной степени), и Христос произнес слово, в котором чувствуется улыбка: “*Tu es magister in Israel et haec ignoras?*” (Иоанн 3:10).

Если в мгновения досуга ты ищешь забвения, притупления чувств и прибежища, значит, ты раб, и не только своих страстей: просто раб. Если, напротив, ты ищешь интеллекта и созерцания, тогда ты свободен, и не только от твоих страстей.

Если ты хочешь, чтобы твоя жизнь оставалась музыкальной, не допускай чередования напряжения и рязрядки. Пусть струна твоего существования будет всегда равномерно натянута, издавая верный звук – пусть будет достаточно гибкой в усилении и никогда не провисает в часы досуга.

Не позволяй похитить твою радость, потому что там, где радость, – там территория божественного.

Мнемозина (память), мать муз. Нет вдохновения без припоминания.

Искусство отступает по мере того, как наши жизни завоевывает бесформенное. То, что справедливо для большинства областей, в которых форма разрушилась, – будь то кулинария, грамматика, любовь, коммерция, одежда, литургия или беседа, – справедливо и для искусства. Человек без стиля, без контура и без правил может породить лишь мир без форм, а значит, без искусства. Мы живем как раз в таком мире – по преимуществу техническом, набитом гипертрофированной информацией, где роковым образом ключевые слова – податливость и случайность.

Что испытал бы современник Люлли, слушая Шостаковича или Бриттена? Вероятно, тоску, как и мы. Разница между ним и нами в том, что в наши дни тоска возобладала и только ее и слышишь, даже когда это красиво.

Чувство, что в красоте проявляется сама сущность мира. Да, грегорианские секвенции и концерты Баха – это ритм Вселенной. Искусство Шартра, Файюма, Пуссена и Гольбейна – то, что есть человеческого в человеке и что даровано ему свыше.

Цвет совершенства – это улыбка. Но она не корень и не стебель. Улыбка над усилием, улыбка до расцвета, – это позолота.

Искусство – это образ небесной гармонии, но всего лишь образ: *quia veram musicam non potest humana imitari* (Ремигий из Оксерра).

Нефигуративное искусство, если не хочет ограничиваться декоративной ролью, вынуждено заявлять непомерные претензии на духовность (Кандинский), становясь тем самым незначительным. Действительно, безумие – как доказывают 30 000 лет живописи, рисунка и скульптуры – воображать, будто о высоких истинах можно напомнить иначе, чем в образах (*figures*) (бык, осел, солдат, сад, башня, яблоко, единорог, лев, гора, окно, мост, дерево, старик), смысл существования которых – изобразить (*figurer*) нечто большее, чем они сами.

Красота – живая, скромная и стыдливая. Чтобы к ней приблизиться, нужно время, спокойствие, уважение, большое желание, постоянство и доля хитрости. Художник – охотник. Охотник за формами. *Venator formarum*.

Мир, в котором преобладает бесформенное, – это мир, утративший свой формирующий принцип, свою душу. Мир, из которого ушел Бог. *Gott ist Form* (Готтфрид Бенн).

ROMA, mater FORMArum, Рим, который размежевал землю, упорядочил вселенную, построил и разделил на части империю, управлял нашими городами, издал законы для всех, дал столицу Церкви и язык цивилизации: каменоломня, куда народы будут постоянно возвращаться в поисках колонн и моделей жизни и искусства.

Цивилизация как мелодия, которую каждое поколение слышит в детстве, проникается ею, развивает ее и передает дальше.

То, что мы утверждаем, читаем или поем – по большей части палимпсест. Под ним находится один или несколько предыдущих текстов, наполовину стертых, которые мы воспроизводим, даже подправляем, думая, будто создали современный текст. Под абсидой – митранеум. Санта Мария sopra Минерва. Не изглаживать Минерву, чтобы не умаить Марии.

Уничтожить традиции, запретить Традицию, осмеять Истину, Добро, Красоту, установить повсюду нигилизм – короче, разоружить души – вот что совершенно необходимо терроризму, чтобы установить тотальное господство.

Беседа цивилизует и гуманизирует. Тереться посреди деперсонализованной массы – значит, напротив, стать диким и неотесанным.

Как драгоценны, дороги и необходимы ясные и свободные умы, не поддающиеся никакой пропаганде, не ставшие эхом моды, инструментом манипуляции! Простота, врожденная или приобретенная благодаря аскезе,

вкус к реальности, понимание вещей и их отношений – неважно происхождение и мера этих добродетелей; важно, что эти люди есть, они – спасательный круг в бурной ночи, не позволяющий нам утонуть в пучине.

Общее место, известное с древности, – это истина, всегда присущая человеческой природе, и от ума требуется лишь пробудить ее к жизни. Полная противоположность готовым идеям, клише и шаблонам – мертвым формулам.

Образование (*Bildung*) высвобождает образы (*Bild*), формирование освобождает от бесформенного и придает форму.

“Развитие” в применении к стране – чаще всего синоним отхода от цивилизации.

Блага от периода изоляции и от общения суммируются. Бесплодно и пагубно одиночество, которое не позволяет изоляции: то, которое навязывает толпа в «часы пик» или распространившаяся повсюду звуковая аппаратура.

Подняться можно только по ступенькам правил (грамматики, искусства, естественных наук, ремесел, морали, приличия). Знать их и следовать им.

Когда Клоринда упрекала его в том, что он консерватор, ему случилось заметить, что она не адресовала этот упрек своим друзьям экологам, заботившимся как раз о том, чтобы сохранить (*conserver*) исчезающие виды или качество воды и воздуха. Он утверждал, что цивилизованного европейца скоро будет столь же трудно найти – в его естественной среде обитания, а не в музеях и парках, – как окапи из Конго, орангутанга с Борнео, сибирского тигра, тирольский эдельвейс или голубого кита, и что поскольку цивилизация загрязнена гораздо больше, чем океан, нужно ее защищать. Но Клоринда ничего не хотела знать и отказывалась видеть, что средства массовой информации ежедневно загрязняют Европу столь же сильно, как танкеры с нефтью, разгружающиеся подле острова Уэссан.

Экзотический досуг, волчий голод по отношению к «информации», ажиотаж «коммуникации». И однако все происходит так, словно умы мельчают по мере того как идеи расширяются. Ум, набитый всяким хламом, даже если этот хлам собран с четырех концов света, – какой угодно ум, только не обширный.

Варварство. Из стремления к ясности и чтобы утвердиться в стойкости, было бы полезно видеть в потолке и стенах своей квартиры *limes* в римском, имперском, смысле термина.

Она предполагает бодрствование, забвение себя, концентрацию, утонченное созерцание, стремление к ясности, смирение, внутреннюю тишину, постоянство. Поэтому эрудиция – высокая добродетель, и если она блистает, то на манер священнической ризы, великолепия которой не является собственностью того, кто ее носит.

Возвращение из путешествия. Перенести на знакомое ту способность внимания, интерес к различиям, жажду знания, благожелательность, вкус к аналогиям, умение не сопротивляться удивлению, которые развились за границей и в которых заключается истинное оправдание путешествия.

Тишина существует, чтобы услышать Слово. Вот почему люди изошряются, чтобы создать шум. Чтобы не услышать, как Илия на горе Хорив, веяние тихого ветра, в котором говорит Бог.

Точный образ жизни ума и интеллектуального труда – ликующие фонтаны Версаля и Тиволи, с их изящной игрой воды и освежающим блеском. Не забывать, что за ними – огромная система подземной гидравлики, и особенно – обширные резервуары, куда стекаются искусно собранные воедино ручейки и от глубины которых зависит высота водомета. Без терпеливого накопления воды в желобах, бегущих по холму, – никакого фонтана в саду.

Избыток образов и ощущений опустошает душу, а пустая душа видит пустой мир и хочет только его.

По отношению к реальности – любящее смирение, испытующее, терпеливое, без которого невозможно выйти за пределы собственного ума.

Минимальная трезвость, чтобы остаться на Пути. В противном случае мы окажемся в положении пьяницы, который не может вернуться домой.

Грех – это адская пленка с фонограммой, которая отупляет нашу душу и которую мы должны научиться заглушать.

Lass mich schlafen (Шиллер, *Abschied*). Нежелание бодрствовать – искушение, которому можно подпасть двумя способами. Либо поддаться воздействию рутины, усыпляющему чувству реальности и скрывающему, что линия фронта переместилась. Или отдаться опьянению новшествами, все более многочисленными и на свой лад лишающими чувства реальности.

Наши мысли заполнены романами, которые мы себе придумываем. Через три месяца они не будут нас волновать, если мы вообще о них вспомним.

Внутреннее варварство – когда душа заполнена психологизмом.

Чтобы воспрянуть, стремиться не к эксцентризму, а к инцентризму, не сойти с орбиты, а вернуться на нее.

Как евангельский юноша (Иоанн 9:10), давать то, что имеешь, то есть обычно – не больше пяти ячменных хлебов и двух рыб. Об остальном позаботится Бог – превратит их в тысячу, если будет нужно.

Веселость. Живая легкость, воздушная, не тягостная для другого, радостная и глубокая. Улыбчивая серьезность сердца.

Иметь музыку в душе, быть «взволнованным встречей двух звуков» (Шекспир, Венецианский купец, V, 1) – значит желать гармонии между вещами и между людьми, гармонии, которой управляет музыка сфер, не слышимая, но угадываемая; это значит почувствовать, что сотворенный мир подчиняется упорядочивающему воздействию этой небесной гармонии. Наконец, это означает уже здесь стремиться ко вступлению в ангельские хоры. *Mark the music!*

Совершенная жизнь – счастливая, добродетельная, музыкальная.

Словарь человека – красные кровавые шарики его духа.

Не нужно бояться традиционных слов. Это симптом измельчания.

О благе беседы. Если тебе пришла в голову мысль, представь ее на рассмотрение умов пронизательных и быстрых, повари ее на огне их вопросов и возражений, даже их нападков. Потом сними пену с этого бульона, чтобы осталась только квинтэссенция. Быть может, ты заметишь, что очищенная и обработанная таким образом, твоя идея – жидкая похлебка. Значит, она была никуда не годна. Выбрасывай ее. Если, напротив, в процессе приготовления она стала вкуснее, подавай ее.

Хрупкость промежуточного: душа погибает быстрее, чем тело и ум; семья быстрее, чем индивидуум или государство; мелодия отступает перед ритмом и гармонией. Рубенса бросают ради фотографии; от животных инстинктов переходят к буддизму, забывая о Воплощении; от ничто к абсолюту, обходясь без религии; от болтовни к апофатике, не уделяя внимания авторам; от толпы к одиночеству, не соглашаясь любить. А ведь именно промежуточное – истинное место для человека, по призванию строителя мостов – pontifex.

Непреклонность ума, максималиста и доктринера по природе.

Gaudium de veritate (Августин Аврелий). Радость исходит от истины. Поэтому нет радости, когда нет истины, или когда софисты убеждают своих соотечественников, что все истинно, потому что не истинно ничто.

Всю свою жизнь он стремился к пониманию великих текстов, восхищался великими современниками. «Это доказывает, – замечает Филия, – что он был неуверен в себе и что в нем преобладало женское начало». «Это говорит, – возражает Памфил, – о доверчивой силе, ибо, общаясь с великими, он не измельчал, а вырос».

Мысль и идея. Первая – плод зрелости. Она предполагает длительность, тишину, досуг за чтением. Во второй есть непосредственность, лапидарность, завершенность. Поскольку идеи можно собирать воедино, ими можно манипулировать. Идея подходит для инженерного ума, к какой бы области он ни обратился – даже если это философия. Мысль же освобождает от ремесленничества. Если человек мысли отличается от интеллектуала, то это различие заключается в том, что он не человек идей.

Во всем, что касается жизни ума, не столь важно решать проблемы, как ставить правильные вопросы и, поставив, непрестанно их обновлять. Так и становятся автором – *auctor* это тот, кто увеличивает (*augmente*), обогащает то, что уже есть.

Между истинным и ложным находится вероятное. Со всеми своими ступенями, со всеми образами и аналогиями, которые его выражают, оно – место постижения (*intelligence*) жизни. Вопреки видимости, оно противоположно скептицизму, ибо именно из совокупности вероятного каждый извлекает свои наиболее прочные убеждения. Именно вероятность, а не уверенность, существующая лишь как понятие, вызывает самое твердое, самое настоящее согласие. Перед нами нечто противоположное умственной лени: состоя из ступеней, вероятное призывает к восхождению и, если мы не хотим упасть в ложное, к непрестанному усилию, к точности, честности и рассудительности.

Даже самые отъявленные скептики живут так, словно жизнь имеет смысл.

Он лелеял вопросы до такой степени, что перспектива ответа заранее вызывала у него улыбку сомнения.

Ирония – форма слабой мысли, присущая сильному уму.

Поскольку Бог – это бытие (*Ego sum qui sum*), то если Его нет, тогда нет ничего; а это невозможно помыслить.

Atheos по-гречески не столько неверующий, сколько тот, кто лишен Бога или кого боги покинули. А-теист как а-патрид (лишенный родины).

Человек – *homo erectus* потому, что к нему, единственному из всех животных, Бог воззал с высоты.

Поскольку истина обязывает, они предпочитают темноту сомнения. Во мраке все позволено.

Уход от действительности: телевизор, компьютер, поиски толпы и шума, всевозможные наркотики, поездки на выходные, непрестанные перемещения, долги, тоска, эстетическая хирургия или прогресс. Все это *Flucht ohne Ende* (Йозеф Рот), *Flucht vor Gott* (Макс Пикар): бесконечное бегство, бегство от Бога.

Вера в Бога не бывает “чистой” и “бескорыстной”. Она берет исток в глубокой нужде каждого существа. “Я верю, потому что желаю этого всей душой, потому что без этой надежды мое существо чахнет”.

Великая суббота. Дарохранильница пуста и открыта, на алтаре ничего нет, свечи погашены, кропильница суха. Нет больше присутствия, ничего нет. Решающая пустота Субботы. Шехина, Присутствие, отныне и навсегда переместилась в воскресенье, первый день Нового Завета.

Ite missa est: идите, свершилось. Идите, ибо вы видели, как обра- тилось в факты то, что прообразовывали все мифы: об Исиде и Осирисе, Артуре и Мерлине, Леде и Аполлоне, об Астрее, Одине, Прозерпине;

идите, ибо стали плотью на алтаре все чаяния Израиля; идите, вы сильны, ибо образы стали реальностью и открылся их полный, радостный смысл; идите жить в мире и принесите в него жизнь.

“Да будет воля Твоя на земле, как на небе”: пусть люди научатся у звезд следовать по своим орбитам.

“Нашими трудами умы настолько потеряют целостность, что их можно будет убедить, будто истина – всего лишь пустое слово и будто помимо болтовни и каламбуров нечего сказать, да и говорить не о чем. О смысле отныне позаботимся мы сами” (Антихрист).

За пульсацией всемирной фонограммы распознать смрадное дыхание Антихриста.

Круг сварливых и озлобленных людей (например, **профсоюзы**): держаться от них подальше.

Твой дар никогда не бывает чистым и абсолютным. Только Бог может давать, ничего перед этим не взяв.

Когда неожиданно сияет – где бы то ни было – светлый луч понимания (*intelligence*), значит недалеко Бог.

Великая и прекрасная эрудиция возникает не из *libido sciendi*, а из стремления к дружбе, надежды на гармоничное общение с великими и сильными умами других эпох.

Современное общество – не модернизм, а постмодернизм. В нем господствует не атеизм, а постагезизм, потому что верить или не верить – в его глазах безразлично. Но приходится признать, что оно тяготеет и к постгуманизму, ибо альтернатива “человечный–бесчеловечный” тоже утратила весомость, поскольку, как мы слышим, человеческой природы не существует. Бесполезно возражать, что это не имеет смысла, ведь отвергается и необходимость выбора между смыслом и бессмыслицей. А потому оставим современное общество его кошмарам и выберем смысл, человека и Бога.

Он употреблял те же слова, что остальные, но у него они приобрета-ли другое эхо, потому что под ними были три этажа подземелий.

Ветхий Завет – педагог по отношению к Новому. Педагог в античности был рабом, который отводил ребенка в школу, но сам туда не входил. У синагоги нет ключа, и она не может вырастить взрослых. По этой причине еврей, который принимает крещение, не “обращается” – во всяком случае, не в том смысле, как язычник или атеист. Ему не нужно ступать на другой путь, ему нужно, чтобы открыли дверь.

Прекрасный человек – в котором нет раздробленности.

Становясь собой, обращаешься в ничто.

Антигуманизм – иконоборство.

Техническое решение – усложнять проблему, чтобы ее разрешить. Модернист: всякий, кто верит в неизбежную ценность нигилизма. Истинная свобода в том, чтобы уметь ограничивать свою свободу»¹⁸.

Из книги Маршадье ясно, что речь идет о выборе. К **этому выбору** подталкивает сам жанр афоризма – «вспышки ясности», концентрированной мысли, противостоящей хаосу. Выбор в пользу тишины – против шума, в пользу ясности – против сумбура и хаоса, в пользу эрудиции – против невежества, в пользу дружбы – против разобщенности. Мысль – это способ общения, и афористичная мысль в особенности взывает к отклику. Выбор в пользу формы против бесформенности, ибо в бесформенности расцветает нигилизм. Выбор в пользу смысла – против бессмыслицы. В конечном счете, это гуманистический выбор. «Оставим современное общество его кошмарам и выберем смысл, человека и Бога»¹⁹.

Примечания

- ¹ *Steven Kale*. French Salons: High Society and Political Sociability from the Old Regime to the Revolution of 1848. Baltimore, 2006. P. 9/
- ² *Dena Goodman*. Enlightenment Salons: The Convergence of Female and Philosophic Ambitions. Eighteenth-Century Studies. Vol. 22. № 3. Special Issue: The French Revolution in Culture. Spring, 1989. P. 330.
- ³ *Kale*. French Salons. P. 5.
- ⁴ *Jürgen Habermas*. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Camb. (Mass.), 1989.
- ⁵ Ibid. P. 30.
- ⁶ *Elias, Norbert*. The Civilising Process: The History of Manners. Vol. 1. Oxford, 1978. P. 39–40.
- ⁷ *Landes, Joan B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca, 1988. P. 23.
- ⁸ http://infox.ru/science/past/2009/02/13/sarkozy_princesse_de_cleve.phtml
- ⁹ *Bernard Marchadier*. Eclairs de lucidité. Ad Solem: Ceneve, 2006. P. 13.
- ¹⁰ Ibid. P. 22.
- ¹¹ Ibid. P. 38.
- ¹² Ibid. P. 14.
- ¹³ Ibid. P. 9.
- ¹⁴ Ibid. P. 15.
- ¹⁵ Ibid. P. 16.
- ¹⁶ Ibid. P. 17.
- ¹⁷ Ibid. P. 42.
- ¹⁸ Ibid. P. 13–46.
- ¹⁹ Ibid. P. 33.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Галина Степанова

Общение и коммуникация: традиции и новации

Коммуникация, коммуникативность, коммуникативные сети – эти термины стали смыслообразующими для многих исследований в гуманитарных и социальных науках, почти также как нанотехнологии в естественных и технических дисциплинах. Термин «социальные коммуникации» приобрел особое звучание в связи с бурным развитием интернета, появлением в нем большого числа новых способов передачи информации, установления контактов, средств как самовыражения, так и выражения отношения к другому человеку, факту, событию, ценности. В работах по изучению социальной коммуникации авторы часто используют понятия «общение» и «коммуникация», которые иногда взаимозаменяются, а слова, выражающие эти понятия, употребляются как синонимы. Однако, эти понятия синонимами не являются, о чем свидетельствуют, например, их толкования в различных словарях. Так, **коммуникация** (от латинского *communication*) – это связь, сообщение (в самом широком смысле, в том числе, водное, воздушное, железнодорожное и т. п.), информационное взаимодействие между объектами и субъектами. Коммуникация между людьми составляет специальную область человеческой деятельности, направленную на взаимный обмен мыслями, обеспечение взаимопонимания и согласованных действий. **Общение** – взаимные сношения, деловая или дружеская связь (словарь С.Ожегова), говоря психологическим языком – это взаимодействие двух или более субъектов, состоящее в обмене между ними сообщениями, имеющими познавательный,

оценочный и эмоциональный аспекты. Общение основано на реализации особой потребности в контакте с другими субъектами, об удовлетворении которой свидетельствует возникновение эмоционального подкрепления. Нарушения общения вызывают изменения личности. В отличие от коммуникации, общение предполагает не только информационную, но и личностно-экзистенциальную связь между людьми, формирование определенных отношений. То есть коммуникация охватывает более широкий диапазон социальных взаимосвязей, коммуникацией является информационное письмо, официальное обращение Президента, газетная публикация и т. п. Даже официальная нота МИД России, содержащая негативный ответ на какое-то событие, может не совпадать с личным отношением к нему г-на С.Лаврова.

Общение, считает Б.Д.Парыгин, «представляет собой многогранный процесс взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга. Оно может рассматриваться не только как акт осознанного, рационально оформленного речевого обмена информацией, но и в качестве непосредственного эмоционального контакта»¹. Само слово *общение* в современном смысле употребляется со второй половины XIX в. Это слово не входило в общелитературный активный словарь XVIII в. и не было включено в лексическую норму русского литературного языка конца XVIII в. Оно оставалось за пределами живых литературных стилей и в первой трети XIX в. Общение – старославянизм, вошедший в древнейшую пору в состав русского литературного языка. Это слово в старославянском языке служило для передачи греч. κοινωνία и лат. communico. Те же значения – 1) сообщество, сношение, участие; 2) причастие – оно сохраняло и в языке древнерусской письменности до конца XVII – начала XVIII в.².

В современной научной литературе приводятся различные аргументы за и против отождествления этих понятия. Так, с точки зрения В.П.Конечкой «слово «общение» часто используется не в строго терминологическом смысле и обозначает процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональным переживанием собеседников. Социологи рассматривают общение прежде всего как социально обусловленный вид деятельности людей, лингвисты – как актуализацию коммуникативной функции языка в разнообразных речевых ситуациях. В отечественной психологии во второй по-

ловине XX в. этот процесс рассматривался в рамках теории деятельности, и определялся, в частности, как процесс установления и развития контактов между людьми в условиях совместной деятельности с целью обмена информацией. Термин «коммуникация» (лат. *communicatio* «делаю общим, связываю») появляется в научной литературе в начале XX в. В настоящее время он имеет, по крайней мере, три интерпретации и понимается как «а) средство связи любых объектов материального и духовного мира, б) общение – передача информации от человека к человеку, в) передача и обмен информацией в обществе с целью воздействия на него»³. По мнению А.В.Соколова⁴ отождествление категорий «общение» и «социальная коммуникация» было бы самым легким и простым решением, но есть опасность утратить при этом важные аспекты категории «общения», упущенные коммуникационными теориями. Обычно общение включается в практическую деятельность людей (совместный труд, познание, игра), хотя отмечается и возможность обособления общения в самостоятельную активность, удовлетворяющую потребности человека в контактах с другими людьми. «Социальная природа человеческой потребности в общении коренится – пишет Б.Д.Парыгин, – в необходимости совместной трудовой, познавательной, общественной и всякой другой деятельности. Без общения невозможны были бы даже элементарные акты совместной человеческой деятельности»⁵. Вместе с тем, этот автор подчеркивает многогранность процесса общения, состоящего не только в обмене информацией, но и взаимодействия и взаимовлияния, развертывания взаимоотношений, эмоционального сопереживания, соучастия и взаимопонимания.

Последние, как правило, выступают в качестве характеристик общения людей, воспитанных в российском этнокультурном пространстве (Россия, Советский Союз и снова Россия). Так, Н.О.Лосский, анализируя русский характер, особо отмечает чуткое восприятие чужих душевных состояний, из которого вытекает живое общение даже малознакомых людей друг с другом. По этому поводу он пишет: «У русского народа высоко развито индивидуальное личное и семейное общение. В России нет чрезмерной замены индивидуальных отношений социальными, нет личного и семейного изоляционизма... «Жизнь по сердцу» создаёт открытость души русского человека и лёгкость общения с людьми, про-

стоту общения, без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чуткой естественной деликатности»⁶.

Часто такие свойства общения объясняются повышенной эмоциональностью, свойственной русскому человеку, его стремлением сформировать определенные межличностные отношения даже в ситуации формального общения. Например, «давить на слезу», т. е. включить чиновника в свою проблему, эмоционально окрасить ситуацию, вызвать сочувствие и тем самым подтолкнуть к решению проблемы – довольно частый прием в практике взаимодействия людей в официальных инстанциях. Другой пример – обращение по имени и просьба посоветовать, что делать в той или иной ситуации. Существует и точка зрения, что такой перевод коммуникации в русло близкого межличностного общения – не этнокультурная особенность, а цивилизационная, уходящая корнями в традиционное общество. Впрочем, современные крупные компании, работающие на рынке услуг в России (банковские, страховые, телекоммуникационные и т. п.) реализуют формализованные коммуникативные схемы, при которых ведение дела конкретного клиента не осуществляется одним сотрудником. Любой менеджер компании, работающий с клиентами и имеющий доступ к компьютерной сети организации, может принять заявление, дать консультацию, осуществить действия по продвижению данного дела. И хотя, клиент взаимодействует с менеджером «лицом к лицу» – это акт скорее коммуникации, чем общения. При следующем визите он будет взаимодействовать с другим сотрудником. Даже, если клиент, например страховой компании, узнает, что компенсация за ущерб автомобиля составит вдвое меньшую сумму, чем он ожидал, «ничего личного», никаких способов влияния на ситуацию в рамках межличностных отношений у него нет. Таким образом реализация традиций общения в российском этнокультурном пространстве могут вступать в противоречие с современными требованиями и особенностями коммуникативного поведения, вызывая психологическую напряженность и эмоциональный дискомфорт.

Общение с окружающими людьми складывается в онтогенезе постепенно и играет важную роль в социализации человека. Уже с первых месяцев жизни, у младенца возникает потребность в общении с близким взрослым. С.Ю.Мещерякова установила, что «пер-

вым видом взаимоотношений ребенка и окружающих выступает система аффективно-личностных связей с близкими взрослыми, возникающая в процессе ситуативно-личностного общения. В первом полугодии жизни младенца они проявляются как бы в чистом виде, ибо в этот период общение ребенка со взрослым ограничивается лишь обменом положительными эмоциями»⁷. Это так называемый комплекс оживления, в котором ребенок выражает свое отношение к партнеру по общению различными экспрессивно-мимическими средствами. Особенности развития общения во многом зависят от стилей взаимодействия ребенка с матерью, формирования привязанности, стереотипов воспитания, которые достаточно устойчивы для того или иного сообщества.

В кросс-культурном исследовании⁸ изучался вопрос о традициях и формах поведения, являющихся составными частями процесса социализации в русской и немецкой (Восточно-берлинской) семье, условиях взаимодействия матери и ребенка (возраст детей составлял 11–13 месяцев). Были установлены культурные различия в отношении интерактивных средств, которые русские матери применяли чаще в эмоциональной и гуманизирующей манере, в то время как немецкие матери предпочитали скорее прагматически направленные средства взаимодействия. Для иллюстрации приведем примеры высказываний, побуждающих ребенка к игре, ободряющих, подтверждающих и корректирующих его действия, которые анализировались в этом исследовании. Первыми приведены прагматические, более характерные для немецких матерей, вторыми – *эмоциональные* (которые воспроизводились русскими матерями):

- «Давай поиграем! Смотри: Там стоит паровоз!»;
- «Сегодня мы повеселимся! Паровоз уже идет»;
- «Подожди, Мишка тоже хочет в поезде ехать!»;
- «Мишка стоит на платформе и плачет. Что с ним такое?»;
- «Стой! Так не делают! Поверни назад!»;
- «Это очень плохо! Бедный Мишка: его не взяли на поезд!»⁹.

Как видно из примеров в первом случае коммуникативные действия матери конкретно и прагматически ориентируют ребенка на актуальную ситуацию в ясно структурированной форме. Во втором – насыщают ситуацию эмоциями и гуманизируют объекты.

Это исследование показывает, что уже на первом году жизни ребенка в традициях русской культуры, и в частности воспитания, происходит трансляция матерью эмоционально-насыщенных способов общения.

К двум годам у ребенка формируется потребность в общении со сверстником. В исследовании¹⁰ проанализирована динамика развития общения со сверстниками у детей от рождения до 7 лет. В 2–3 года у ребенка в общении реализуется потребность в соучастии, в доброжелательном внимании, в 3–4 – в самовыражении, в доброжелательном внимании, в 4–6 лет – в сотрудничестве, в признании. Авторы исследования подчеркивают эмоциональную насыщенность коммуникативных действий сверстников-дошкольников, в которых выражаются самые разные эмоциональные состояния – радость и нежность, обида и озлобление.

Развитие эмоционально-насыщенных способов общения в онтогенезе подкрепляется русскими народными сказками. «У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще», – пишет Н.О.Лосский¹¹. Это выражается в обилии уменьшительно-ласкательных имен, обращений, названий животных и предметов как в сказках, так и повседневной жизни: Иван-Иванушка-Ванюша, сестрица Аленушка, Мария-Машенька, Конек-Горбунок, мышка-нарушка, лягушка-квакушка, лисичка-сестричка, зайчик, волчок, батюшка, матушка, ребятушки, хвостик-хвосток, яичко и т. п. Например, в сказке «Волк и козлята»:

– Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Во многих сказках в диалогах звучит сочувствие и предлагается помощь:

«Пробудился Иван-царевич, видит – коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня – одни кости обглоданные... Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит. Откуда ни возьмись бежит к нему серый волк: Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил? – Как

же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня. – Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь? – Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу... – Я один знаю, где она живет. Так и быть – коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче» («Иван-царевич и серый волк»).

Отчетливо выражаются не только положительные, но и отрицательные эмоции:

«И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: – Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!» («Морозко»)¹².

Описывая русское коммуникативное поведение, И.А.Стернин в частности отмечает следующие характерные черты, отличающие его от коммуникативного поведения жителей западноевропейских стран: «...общительность, искренность в общении, эмоциональность общения, приоритетность “разговора по душам” перед другими видами общения, приоритетность неофициального общения, нелюбовь к светскому общению, стремление к паритетности и простоте в общении, стремление к поддержанию постоянного круга общения, любопытство и стремление к широкой информированности в общении, ситуативно-тематическая свобода общения, тематическое разнообразие, проблемность общения, свобода подключения к общению других, доминантность в разговоре, регулятивность общения, оценочность общения, дискуссионность общения, бескомпромиссность в споре, отсутствие традиции “сохранения лица” побежденного в споре собеседника...»¹³.

Насколько эти характерные черты соответствуют современному коммуникативному поведению, в особенности деловому – большой вопрос. Так, Н.Бутомо и А.Сушевская приводят свои характеристики, такие как, например, неопределенность высказываний, монологичность, высокий контекст, которые затрудняют информационный обмен в деловой коммуникации. По мнению авторов работы: «Неопределенность в коммуникации дает преимущества стороне, которая в коммуникации и ее результатах не заинтересована. Это развязывает ей руки. А коммуникация по определению связывает. Людей, дела, события. Ставит в зависимость. Русским

эта определенность не нужна. Общаться мы любим, но не затем, чтобы сказать друг другу правду. Правду мы и так уже знаем. Мы вычисляем ее по выражению глаз. Мы ценим это свое умение – догадаться. И не хотим дурацкими словами разрушить ту сложную определенность ситуации, которая уже живет в нас и нами принята»¹⁴. Высокий контекст, по мнению авторов, позволяет обходиться вообще без слов или с минимальным их количеством. Контекст – необходимое условие общения. Различаются собственно лингвистический и экстралингвистический контекст, т. е. ситуация, время, место и условия общения, предметный ряд, самих общающихся, их отношения друг к другу и т. п. Невербальный контекст всегда сопровождает вербальный, а иногда его заменяет и может раскрывать значение языковых единиц. Контекст передается включением большого количества таких речевых средств общения как интонация, паузы, темп и ритм речи, модуляция высоты, тембр и тональность голоса, а также его выразительные качества. Выражение лица, мимика, жестикуляция, позы, взгляды – эти невербальные компоненты также несут большую информационную нагрузку. Авторы упомянутой работы, употребляя словосочетание «высокий контекст», по-видимому имели в виду компенсирующий контекст, который способствует адекватному восприятию смысла в условиях не выраженности какого-либо элемента речи, а также интенсифицирующий контекст, способствующий приращению смысла в процессе восприятия текста, как бы прибавляя новые значения к уже употребленной единице речи.

По мнению упомянутых авторов в нашей культуре отсутствует обязательный для любой коммуникации четко сформулированный заранее предмет разговора и, как следствие, отсутствует цель коммуникации. Нет цели – не нужны равные позиции сторон и партнерские отношения. Ссылаясь на анализ русскоязычной драматургии, Н.Бутомо и А.Суцневская приходят к выводу о том, что монолог является основным форматом коммуникации в нашей культурной среде. Однако, как считают эти авторы, монолог – это не стиль коммуникации, а элемент самовыражения и самоутверждения. Высокий контекст и отсутствие определенности в целях и задачах коммуникации – это тоже средство самовыражения, в то время как в коммуникации должны решаться задача не самовыражения, а достижения соглашения.

Другой подход содержится в работе Я.Еремеева «Национально-культурные и языковые особенности британских и российских директивных высказываний»¹⁵. Автор изучал главные типологические особенности русского и английского языка, а также характерные черты русского и английского национального характера с целью оценить степень влияния этих особенностей на характер речевого общения, на коммуникативное поведение людей в двух рассматриваемых социокультурных средах. Анализируя примеры директивных высказываний в литературных произведениях русских и английских авторов, Я.Еремеев приходит к выводу о том, что «директивные высказывания, несмотря на наличие в них многих характеристик, независимых от конкретного языка, и определяемых самой природой коммуникации и функцией этих высказываний в ней, тем не менее, воплощаются в конкретной языковой и национально-культурной среде»¹⁶. Англо-американская среда с ее ценностями индивидуализма, рационализма, формализма и прагматичности отразилась на существующем в данной культуре способе общения. Рассматривая особенности русского речевого общения, автор ссылается на русских философов М.М.Бахтина, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева, которые исходили в своих исследованиях из таких национально-культурных особенностей как соборность, постоянное стремление к осуществлению высших ценностей в личной повседневной жизни, личностное, искреннее, ответственное отношение участников коммуникации друг к другу и к самому процессу общения, незаинтересованность формальной стороной общения и пр. Эти особенности оказали влияние на стилистику русского речевого общения, они же легли в основу диалогически-антиномического учения о языке и речевой деятельности.

Таким образом, анализ двух подходов к исследованию национально-культурных особенностей общения в русскоязычной среде показывает неоднозначность их интерпретаций с точки зрения влияния на эффективность коммуникации. Казалось бы, и в том и в другом подходе приветствуется диалогичность общения. Однако, Н.Бутомо и А.Сущевская вовсе отказывают в этом качестве русскому общению, считая его монологичным, а Я.Еремеев, опираясь на русских философов рассматривает его как диалогичное. Первые авторы ратуют за переход к более информативному прагматическому общению. Второй – считает, что

«принятие лишь прагматической точки зрения на него, к сожалению, часто приводит к сознательному, а чаще к бессознательному отношению к собеседнику как к объекту моей речевой деятельности, как к средству для достижения моих целей, что безусловно противоречит самим основам человеческой нравственности, а следовательно просто недопустимо для любого разумного и ответственного субъекта деятельности»¹⁷.

* * *

Как отразились национально-культурные особенности русского общения, насколько они устойчивы в современной коммуникативной среде? Пожалуй, воплощением такой среды является интернет, который предоставляет своим пользователям как возможности самых разнообразных коммуникаций, так и межличностного общения. Интернет-среду в современной жизни можно рассматривать в качестве не только важного источника, но и средства общения между обычными людьми. Различных видов общения посредством глобальной Сети существует множество: системы мгновенной передачи сообщений (ICQ), социальные сети, форумы, чаты, многопользовательские игры и другие. Конечно в интернет-общении существует почта, т. е. персональная личная и деловая переписка с определенными людьми, а также более современный аналог телефонных переговоров – система Скайп, которая дает возможность визуального контакта с партнером по общению. Эти последние позволяют оперативно осуществлять традиционное общение в эпистолярном и речевом жанре. Однако в данной статье я остановлюсь на анализе особенностей и возможностей тех новых средств общения, которые предоставляет интернет своим пользователям.

Одним из наиболее популярных способов существования в виртуальном мире являются блоги, персональные или домашние странички. Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментариях к блогзаписи или своих блогах). И здесь уже проявляются те особенности общения, о которых говорилось

ранее. Это, в частности, потребность в самовыражении и его подкреплении со стороны партнера по общению. Например, уже в чатах, которые положили начало массовому виртуальному общению и которые безусловно несли коммуникативную нагрузку, не менее важно оказалось удовлетворение потребности в самовыражении. В них имела значение эмоциональная составляющая, т. е. с кем человек первым поздоровается, какое количество восклицательных знаков поставит в конце предложения.

Блоги и социальные сети стали сейчас самой востребованной формой интернет-общения. В марте 2006 года информационный канал subscribe.ru провел социологическое исследование, в котором анализировались демографические особенности авторов виртуальных дневников, их интересы и увлечения, количество времени, проводимого в Интернете, и другие параметры. В ответ на вопрос: «Назовите основные причины, по которым Вы ведете дневники?» были получены следующие ответы¹⁸:

- Это позволяет самовыражаться – 57,9 %;
- Это способствует общению – 54,5 %;
- Это позволяет развлечься, отдохнуть – 49,4 %;
- Это позволяет получать полезную информацию – 21,1 %;
- Это позволяет быть специалистом в своей сфере – 9,4 %;
- Другие причины – 5,7 %;
- Это приносит дополнительные заработки – 3,2 %;
- Затрудняюсь ответить – 7,1 %.

По результатам этого обследования видно, что самовыражение и общение являются основными причинами ведения виртуального дневника. Напомню цитированных ранее авторов, которые считают монолог одним из основных способов общения в русскоязычной среде, который несет в себе важную функцию самовыражения собеседника. Вспомним советские кухни, где каждый стремился выразить свою точку зрения на ту или иную сторону жизни, получить одобрение или вступить в дискуссию. Дневник – это возможность высказаться, не опасаясь, что тебя прервут, и получить отклик. В. Волохонский¹⁹ на основании опроса блоггеров Livejournal выделяет следующие свойства дневника: событийность, эмоциональность, интимность, рефлексивность, цитатность, коммуникативность, художественность, тематичность, наличие фотографий, стихов, иных форм творчества. Сетевой дневник делает жизнь

человека публичной и позволяет ему обращаться к потенциально неограниченной аудитории. Это превосходная возможность рассказать о своей жизни и выразить себя. Причем не только посредством текста. Когда блоггерам начинает не хватать слов для рассказа о своей жизни, они осваивают другие способы самовыражения, в том числе аудио-визуальные. Самый распространенный мультимедийный объект в блогах – это изображения, большинство из которых – фотографии. Практически каждый владелец сетевого дневника, на чьем счету есть хотя бы несколько записей, хоть раз иллюстрировал запись фотографией. Вместе с текстовыми записями и фотографиями можно создавать звуковые файлы (подкасты) длительностью обычно от 5 минут до получаса. Чаще всего записи представляют собой сочетание музыки, звуковых спецэффектов и речи автора. Это своего рода персональные радиопередачи, которые можно прослушать когда угодно. Этот феномен в интернете называется подкастингом.

Зачем люди ведут блоги-дневники? Многие блоггеры разделяют себя на «читателей» (прочитал и оставил комментарий) и «писателей» (возможность сказать что-то один раз так, чтобы это услышали многие). Есть люди, основной смысл существования которых в livejournal – комментирование других и участие в разворачивающихся дискуссиях и словесных перепалках. Таким образом, В.Волохонский выделяет в блогах:

Коммуникативную функцию – общение с уже знакомыми людьми и расширение круга общения.

Функцию самопрезентации – публикации и обсуждения произведений автора (прозы, стихов, фотографий, рисунков).

Функцию развлечения – мотивом ведения дневника является проведение времени и/или «развлекательное чтение».

Функцию сплочения и удержания социальных связей – возможность поддерживать прервавшиеся в реальной жизни социальные связи и лучше узнавать своих знакомых.

В своем исследовании, направленном на изучение особенностей общения молодежи через интернет, К.Корнев²⁰ на основе ответов респондентов выделяет следующие его достоинства: анонимность, отсутствие временных и пространственных ограничений, отсутствие визуального контакта, возможность говорить все, что угодно и обманывать, возможность поговорить на самые от-

кровенные темы, простота общения и пр. К недостаткам респонденты отнесли: отсутствие визуального контакта и невербальных средств общения, возможность врать и обманывать, общение с незнакомым человеком, отсутствие эмоций и затрудненный характер их выражения, простота тем, низкий интеллектуальный уровень собеседников и пр. Интересно, что одни и те же свойства общения в интернете одними людьми рассматриваются как достоинства, другими – как недостатки.

Одним из мотивов общения в интернете вообще и ведения виртуального дневника, в частности, является выражение эмоций. Однако, многие и пользователи, и исследователи подчеркивают скудость невербальных средств интернет-общения: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики, что значительно обедняет его эмоциональную выразительность. При обычной коммуникации в акте общения невербальная коммуникация определяет до 55% результата. Потребность в эмоциональной насыщенности, как этнокультурная особенность русскоязычного общения, выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами (в скобках после основного текста послания). Это – введение в виртуальное общение суррогатных, частично типизированных эмоциональных реакций – «смайликов» (от английского «smile» – «улыбка»), которые получили чрезвычайно широкое распространение. Однако это все-таки именно суррогат эмоциональных реакций. Как пишет Т.Ю.Виноградова «Многokrатно предпринимались попытки присвоить и закрепить обозначение определенных эмоциональных состояний за определенными смайликами, однако все они оказались безуспешными... Эмоциональная палитра весьма бедна.»²¹. Набор нарисованных рожиц, которыми пользователи могут иллюстрировать свои реплики, с точки зрения автора, не могут решить проблему эмоциональной экспрессии, и других по-настоящему удачных решений пока ей не встречалось. Кроме того используется написание предложения или его части заглавными буквами, которое трактуется при интернет-общении как повышение голоса. Недостаточность или невозможность передачи в Интернете цвета, звука, движения заменяется вербальными и знаковыми аналогами – боль-

шим количеством восклицательных и вопросительных знаков, многоточий, матерных выражений. Приведем в пример отчаянный крик студентки:

«Добрый вечер Александр Александрович!!! Вы мне какую-то сложную тему курсовой дали, в интернете ничего нету... что мне делать?????»

В интернет-общении много юмора, шуток, иронии. Например, такой диалог:

«xxx:100 кг – вес взят ууу: это в жиме лежа? :)»* xxx: нет, это в на-
ступании на весы :(**)»²².

Многие исследователи выделяют такое качество интернет-общения как анонимность и почти неограниченная возможность расширения контактов, которую предоставляют современные информационно-коммуникационные технологии. В качестве примера можно привести чаты и форумы, в которых партнеры по общению представляются никами (прозвищами), предоставляя о себе только ту информацию, которой они хотели бы поделиться. Это такая особенность коммуникации, которой не было в традиционном общении. Круг общения был достаточно постоянен, а человек выстраивал взаимоотношения с определенными людьми. В интернет-общении нет никакой определенности, оно происходит с виртуальными личностями, которые могут наделять друг друга такими качествами, которых нет в реальности у партнеров по общению. Несмотря на то, что иногда можно получить некоторые сведения анкетного характера, и даже фотографию собеседника, они не дают реальной картины личности. Кроме того, часто наблюдается эффект сокрытия или презентации ложных сведений. Следствием этого является то, что общающиеся в сети люди могут проявить большую свободу высказываний (вплоть до оскорблений), передавать ложную информацию, вводить в заблуждение, практически не получая за подобные действия наказания или отрицательной оценки. Часто партнеры по общению в сети презентуют себя по-другому, чем в реальной жизни, а, при восприятии, домысливают, создают образ друг друга, отличный от реального. Таким образом не реализуется одна из основных особенностей традиционного

* :) – веселая улыбка.

** :(– грустная улыбка.

русского общения, его искренность. Впрочем, для некоторых пользователей сети именно эти свойства интернет-общения являются желаемыми. Для других – возможность в любой момент прервать контакт, т. е. добровольность общения в интернете.

Тем не менее многие пользователи стремятся уйти от анонимности и реализовать в интернете потребность в формировании дружеских связей, выражении своего отношения к реальному человеку, что также является особенностью традиционного русского общения. В качестве примера можно привести такие социальные сети как «Одноклассники», «Мой мир», Facebook и его российская копия «В контакте» – это сетевые проекты, которые помогают людям поддерживать связь с близкими людьми.

В социальных сетях пользователями устанавливаются контакты по интересам, осуществляется поиск старых и новых друзей, а также восстановление утраченных связей. В качестве основной миссии Facebook(a) ее авторы позиционируют именно поиск друзей. К ней предлагаются специальные приложения, такие как: «Что ты думаешь о друзьях» и «Что друзья думают о тебе», которая дает возможность сформировать свое отношение к определенному человеку (предлагается перечень характеристик) и узнать, что думают о тебе другие. В числе характеристик, которые предложено давать друзьям такие как: «Всегда придет на помощь»; «Не боится трудностей»; «Имеет хороший характер»; «Верный друг»; «Душа компании»; «Хорошо соображает» и т. д. Кроме того, можно узнать, как охарактеризовали твоего друга другие люди. Как видим, оцениваются деловые, интеллектуальные, коммуникативные, личностные и нравственные качества.

Таким образом, можно сказать, что интернет предоставляет возможности как для общения, так и для самовыражения. Причем если чаты и форумы строятся по типу диалога: заявление, вопрос, ответ, реплика, комментарий, то, упомянутый выше Livejournal, а также Liveinternet.ru ориентированы на дневниковую форму с большей долей самовыражения.

Существуют также сайты для поиска клиентов в тех или иных сферах услуг, профессионального общения. Например, на сайте Free-lance.ru общаются клиенты и разработчики web-проектов, обсуждаются условия разработки и требования к проекту, существуют возможности личной переписки и презентации материалов в

виде прикрепленных файлов. Таким образом, потребность в общении, реализуемая в интернете, дополняется мотивом сотрудничества. Большинство видов деятельности человека носит социальный характер как по своему содержанию, так и по своей структуре. Это означает, что деятельность предполагает разделение функций между людьми, сотрудничество между ними, обмен результатами деятельности, совместное решение проблем по ходу работы. Значительная часть людей работает в условиях совместной деятельности, используя интернет, что и определяет ориентацию пользователей на сотрудничество (а не просто на общение) с другими при работе в Интернете.

Все это позволяет говорить о деятельности человека в Интернете как новом виде деятельности, который сочетает в себе свойства различных традиционно выделяемых в психологии видов деятельности (познавательной, коммуникативной, игровой, творческой). Соответственно и мотивация пребывания в интернете может быть разной. В работе О.Н.Арестовой, Л.Н.Бабанина, А.Е.Войсунского «Мотивация пользователей интернета»²³ выделено несколько видов мотивов, в том числе коммуникативных (26 %) и самореализации (52 % респондентов). Результаты этого исследования показали, что пользователи, отмечающие наличие такой мотивации, рассматривают Интернет как способ проявления и развития собственных интеллектуальных и творческих возможностей. «По-видимому, – считают авторы, – можно говорить о едином комплексе социально ориентированных мотивов, в состав которого входят мотивы, связанные с различными аспектами делового и межличностного общения»²⁴. Конечно, интернет представляется далеко не только средством общения, у сети есть и другие функции. Например, практически неограниченные информационные возможности, т. е. использование сети для профессиональной, программистской, служебной, коммерческой, игровой деятельности и развлечений. Однако, авторы, упомянутой выше работы, отмечают изменения в динамике мотивации пользователей интернета в сторону увеличения влияния мотивов, связанных именно с межличностной коммуникацией. Коммуникативные функции интернета далеко не ограничиваются лишь общением, однако его особенности в русскоязычном интернете отчетливо проявляются.

Можно говорить о тенденции переноса некоторых особенностей общения в русскоязычной среде в виртуальную среду интернет коммуникации. Это, в первую очередь, – эмоциональная насыщенность общения. Во всяком случае отчетливо наблюдается потребность в создании виртуальных средств передачи эмоций. И хотя на данный момент эти средства довольно скудно представлены, при чтении некоторых сообщений и дневников явно ощутим их эмоциональный накал, как правило, отрицательный. Понятно, что из виртуального общения (не считая закрытых личных писем) практически исчезли персональные обращения. Никаких «девушек», «гражданок», «коллег», «отцов» и «матерей», которые характерны для обращений к незнакомым людям в традиционном общении, – в публичном интернет-общении не наблюдается. Человек обращается к обезличенной массовой аудитории без пола, возраста, профессии, часто со словами «Всем привет!», а то и вовсе без приветствия. Место уменьшительно-ласкательным именам осталось лишь в прозвищах-никах.

Для интернет-общения характерны обращения за советом часто в форме, которая более присуща традиционному общению. Приведу весьма выразительный пример обсуждения вопроса, как передвигаться по Германии, как вести себя в стране. На форуме звучат такие просьбы:

«Люди добрые-расскажите, подскажите.....а?

В это воскресенье (на день) с девчонками хотим поехать во Франкфурт,а сами мы из Мюнхена, вроде бы проблемы как токовой и нет, да вот просто не знаем ничего: что? куда? откуда? и Почему? Кто ездил, если не затруднит расскажите по подробнее пожалуйста)) ПАСИБКИ))))».

Народ, подскажите плиз, очень нужна помощь!!! Еду в Германию по учебной визе. Прилетаю в Мюнхен, оттуда автобусом в Пассау. Билет у меня в оба конца, но обратно планирую лететь из Копенгагена (билет из Копена в Москву к моменту поездки уже будет на руках). Вопрос номер РАЗ: смогу ли я в Мюнхене продать билет (который Мюнхен-Москва)? Вопрос номер два: как мне лучше и ДЕШЕВЛЕ купить билет не поезд Мюнхен-Копенгаген?? мне пофиг на удобства, лишь бы добраться в целости и сохранности без сбоев... я читал сайт Дойче-бана... там уйма непонятных мне тарифов! проконсультируйте, если не сложно...»²⁵.

И люди охотно делятся своим опытом, тратят свое время на консультацию постороннему человеку, причем совершенно бескорыстно.

В виртуальной среде, как уже отмечалось, реализуется и приобретает еще большую значимость такая традиционная особенность общения в русскоязычной среде как потребность в самовыражении. Некоторые авторы отмечают, что таким образом осуществляется в Интернете самореализации личности. Так, Н.В.Водянова считает, что информатизация и виртуализация современного социума «способствуют появлению нового типа человека, которого условно можно было бы назвать «человеком коммуникабельным» («общающимся», «контактирующим»), которому присущи свои особенности самореализации»²⁶. Вспомним о монологичности русского общения. Интернет предоставляет неограниченные возможности для монолога. Человек представлен в Интернете набором текстов, которые «сотворены» чаще всего, им самим (самопрезентации, реплики в чатах, форумах, гостевых книгах, телеконференциях, электронные публикации на веб-сайтах, блоги).

В интернете реализуются и такие свойства русского общения, как предпочтение неформального общения, доминантность и бескомпромиссность; пренебрежение нормами этикета, широта обсуждаемой информации, пониженная вежливость, оценочность общения; значение контекста, пониженный самоконтроль. В сообщениях и комментариях часто можно встретить экспрессивные обращения и далеко нелицеприятные оценки, которые весьма характерны для реального общения в транспорте, магазинах, очередях. Широта обсуждаемой информации также присутствует в виртуальном общении, люди дают свои комментарии на любую тему, развивая ее в разных аспектах: от конкретных количественных данных до обобщений и оценок. Приведу, например, выдержки из обсуждения теле-проекта «Дом-2»:

«Всем привет! Думаю, это шоу не закончится никогда. Вернее закончится это, так начнется другое. Это ж бизнес! Люди делают то, что пипл хавет!)))*** А народу нравится, когда кто-то выглядит глупее, уродливее или наглее, чем сам народ. Вот и режиссируют по телевизору, то что зрителям нужно! А кадры меняют, чтобы создать иллюзию, что участники несут отсебятину!»;

***))) – в данном случае улыбка ироническая.

«А мне противно даже не то, что участники зарабатывают на проекте деньги, строят липовые отношения, ведут себя так, что стыдно на них смотреть, а то, что люди это смотрят. Вот это самое ужасное!»;

«3,5 часа каждый день ребята тратят на приготовление обеда. Они уже уничтожили 6 тонн картофеля, 3000 кг моркови, 1600 кг рыбы и 300 кг зелени».

Для русского общения также характерно низкое внимание при слушании. Главное, как уже было сказано, – высказаться, самовыразиться. Видимо еще и поэтому так привлекательна для общающихся в интернете возможность отложить или прервать контакт, т. е. его добровольность и желательность, а также анонимность – возможность существовать в другом физическом и моральном облике. Достоинства это или недостатки виртуального общения? На этот счет мнения расходятся. Сами пользователи относят эти свойства и в группу достоинств, и в группу недостатков. Мнения исследователей также неоднозначны. Так, в статье Н.В.Водяновой приводятся разные точки зрения. Одни исследователи, на которых ссылается автор, считают, что подобное увеличение возможностей общения делает его поверхностным, количество взаимодействий поглощает качество, общение лишается глубины. Другие полагают, что «Интернет выступает в качестве виртуальной экспериментальной творческой лаборатории, в которой человек конструирует себя, получая возможность побыть кем-то другим, раскрывая свои качества, способности, невосребованные в реальной жизни»²⁷.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность сформулировать следующие выводы:

Общение в отличие от коммуникации всегда несет на себе печать личности, сформированной в определенной национальной и социокультурной среде. Этнокультурная специфичность русскоязычного общения начинает формироваться в онтогенезе с первых месяцев жизни при взаимодействии матери и ребенка и продолжается в процессе социализации, когда близкими взрослыми, сверстниками и другими людьми ребенку транслируются традиционные особенности общения, которые подкрепляются при чтении русских литературных произведений.

Интернет предоставляет человеку новые коммуникативные возможности, в том числе и для общения. Открытое Интернет-общение имеет ряд специфических особенностей, которые от-

личают его от межличностного, и прежде всего – это его деперсонификация. И тем не менее отчетливо прослеживаются тенденции переноса традиционных форм и характеристик русскоязычного общения, в первую очередь его эмоциональности и выразительности, в инновационное коммуникативное пространство Интернета.

Примечания

- 1 *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. С. 297.
- 2 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/228/>
- 3 *Конечкая В.П.* Социология коммуникации. Общение. Коммуникация. Речевая деятельность. http://society.polbu.ru/konetskaya_commsociology/ch01_i.html
- 4 *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб., 2002. <http://evartist.narod.ru/text16/074.htm>
- 5 *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. С. 329.
- 6 *Лосский Н.О.* Характер русского народа // *Вопр. философии.* 1996. № 4. С. 42.
- 7 Развитие общения дошкольников со сверстниками / Под ред. А.Г.Рузской; Науч. исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. М., 1989. С. 182.
- 8 *Анерт Л., Майшнерт Т., Шмидт А., Доскин В.А.* Кросс-культурное исследование взаимодействия матерей с детьми // *Вопр. психологии.* 1995. № 5. С. 20–30.
- 9 Там же. С. 25.
- 10 Развитие общения дошкольников со сверстниками / Под ред. А.Г.Рузской; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. С. 153–154.
- 11 *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Кн. 2-я. М., 1957. С. 8.
- 12 Выдержки из сказок приведены по <http://lukoshko.net/menurus.shtml#domestic>
- 13 *Стернин И.А.* О некоторых особенностях русского общения // *Культура общения и ее формирование.* Вып. 1. Воронеж, 1994. С. 27.
- 14 *Бутомо Н., Суццевская А.* Коммуникация по-русски. <http://www.executive.ru/community/articles/1173319/>
- 15 *Еремеев Я.* Национально-культурные и языковые особенности британских и российских директивных высказываний <http://antinomy.narod.ru/sbor.htm>
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 *Курчакова Н.* Особенности выражения эмоций в виртуальных дневниках // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet* / Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколова М.М. СПб., 2007 <http://volokhonsky.ru/internet>.

- 19 *Волохонский В.* Психологические механизмы и основания классификации блогов // Там же.
- 20 *Корнев К.* Особенности интернет-коммуникации и типы интернет-пользователей в молодежной студенческой среде // Там же.
- 21 *Виноградова Т.Ю.* Специфика общения в интернете. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 64.
- 22 Использованы примеры высказываний с сайта <http://bash.org.ru>.
- 23 *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Мотивация пользователей интернета. <http://www.hr-portal.ru/article/arestova-onbabanin-ln-boiskunskii-ae-motivatsiya-polzovatelei-interneta>
- 24 Там же.
- 25 Примеры взяты с сайта <http://forum.turizm.ru/countries/germany/000316.html>, сохранена оригинальная орфография и пунктуация.
- 26 *Водянова Н.В.* Самореализация личности в пространстве интернета в контексте коммуникативной антропологии // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2009. № 11(149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. С. 58 <http://www.lib.csu.ru/vch/149/008.pdf>
- 27 Там же. С. 61.

Закрытый Интернет-форум как средство коммуникации: bank case

На протяжении последнего десятилетия устойчиво набирает силу такая форма социальной коммуникации, как Интернет-форум. Однако в настоящее время ее изучение у нас находится в зачаточном состоянии. Это связано с целым рядом причин. Во-первых, существует мнение, что Интернет-форум по преимуществу является одной из разновидностей молодежных «тусовок», которая специфична в первую очередь своей относительной анонимностью. В связи с этим она не является полноценной формой межличностного общения и большого самостоятельного интереса для исследователя не представляет. Во-вторых, существуют гораздо более масштабные формы Интернет-коммуникаций, такие как социальные сети, где известные (и не очень) медиа-персоны имеют возможность вести свои блоги, непосредственно обращаясь к интеллектуальной части общества, комментируя происходящие в стране события. Реакция на их заявления в виде комментариев случайных читателей и постоянных подписчиков на новости представляет большой интерес для исследователя-социолога. В этом смысле по сравнению с социальными сетями форум всегда менее масштабен, более анонимен и более специализирован. Рассмотрим подробнее эти отличия.

В подавляющем большинстве случаев форум состоит из нескольких десятков (иногда сотен) активных пользователей. Однако даже на самых крупных форумах число зарегистрированных по-

сетителей обычно не превышает нескольких десятков тысяч человек. Что касается социальных сетей, то они объединяют десятки миллионов людей.

Очень редки случаи, когда на форуме оставляют записи известные в данной специальной области люди, по крайней мере под своими именами. Например, на достаточно крупном Интернет-форуме, посвященном женскому теннису, – <http://www.wtatour.ru/> – выступления известнейших российских теннисисток на международных соревнованиях не сопровождаются их собственными комментариями в открытом виде¹. То же касается и музыкальных форумов, в том числе оперных, балетных и эстрадных. На некоторых банковских форумах, где обсуждаются многочисленные банковские продукты, присутствуют анонимные «представители банков», которые в основном лишь отвечают на периодически возникающие у форумчан вопросы. Известные люди предпочитают вести личные блоги в социальных сетях, а не «тусоваться» на форумах.

Следует отметить, что из-за «камерного» характера Интернет-форума его постоянные участники обычно неплохо знают друг друга. Этому способствует возможность пользователей вступить в так называемую личную переписку, которая закрыта для глаз остальных форумчан.

В отличие от социальных сетей, на форумах не поощряется так называемый «флуд», то есть разговор не по теме. Обычно это объясняется заботой о людях. Ибо при необходимости быстро найти ответ на интересующий вопрос флуд сильно затрудняет поиски. Иногда для желающих «пофлудить» на форуме организуется специальная ветка – так называемая «курилка» или «место для отдыха».

Чаще всего форумы являются частью более общих тематических сайтов и представляют собой место, где пользователи могут задать вопрос специалисту или оставить сообщение на интересующую тему. Однако существуют форумы и как абсолютно самостоятельные образования.

Кроме того, все форумы можно разделить на открытые – познакомиться с текстами и стать активными пишущими участниками которых может каждый желающий, и закрытые – где доступ к чтению материалов форума и написанию сообщений принадлежит лишь узкому кругу лиц. Иногда один Интернет-форум может включать в себя обе части: открытую и закрытую. В качестве при-

мера можно привести так называемый форум Винского², который объединяет вокруг себя любителей путешествий. Регистрация в закрытой части там строго ограничена и производится только по рекомендации одного из участников и с одобрения всех остальных. Там обсуждаются в основном вопросы экономического характера: как можно сэкономить на билетах (а иногда и просто бесплатно совершить перелет), где выгоднее остановиться на ночлег и т. д. Такие сведения не могут распространяться в широком кругу участников форума, поскольку в открытой его части присутствуют представители турфирм, журналисты, которые тут же воспользуются ими в своих коммерческих целях.

Наибольший интерес для исследователя представляют абсолютно обособленные закрытые форумы, о существовании и местоположении которых знает лишь довольно узкая группа лиц. Однако их воздействие на определенные сегменты социальной жизни может быть достаточно велико, что мы и попытаемся показать в этой статье.

Крайне вероятно, что в Интернете существуют закрытые форумы, являющиеся коммуникационной площадкой для активистов и участников международных террористических сетей и радикально настроенных молодежных групп. Их поиск и получение доступа к материалам представляют колоссальную проблему даже для представителей правоохранительных органов, не говоря уже об ученых. Поэтому сколь-нибудь полно охватить интересующий нас предмет исследования сегодня практически невозможно. В связи с этим мы ограничимся здесь изучением становления и функционирования закрытых банковских форумов, а также воздействия их на современную банковскую жизнь.

* * *

В настоящий момент крупнейшим и авторитетнейшим банковским форумом является открытый форум «Банки.ру», расположенный по адресу: <http://www.banki.ru/forum/>. Он функционирует с лета 2005 г. и в настоящий момент насчитывает несколько десятков тысяч зарегистрированных пользователей, в том числе несколько сотен активных участников. Форум регулярно мониторится и мо-

дерируется представителями банковского сообщества, поэтому обмен информацией, связанной обнаружением «дыр» и «прорех» в банковских продуктах, использование которых позволяет рядовым клиентам извлекать для себя существенную материальную выгоду на абсолютно законных основаниях, представляет большую проблему для форумчан.

Актуальность беспрепятственного открытого обмена информацией стала существенно возрастать на «Банках.ру» начиная с апреля 2010 г. и достигла своего апогея где-то к концу сентября. Этому способствовал целый ряд следующих обстоятельств.

В ноябре 2008 г. крупнейший российский оператор сотовой связи Билайн впервые предоставил своим пользователям возможность оплачивать непосредственно с лицевого счета мобильного телефона не только услуги сотовой связи, но и целый ряд коммунальных услуг: ЖКУ (Москва), МГТС, Мосэнергосбыт, Ростелеком и т. д. Стоит отметить, что эта новость поначалу не привлекла к себе пристального внимания пользователей банковских форумов. Однако менее чем через год положение дел существенно изменилось.

Дело в том, что в августе 2009 г. банк ВТБ-24 совместно с компанией Билайн выпустил новую кобрендовую кредитную карту «Мобильный бонус 10 %». Данная карта позволяет ее владельцу получать «денежный бонус в размере 10 % от суммы платежей за мобильную связь “Билайн”, совершенных со счета карты с помощью услуги “Мобильный платеж”»³. В соответствии с правилами пользования этим банковским продуктом на общую сумму дающих бонусы платежей было установлено ограничение в размере 15 тыс. рублей в месяц. Соответственно, максимально возможный бонус составляет 1500 рублей в месяц по одной карте. Перевод денег с такой карты на лицевой счет мобильного телефона с последующей оплатой коммунальных услуг позволяет пользователю сэкономить до 10 % средств. Экономия на этих операциях в среднем достигала 300–500 рублей в месяц и зависела исключительно от величины платежа. Привлекательность ситуации состояла также в том, что карту «Мобильный бонус» при определенных условиях клиент мог получить абсолютно бесплатно (на первый год обслуживания)⁴.

В конце апреля 2010 г. Билайн ввел для своих клиентов еще одну интересную услугу – «Мобиденьги»⁵. Она, говорится на сайте Билайна, «позволит вам <...> переводить денежные средства

на банковскую карту, на банковский счет в российском банке»⁶. Комиссия за данную операцию устанавливалась в размере 2,95 % от суммы перевода, что позволяло владельцу карты «Мобильный бонус» не только экономить на платежах, но и получать ежемесячную прибыль в размере 1000 рублей⁷. Разумеется, распространение такой информации на форуме «Банки.ру» среди его участников происходило при помощи двусмысленных намеков. Позднее в целях безопасности участники по собственной инициативе наложили запрет на обсуждение данной темы даже таким способом.

В июне 2010 г. банк ВТБ-24 анонсировал выпуск новой кредитной карты «Мои условия», в правилах обслуживания которой говорилось: «Банк будет возвращать обратно на счет карты 5 % с покупок в выбранной категории и 1 % с любых других трат, включая оплату через Интернет. Чтобы пользоваться бонусом, вам достаточно аккуратно погашать кредит и не допускать просрочек. По карте действуют три бонусных категории: автозаправки; рестораны, бары, кафе; мобильная связь. <...> При оплате картой товаров и услуг в выбранной категории ваш бонус будет максимальным – 5 % потраченной суммы»⁸.

Пользоваться этой картой, переводя деньги на мобильный телефон, а оттуда с помощью услуги «Мобиденги» на дебетовую банковскую карту с последующим снятием их в банкомате не имело большого экономического смысла, поскольку после 15 июня операция проходила практически с нулевой прибылью. Однако опытным путем было установлено, что при пересылке денежных средств с карты «Мои условия» на расчетную карту банка Тиньков Кредитные Системы (ТКС), ВТБ-24 воспринимал эту операцию как покупку товара и начислял 1 % денежного бонуса от суммы переведенных средств. Поскольку лимит перевода на расчетную карту был установлен банком ТКС в размере 300 тыс. рублей в месяц, данная операция приносила владельцу карты «Мои условия» чистую прибыль в размере 3000 рублей за календарный месяц⁹.

Этот бонус действительно был начислен владельцам карт в июле месяце. Однако уже в августе ВТБ-24 отказался выплачивать денежное вознаграждение за такие операции, признав свои действия ошибочными. При этом все прошлые бонусы были сохранены. Не исключено, что данное решение принималось руководством банка по результатам мониторинга записей на ряде бан-

ковских Интернет-форумов, в том числе и на «Банках.ру». После этого случая интерес к карте «Мои условия» упал настолько, что банку даже пришлось провести небольшую рекламную акцию, во время которой он раздавал данные карты бесплатно. Однако подлинное возрождение интереса к «Моим условиям» произошло лишь в конце октября 2010 года.

В сентябре 2010 г. произошли два интересных события, повлиявшие в дальнейшем на создание закрытых Интернет-форумов.

Во-первых, компания QIWI предоставила возможность через банкоматы ВТБ-24 бесплатно пополнять QIWI Кошельки, переводя туда деньги с любых кредитных карт платежных систем VISA и Mastercard. «Мы прислушиваемся к пожеланиям пользователей и внедряем самые востребованные сервисы. Появление такой удобной опции, как пополнение QIWI Кошелька с банковских карт – это одна из наиболее частых просьб наших клиентов, – говорит Андрей Попков, генеральный директор QIWI Кошелька. – Сотрудничество с ВТБ-24 позволило сделать пополнение QIWI Кошелька не только максимально удобным, но и выгодным: при перечислении средств комиссия не взимается»¹⁰.

Эти деньги в дальнейшем можно было бесплатно переправить на вклад в банке ТКС¹¹ с последующим бесплатным же переводом их на расчетную карту ТКС и получением наличными в любом банкомате любого банка на территории России без какой-либо комиссии.

Таким образом, владельцам банковских кредиток предоставлялась возможность бесплатного снятия кредитных средств со своих карт. Эти деньги потом можно было использовать по своему усмотрению, например, положить на банковский вклад и получать ежемесячно с этого проценты. Заметим, что при снятии кредитных средств с тех же карт через банкоматы напрямую, клиентам обычно приходится уплачивать комиссию в размере 3–5 % от суммы полученных средств, что делает такие операции для них крайне невыгодными.

Однако не эта особенность нового способа пополнения QIWI Кошелька оказалась наиболее интересной. Дело в том, что данная операция приводила также к *начислению бонусов* практически по всем известным нам бонусным банковским картам, за исключением разве что «Моих условий» от ВТБ-24. Эта особенность была обусловлена тем, что в качестве MCC-кода данной транзакции раз-

работчиками был выбран код 4814, соответствующий операциям по обслуживанию мобильных телефонов (телекоммуникационный сервис), которые не могут быть квалифицированы иначе, как «Покупка»¹². Некоторые пользователи позднее признавались, что за один только сентябрь месяц они «накрутили» по этой схеме столько миль (в частности, по платиновой карте «Газпромбанк – Аэрофлот»), что их с лихвой хватило бы на бесплатный перелет из Москвы практически в любую точку мира¹³.

Во-вторых, опытным путем было обнаружено, что количество карт «Мобильный бонус 10%», которое может заказать себе практически любой пользователь банковских услуг ВТБ-24, является неограниченным. Дело в том, что скоринговая система банка не отбрасывала анкеты клиентов, которые уже имели на руках карты «Мобильный бонус». Справедливости ради следует отметить, что первый раз данная информация просочилась на форум через самих же работников ВТБ-24 по каналам личной переписки. Более того, к каждой из этих карт оказалось возможным оформить по пять дополнительных карт с теми же функциями, что и основная, правда не бесплатно (годовое обслуживание таких карт составляет по 550 рублей в год каждая). Данная особенность была обнаружена самостоятельно одним из участников форума «Банки.ру».

Вся эта информация тщательно скрывалась теми, кто ею владел, из опасения, что она станет известна сотрудникам банков, мониторящим форум. В связи с этим в конце сентября 2010 г. группа форумчан, состоявшая из нескольких десятков человек, решила создать свой собственный закрытый Интернет-форум с целью беспрепятственного обмена информацией по законодательно разрешенным способам извлечения прибыли из ряда банковских продуктов, в первую очередь из кредитных карт. По каналам личной переписки инициативной группой были разосланы приглашения с просьбой в случае согласия прислать свой электронный адрес. На эти адреса в дальнейшем и были посланы ссылки на сайт нового форума.

После регистрации и более тесного знакомства участники обменялись ранее скрывавшейся по соображениям безопасности информацией, после чего воздействие на банковскую систему с их стороны стало гораздо более результативным и целенаправленным. При этом практически все эти участники продолжали также общаться и на открытом форуме «Банки.ру».

После образования закрытой коммуникативной площадки для обмена информацией произошел качественный прорыв. Весь октябрь и первую половину ноября участники форума оформляли в ВТБ-24 карты «Мобильный бонус». Количество данных карт у некоторых из них перевалило за сотню¹⁴. Кроме того, продолжалась и накрутка полётных миль по самым разным картам. На форуме шел постоянный обмен данными о возникающих трудностях и путях их преодоления.

Однако основной прорыв в работе закрытого сообщества произошел во второй половине октября. Именно тогда было обнаружено, что известная коммерческая компания «Евросеть» наладила выпуск собственной платежной карты под названием «Кукуруза»¹⁵ и для ее раскрутки организовала рекламную акцию, во время которой на все покупки, совершенные с помощью этой карты, начислялись бонусные баллы в размере 3 % от потраченной суммы. Согласно условиям, эти баллы можно было потратить только на покупку товаров в салонах «Евросети». Однако данная компания допустила значительную «брешь» в своей работе. Дело в том, что на баллы в салонах «Евросети» оказалось возможным покупать не только обычные товары, но и так называемые карты оплаты оператора сотовой связи Билайн. В результате со второй половины октября по начало декабря практически все пользователи закрытого банковского форума реализовывали довольно сложную финансовую схему, которая приносила достаточно большую финансовую прибыль¹⁶. После того как деньги были положены на карту «Кукуруза» в салоне «Евросеть», ее несли к банкомату ВТБ-24 и все содержимое отправляли на QIWI Кошелек. Оттуда деньги переводились на один из вкладов в ТКС банке, предварительно открытый по телефонному звонку, после чего этот вклад закрывался, а освободившиеся средства поступали на расчетную карту ТКС. В дальнейшем деньги снимались в ближайшем банкомате и опять отправлялись в «Евросеть» на «Кукурузу». Эта процедура носила беззатратный характер: количество денег за время прохождения цикла не уменьшалось. В дальнейшем на полученные от данной операции баллы покупались карты оплаты Билайн, деньги с которых переводились на лицевой счет мобильного телефона, после чего с помощью уже упоминавшейся услуги «Мобиденги» переправлялись на расчетную банковскую карту (чаще всего того же

ВТБ-24) и затем снимались в банкомате. В целом эта операция приносила каждому участнику Интернет-сообщества ежемесячную прибыль в размере до 25 тыс. рублей. Причем число участников не ограничивалось зарегистрированными пользователями закрытого форума. В этом процессе также были задействованы и аффилированные лица: родственники, друзья, знакомые, родственники знакомых и т. д. Убытки от этих операций терпели компания «Евросеть» и банк ТКС.

Следует заметить, что в результате этого уже к концу ноября в Москве стала ощущаться нехватка карт оплаты Билайн в салонах «Евросеть», а к концу года они практически полностью исчезли из розничной продажи. Более того, на них невозможно стало даже оформить предварительный заказ ни у продавцов «Евросети», ни на Интернет-сайте компании. При этом данные операции проводились строго в рамках закона, а также тех договоров, которые были заключены между этими компаниями и их клиентами.

Причинами убытков послужили крайне непродуманные стратегии развития данных коммерческих организаций, основанные на вере во всемогущество рекламных акций, на нежелании привлекать высококвалифицированных специалистов для составления банковских программ и проведения промо-акций. Однако основным внешним фактором дестабилизации их работы послужила мощнейшая коммуникативная площадка в виде закрытого Интернет-форума – места рождения и свободного обмена идеями между его участниками.

Важное событие произошло в начале декабря 2010 г. Банк ТКС, терпя убытки, в одностороннем порядке пошел на нарушение договора, переведя целую группу своих вкладчиков в количестве 65 человек на другой тариф, который фактически лишал их возможности пользоваться услугой пополнения вкладов при помощи QIWI Кошелек. При этом все остальные вкладчики этой услугой продолжали пользоваться. Это событие нашло отражение в СМИ, причем как электронных, так и бумажных.

Так, газета «Маркер» опубликовала статью под кричащим заглавием: «Банк Тинькова обвели вокруг пальца собственные вкладчики», в которой сообщала, что «Банк “Тинькофф кредитные системы” (ТКС) стал жертвой собственной щедрости. Бесплатное снятие денег во всех банкоматах и компенсация комиссии других

банков за безналичное зачисление средств привлекло в ТКС любителей халявы. Непродуманная тарифная политика банка позволила продвинутым клиентам реализовать схему, в результате которой банк Олега Тинькова потерял миллионы рублей. Поняв, в чем проблема, в ТКС попытались наспех ее решить и ввели специальный тариф, ограничивающий в действиях тех, кто особенно активно пользовался прорехами. Избирательный подход к клиентам чуть было не довел банк до суда, но, испугавшись последствий, банк отменил введенные ограничения»¹⁷.

Далее газета приводит слова вице-президента ТКС-банка по маркетингу Олега Анисимова, согласно которому «запрет был введен только для клиентов, которые активно пополняли вклады через QIWI-Кошелек, после чего снимали средства с депозита и заново переводили их на вклад через QIWI. Эта операция проводилась много раз, поскольку за один раз через электронный кошелек можно перевести не больше 15 тыс. руб. По словам Анисимова, этим путем проходили “огромные, миллионные обороты”, но порог отсечения негодных клиентов он назвать затруднился. На этих операциях ТКС понес “существенные потери”, поскольку комиссию за перевод средств из QIWI-Кошелька банк взял на себя»¹⁸.

Газета «Коммерсант» также откликнулась на данное событие и в статье «Риск с дистанционным управлением: ТКС-банк подвела модель бизнеса» опубликовала интересный комментарий представителя компании QIWI: «“У нас с ТКС-банком заключено соглашение, по которому его вкладчики могут перечислять средства через нашу систему, для них это бесплатная услуга, затраты на перечисление компенсирует банк”, — сообщил гендиректор “QIWI-кошелька” Андрей Попков, отказавшись раскрыть размер комиссии, взимаемой с ТКС-банка. В среднем комиссия за перевод электронных денег на банковский счет составляет 2 % от суммы»¹⁹.

Газета приходит к следующему выводу: «Причиной нецелевого использования вкладов ТКС-банка стала модель его бизнеса. В других банках “Ъ” сообщили, что или не используют пополнение вкладов через платежные терминалы и счета других банков, или делают такие услуги платными для клиента. “Есть отдельная категория клиентов, использующих различные лазейки в работе банков для получения заработка или в каких-либо собственных

целях, – говорит директор департамента платежных карт Промсвязьбанка Елена Дворовых. – В данном случае они нашли такую лазейку в системе вкладов ТКС-банка»²⁰.

Теперь вернемся к платежной карте «Кукуруза» и компании «Евросеть». Там с владельцами карт обошлись по-другому. После исчезновения из продажи карт оплаты Билайн участники закрытого форума стали накапливать баллы в надежде реализовать их при покупке других товаров в «Евросети», – смартфонов, нетбуков и т. д. Для этого была придумана новая схема, которая оказалась несколько более затратной. Участники форума привязывали свои карты к Интернет-банку «Телебанк», принадлежащему ВТБ-24, после чего переводили деньги со счета «Кукурузы» на свой текущий банковский счет. За эту операцию банк взимал с них комиссию в размере 0,5 % от суммы перевода, а «Евросеть» начисляла владельцам карты свой трехпроцентный бонус. Однако начиная с середины января 2011 г. баллы с предназначенного для них специального счета вдруг стали исчезать. Причем эти списания происходили без какого-либо уведомления клиентов со стороны компании, как предварительного, так и *postfactum*. Все попытки прояснить ситуацию, почему с «Кукурузы» списываются уже начисленные баллы, к восстановлению их в подавляющем большинстве случаев не привели. Объяснения давались во время телефонных переговоров с сотрудниками колл-центра и сводились в основном к тому, что списанные баллы были начислены по ошибке. Стоит также отметить крайний непрофессионализм программистов этой компании. Так, в январе 2011 г.²¹ участники форума опытным путем к своему изумлению обнаружили, что начисление трехпроцентного бонуса происходило даже в том случае, если деньги переводились с одной карты «Кукуруза» на другую, при условии что данная операция осуществлялась в салоне «Евросеть» его работником. Аналоги подобной «бреши» нам не известны.

Наконец обратимся к последнему фигуранту нашей статьи – банку ВТБ-24. Позиция руководства этого банка в сложившихся обстоятельствах в некотором смысле достойна восхищения. Учитывая безудержный рост числа карт «Мобильный бонус» и «Мои условия», президент банка в середине ноября отдал распоряжение о том, что число выдаваемых карт первого типа у одного клиента не может быть больше трех, а второго – больше одной. При этом он

сохранил действующими все ранее выданные карты. Так что кто-то из участников закрытого форума до сих пор по этим продуктам получает значительные ежемесячные доходы и будет это делать до тех пор, пока у карт не закончится срок действия. Правда в полной мере это касается только карты «Мобильный бонус». По «Моим условиям» с 20 апреля 2011 г. за оплату мобильной связи банк перестал начислять 5 % бонус по всем вновь выдаваемым картам, вычеркнув эту бонусную категорию из общего списка. С этой даты по «Моим условиям» действуют только две бонусные категории: автозаправки и рестораны, бары, кафе. По ранее выданным картам начисление 5 % бонуса тоже прекратится, но с 20 июля 2011 г.

* * *

Подведем итоги. Закрытый банковский форум очень тяжело исследовать, порой его просто бывает невозможно обнаружить на бескрайних просторах Интернета. Однако воздействие такой коммуникативной площадки на определенные сферы жизнедеятельности общества может быть довольно значительным. Ее участники объединены общими интересами, прекрасно знают друг друга и ставят себе достаточно конкретные, вполне осуществимые цели. Деятельности таких форумов в настоящее время не придается какого-либо значения. Однако на рассмотренном примере, названном «bank case», нам удалось показать, что подобные новообразования способны подкосить работу довольно устойчивых организаций, находя ошибки и просчеты в их отлаженной на первый взгляд повседневной жизни.

Мы видим, что Интернет сегодня из современного средства массовой информации постепенно превращается также и в место дислокации законспирированных небольших коммуникативных площадок, способных по силе воздействия сравниться с работой целого социального института.

В рассмотренном случае с банковским форумом группа молодых людей, объединенных целью получения дополнительного дохода легальным способом и не преследуя никаких деструктивных целей, в результате создания закрытой коммуникативной площадки произвела эффект, которого невозможно было достичь, если бы

участники действовали поодиночке. Из-за своей ярко выраженной синергичности (от греч. *συνεργία*: *συν* – вместе, *εργος* – действующий, действие) этот эффект оказался деструктивным для целого ряда коммерческих компаний, поскольку последние просто были не готовы к такому сценарию развития событий.

Случаи, когда Интернет-форумы, выступая в качестве коммуникативных площадок, порождают синергичный эффект деструктивного характера, нуждаются в детальном междисциплинарном исследовании с привлечением ученых из различных областей, в том числе философов и психологов, способных понимать и решать современные гуманитарные проблемы на высокопрофессиональном уровне.

В свое время британский философ Карл Поппер написал объемистый труд под названием «Открытое общество и его враги», в котором призывал западные страны покончить с так называемыми закрытыми обществами. Рассмотренный в данной статье случай показывает, что закрытые Интернет-сообщества способны выполнять позитивную функцию «санитаров» в социально-экономической жизни страны, и поэтому их деятельности не стоит препятствовать, если она не выходит за рамки установленных правовых норм. Беда лишь в том, что для таких сообществ необходим, на наш взгляд, хотя бы минимальный правовой контроль извне, наладить который в настоящее время практически невозможно.

Примечания

- ¹ Например, на этом форуме есть целые разделы, оформленные в виде отдельных веток, где любой пользователь может задать свои вопросы известным теннисисткам. Так, например, Елене Дементьевой было задано участниками форума около сорока вопросов, и ни на один из них ответа с ее стороны пока не последовало. Несмотря на это, вопросы к ней всё равно продолжают поступать. См.: URL: <http://www.wtatour.ru/index.php?showtopic=211>. Этот случай является типичным.
- ² URL: <http://forum.awd.ru/>.
- ³ URL: <http://www.vtb24.ru/personal/cards/credit/mobile/>.
- ⁴ Это касалось только так называемых карт VISA Classic.
- ⁵ С информацией о введении услуги можно ознакомиться здесь: URL: <https://mobi-money.ru/news/full/95>.
- ⁶ URL: <http://mobile.beeline.ru/msk/services/service.wbp?id=82378293-fe55-4b07-b8e6-253b959c9e2f>.

- 7 Однако с 15 июня 2010 года, несмотря на все предосторожности форумчан, комиссия была в одностороннем порядке повышена, и размер прибыли сократился до 800 рублей в месяц. С нынешним размером комиссии на перевод можно ознакомиться здесь: URL: <https://money.beeline.ru/tariff>.
- 8 URL: <http://www.vtb24.ru/personal/cards/credit/cash-back-standard/>.
- 9 Данный перевод денежных средств банк ТКС осуществлял бесплатно для своих клиентов, сам покрывая все материальные издержки. Для осуществления этого перевода нужно было позвонить в банк ТКС и продиктовать сотруднику номер банковской карты, с которой потом и снимались деньги. Разрешалось провести бесплатно не более трех переводов за месяц, каждый максимум по 100 тыс. рублей.
- 10 URL: <http://www.vtb24.ru/news/releases/7602/>.
- 11 Данная операция осуществлялась через Интернет-сайт <https://w.qiwi.ru/features.action>. Материальные затраты этого перевода компенсировал ТКС банк из собственных средств.
- 12 С полным списком MCC-кодов (Merchant Category Code) можно познакомиться здесь: URL: http://usa.visa.com/download/corporate/resources/mcc_booklet.pdf.
- 13 Вот что говорится о международных расчетных картах «Газпромбанк – Аэрофлот» на сайте Газпромбанка: «В рамках программы “Аэрофлот Бонус” на специальный счет каждого участника начисляются бонусные мили, которые Вы можете потратить любым удобным способом, определенным правилами данной программы. Компания Аэрофлот и ее партнеры предоставляют на Ваш выбор различные привилегии и просто приятные подарки. Но главное – Ваши мили могут быть использованы для оплаты авиабилетов на рейсы компании Аэрофлот и авиакомпаний, входящих в авиационный альянс Sky Team, по всему миру». (URL: http://www.gazprombank.ru/personal/bank_cards/cards/21436/.)
- 14 Соответственно, общая прибыль у этих пользователей превышала 80 тыс. рублей в месяц по данному виду карт.
- 15 Информация об этой карте расположена на сайте: <http://kykyryza.ru/>.
- 16 Максимальная сумма покупок по данной карте была ограничена 1 млн. рублей в месяц. Соответственно данная операция приносила 30 тыс. рублей баллами Кукурузы ежемесячно.
- 17 «Маркер». 17 декабря 2010 года. URL: <http://www.marker.ru/news/3035>.
- 18 Там же.
- 19 «Коммерсант» 20 декабря 2010 г. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/1561260>.
- 20 Там же.
- 21 Трёхпроцентная акция несколько раз продлялась. Информация о продлении представлена здесь: URL: <http://kykyryza.ru/#/news/all/2011/1/660652/>; <http://kykyryza.ru/#/news/all/2011/2/660939/>. Окончательно она завершилась 10 марта 2011 г.

Игорь Андреев

Интернет как прелюдия информационной цивилизации

Куда ты мчишься, Русь,
Дай ответ? –
В Интернет!..

Андрей Вознесенский

Информатизация, наиболее значимым и знаковым средством и продуктом которой можно считать Интернет, буквально ворвалась в современный мир и резко изменила социально-экономические, интеллектуально-психологические и философско-мировоззренческие ориентиры человечества. На горизонте социума будущего появились неведомые прежде виды, формы и инструменты деятельности, феномены и приоритеты образа жизни, отличные от поведенческих и психологических стандартов и алгоритмов как традиционного, так и индустриального общества. В контексте социальной философии и философии истории, закона отрицания отрицания, а также взаимосвязи технологических достижений человечества с эволюцией психики и активизацией различных отделов головного мозга человека автор акцентирует внимание на роли Интернета как средства формирования информационного общества и экономики знаний, объективно ведущих к обострению социальных противоречий и спонтанному складыванию революционных ситуаций нового типа, когда «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить и управлять на основе западноевропейских моделей рыночной экономики и парламентской демократии.

От кремниевого топора – к кремниевому чипу

На заре человечества кремниевый топор стал ключевым средством выживания наших палеолитических предков, предвестником интеллекта, культуры, цивилизации. Сегодня крохотный кремниевый чип совсем в духе гегелевского закона отрицания отрицания ознаменовал своего рода «возврат» на новой технологической основе к традициям сотрудничества и взаимопомощи, институтам непосредственной демократии и совместной хозяйственной деятельности (термин «экономика» – изобретение буржуазной эпохи), к экологическим и демографическим принципам единства человека и природы. При этом он вызвал сразу две революции в образе жизни и культуры, затронувшие не только информационно-компьютерную сферу, но и изменение условий жизнеобеспечения и общения, удобств и комфорта. Как же и почему это произошло?

Изначально первобытное присваивающее хозяйство было нацелено на элементарное выживание в условиях полустадного и полуживотного образа жизни. Земледелие и скотоводство, ремесло и торговля, ознаменовав переход от собирательства и охоты к производящему хозяйству, сыграли роль социально-экономического фундамента цивилизаций Древнего Востока, Античности и Средневековья. Символическими фигурами эпохи, открытой неолитической революцией в орудиях труда и средствах производства, формах культуры и управления, стали подневольные и эксплуатируемые народы, племена, общины, кланы, роды, артели, цехи, люди. Они использовали специальные инструменты и транспортные средства, орудия и оружие, силу человека и животных, природные свойства воды, ветра и солнца, биологию воспроизводства окультуренных растений и разведения прирученных представителей фауны. Раба называли «говорящим орудием», а крепостного «быдлом». Их уделом был тяжелый монотонный физический труд, связанный с концентрацией внимания на его предмете и пространственной характеристике бытия, с преимущественной загрузкой правого, психомоторного полушария головного мозга. Вместе с тем бурно развивались механика и химия, расширялся круг источников энергии, появились зачатки новых социальных и управленческих технологий, как производственно-хозяйственного (включая сферу отношений древневосточной, античной и феодальной соб-

ственности), так и властно регулирующего типа (государственно-правовые институты восточной деспотии и военной демократии, полиса и империи, клиентелы и абсолютизма)¹.

Ещё более масштабно преобразило мир изобретение паровой, механической, а затем и электрической машины. Инструмент, выступавший как своего рода продолжение рук мастера, стал её рабочим органом, а работник – живым придатком. Француз Жюльен Ламетри симптоматично назвал свою книгу «Человек – машина» (1747). В чреве нового типа жизнедеятельности и эксплуатации – порождения машинной индустрии – зрели отношения социального контракта и конкуренции. Труд из средства элементарного биологического выживания по мере возрастания роли интереса как социального фактора экономической эффективности превращался в работу с законодательной регламентацией длительности последней, права на ее выбор, оплату и отдых. Фокус сознания и ментальности отныне был ориентированным «на результат» и на его временные параметры, а психологическим фундаментом феномена работы стало словесно-речевое левое полушарие головного мозга (для правшей), абстрагирующее в удобном для инженерных и технических расчетов ракурсе предметы и связи окружающего мира. Для психологии индустриального человека стали характерными бизнес-доминанта или ориентация на выживание, либо их маргинальный синтез.

Компьютер вновь переворачивает ситуацию и психологический статус индивида, хотя поначалу его называют машиной, правда, электронно-вычислительной. Человек (теперь как обладатель интеллекта) в результате такого рода инверсии опять становится эпицентром хозяйственной деятельности и всех остальных сфер жизни социума. На смену механическому ритму бездушного конвейера, пронизывающему даже людей, пространственно отдаленных от него, находящихся в кабинетах и офисах, в научных лабораториях и на театральных подмостках, в дверь будущего общества всё более решительно стучится творческая деятельность. Она связана, прежде всего, с извлечением и применением информации, хранимой и преобразуемой в электронных системах, имитирующих некоторые стандартные, стереотипные, механические функции головного мозга. На заре кибернетики машина в качестве партнера человека в его отношениях с природой и другими людьми

отходит на второй план. Карл Штейнбух дал своей книге эпохи кибернетики знаковое название «Человек и автомат». Но компьютер лишен того, что является функцией правого полушария. Его потенциал креативности лимитирован отсутствием творческого вдохновения, высоких эмоций и вершинных чувств. Это обуславливает связь компьютерной эпохи с бурным всплеском экстравагантных искусств и литературных экзерсисов, экзотических массовых зрелищ и развлечений, экстремальных видов спорта и иных форм загрузки правого мозга. Антропологическое смысл этих тенденций ясен. Ведь каждый из нас – не только гражданин своей страны, но и представитель биологической популяции Homo Sapiens.

Чип и нейрон: компьютер оживает?

Поначалу информатизация опиралась на инерцию активности левого, «расчетливого» полушария, оперирующего чёткими понятиями. В этом – сила и ограниченность нынешнего компьютера. Он успешно «плодит» информационные массивы, всё более затрудняясь в поиске нужного в бесчисленных лабиринтах программ и файлов. К тому же всплыли, помимо электронного пиратства и изошрённого хакерства, чисто психологические издержки перегрузки левого полушария головного мозга: компьютерная зависимость и даже порождаемая ей «цифровая» шизофрения, игровой «алкоголизм», виртуальный секс и т. п. В результате бурно растущего отстранения человека от природного, естественного, перцептивного восприятия окружающего мира, произошла, если можно так выразиться, декартизация сознания. «Лодка» человеческого мозга резко накренилась на левый борт, подчас теряя плавучесть и рискуя пойти ко дну. «Левополушарной» науке понадобилась поддержка «правополушарного» искусства. Актуальным стало гармоничное взаимодействие полушарий, во многом определяющее человеческий потенциал эпохи и «населяющих» его сообществ.

Кстати, в самой информатике заметно обостряется соперничество чувственно воспринимаемых образов и абстрактных символов. Под нажимом успехов бионики, генетики и растущих затруднений в классификации неформализованных объектов с нечётко очерченными признаками, начинает вновь раскручивать-

ся ушедшая было в тень вторая ветвь компьютерной эволюции – квазибиологический нейрокомпьютинг с тенденцией прорыва в сторону дополнения неорганического чипа созданными живой природой информационными ресурсами клетки. Нынешний персональный компьютер представляет собой компактное электронно-вычислительное устройство, своего рода интеллектуальный инструмент, который служит для человека средством познания, развлечения и общения с избранной им динамичными кластерами и сегментами социальной среды. Ещё несколько десятилетий назад кипела дискуссия: может ли машина мыслить и не поразит ли она своего создателя – человека? Имитирующий некоторые свойства живых систем нейрокомпьютинг, функционально напоминая любознательного биологического робота, получает в дополнение к чиповому прототипу то, что в классической кибернетике носило название аналогового устройства.

«Символическая» функция компьютеров принципиально ориентирована на поиск, сбор, хранение и извлечение абстрактно-цифровой информации. «Образная» их ипостась, напротив, предполагает построение и вербально-графическое оформление информативных «портретов» исследуемых объектов, процессов, ситуаций, событий. Первая информационная система систематизирует (раскладывая по полочкам – файлам) информацию, используя двоичный код «да – нет». Она эндогенна, то есть, включается только при наличии внешнего оператора – программы, заданной извне. Вторая, напротив, настроена на самообучаемость, создание собственных ситуативных и целевых программ, претендующих на роль интеллектуальных штурманов в безбрежном и бездонном океане Интернета. Теперь он уже реально и зримо угрожает всемирным информационным потоком ненасытно любопытному человечеству. Ведь избыток информации, особенно абстрактно – цифровой затрудняет путь к истине (получению адекватного действительности и её будущим состояниям информационного результата) не меньше, чем её недостаток. К тому же этот информационный океан порой грозит свести для пользователя до уровня корыта растущая проблема ориентации в нём.

Словом, чиповый вычислительный компьютер типа познавательной супермашины открывает теоретически безграничные возможности получения декларативного, энциклопедического

знания, знаменуя вершину машинной виртуозности в сфере избавления человечества от рутинной, монотонной, отупляющей и изнуряющей работы. Компьютер, создаваемый по биологическому принципу, будет, подобно правому полушарию, «эмоционален» в смысле принципиальной способности оперировать с нечётко определёнными понятиями и вероятностными ситуациями, сможет осуществлять оценку систем и процессов путём имитации озарения творческой личности и интуиции опытного эксперта, которые, получая принципиально новый результат, обычно не могут и даже не пытаются выразить словами то, как это на них снизошло.

Нетрудно предположить, что обе ветви компьютеринга, неуклонно сближаясь, ведут к созданию мощного искусственного интеллектуально тандема (синтеза), который откроет неведомые пока перспективы (и соответственно новые проблемы) глобальной ноосферной информационной цивилизации, всё более настойчиво и энергично втискивающейся в дверь современности². Обе эти тенденции в настоящее время пытаются синтезировать разработчики человекоподобных роботов будущего, полагающие, что к 2050 году последние смогут сравниться с человеческим разумом по возможности восприятия реального мира, открывая перспективу сближения людей с кибермиром компьютеров. Корпорация INTEL **представила роботов, снабжённых основанными на моделировании органов чувств, имеющихся у рыб, датчиками электростатических полей, способных изучать окружающие предметы, не контактируя с ними напрямую.** Другой робот на основе использования новейших технологий программирования перемещений, манипулирования, восприятия и элементов искусственного интеллекта проявил способность распознавать не только лица людей, но также их жесты и фразы. И, наконец, уже создано устройство, фиксирующее мозговые импульсы своего хозяина, то есть, электрическую активность человеческого мозга и производящее обработку полученных данных в режиме реального времени, что позволит нейрокompьютеру в перспективе выполнять некоторые из тех действий конкретно-предметного характера, о которых пользователь только подумал. По близкому принципу созданы полицейские устройства, которые позволяют выявить в толпе неадекватно психологически напряжённых и эмоционально перевозбуждённых лиц, потенциально склонных к агрессивным проявлениям или криминальным, в том числе, террористическим, действиям.

Маркс ещё в то далёкое время прозорливо писал о грядущей смене машиноподобного труда – продукта индустриальной цивилизации – игрой интеллектуальных и физических сил, а также о кооперации интеллектов в эпоху, названную научно-технической революцией и эрой овеществляемого в интересах всего общества знания. Информатика открывает прежде недоступные человеку силы, предметы и закономерности окружающей и находящейся внутри него самой природы. Творческая деятельность, упорно прорастая в жизненную ткань современного бытия, незаметно, как бы исподволь подтачивает ещё недавно казавшиеся вечными господство индустрии вместе с порождёнными ею формами экономического неравенства, социального расслоения и политического антагонизма.

Становление цивилизации будущего имеет своей опорой «внутри человека» гармоничное взаимодействие обоих полушарий, всего головного мозга в целом. Константность и динамизм внешнего мира оказываются созвучными, резонансными, как бы симметричными тенденциям эволюции универсального и уникального биологического органа, каким является человеческий мозг. Как это отразится на взаимодействии человека и Интернета, пока не совсем ясно...

Вещество, энергия, информация

В нашу переломную *эпоху* человечество, начавшее свой путь в цивилизацию с преимущественного преобразования природного *вещества*, а затем сделавшее фундаментом своей деятельности получение и использование различных видов *энергии*, переходит на орбиту приоритетных операций с невещественной по своему содержанию и неэнергетической виртуальной *информацией*. Некогда вынужденный монотонный и изнуряющий *труд* эпохи неолитической цивилизации в пору становления индустриальной эры стал вытесняться институционально фиксированной и специализированной *работой*, оставляющей человеку некоторый досуг и выбор. Ныне труд и работу всё более явно теснит *творчество* как креативная деятельность, опирающаяся на использование накопленной человечеством интеллектуальной и эмоциональной

информации, её специфическую переработку, а также на фантазию и интуицию индивидуального сознания. Естественно, всё это вовсе не означает существования информации в «голом» виде, вне вещественного оформления и энергетического обеспечения. Принципиально меняется лишь удельный вес данных видов «природного сырья» и социальных форм его «переработки» в структуре человеческой деятельности. В частности, глобальные стадии всемирного цивилизационного процесса, связанные с последовательным переносом акцента человеческой жизнедеятельности на преобразование *вещества*, затем *энергии* и, наконец, *информации*, коррелируют с активностью различных структур головного мозга, способных адекватно организовать ответы на вызовы природной и социальной среды конкретной эпохи³.

Так, на стадии присваивающего хозяйства эпохи мезолита и перехода человечества к неолитической революции (VIII–III тысячелетия до н. э.), **ознаменовавшейся становлением земледелия, скотоводства, ремесла и торговли** и открывшей многовековую эпоху эксплуатации и угнетения человеком человека, в недрах которой вызревали предпосылки машинного производства и буржуазного общественного строя, основным средством труда был *инструмент*, управление которым предполагало индивидуальную психологическую ориентацию деятельности подавляющего большинства населения преимущественно «на процесс» и концентрации внимания раба или крепостного общинника главным образом на узком сенсорном поле непосредственного природного окружения. Соответственно, основная психоэмоциональная нагрузка человека ложилась на правое полушарие головного мозга и эволюционно сопряженную с ним лимбическую систему, сформировавшуюся в процессе эволюции на уровне млекопитающих.

Промышленное производство опиралось, помимо всего прочего, на использование *машины*, представляющей собой модифицированный инструмент с двигателем, требующим искусственного источника энергии (вначале силы пара, затем электричества). Психологическая ориентация работы по обслуживанию машины смещалась «на результат», а её психофизиологическим фундаментом становились левое вербальное (у правой) полушарие неокортекса и биологический автоматизм, связанный с ретикулярной

формацией головного мозга, эволюционно принадлежащей хладнокровным рептилиям. Эмоции были потеснены сухим интеллектом и волевой концентрацией внимания, в том числе на сферу отношений с окружающими людьми.

Постиндустриальная эпоха компьютера и Интернета развертывается на почве инерции лидерства левого полушария – интеллектуального (картезианского) полюса индивидуального сознания. Выдвигающаяся в центр креативной деятельности информация становится всё более виртуальной, оторванной от непосредственного чувственного восприятия, а потому на помощь абстрактным, строго логически выстроенным рассуждениям приходит эмоционально окрашенное творчество, опирающееся на фантазию, и образы, рождаемые правым полушарием головного мозга и его эволюционной предтечей – лимбической системой. Центр тяжести психологических процессов переносится на выстраивание гармонических отношений индивида с самим собой.

С выходом информатики на авансцену человеческого бытия интеллектуальная собственность, авторское право, творческий потенциал человека все заметнее теснят прежде определяющее значение недвижимости, индустриальных средств производства, земли и ее недр, источников минерального сырья и энергоресурсов. Поэтому явная недооценка интеллектуальной деятельности и её идеальных (виртуальных) продуктов тесно связана с инерцией применения к ней по аналогии вещного римского права и имущественных норм кодекса Наполеона. Но далеко не все сегодня понимают, что созидательной силой Истории всё более явно выступают не только экономика, доставшаяся нам от индустриального конвейера, но и психология творческого осмысления мира. Не столько неизвестно каким путем полученные деньги, сколько продуктивные идеи, рожденные игрой воображения в море информации. Не безалаберная и бездарная растрата отечественных недр, но развитие национального интеллекта. Не материальное богатство и престижное сверхпотребление, а идеальное знание как адекватное отражение действительности в виртуальных образах, создаваемых и преобразуемых сознанием человека с помощью информационно-компьютерных устройств, а также соотнесение стандартов образа жизни с тающими ресурсами природы и конкурентными интересами других людей.

В сравнении с веществом и энергией интеллект и информация обладают целым рядом удивительных свойств и преимуществ. Их использование и применение основанных на них технологий ноу-хау не означает уменьшения и растраты исходного научного «сырья». Популярный пример из литературы – антитеза знания и времени. Профессор на лекции передает студентам знания, а одному из них вручает свои часы. При этом он продолжает пользоваться собственными знаниями, чего нельзя сказать об отсутствующих у него часах. Интеллект неисчерпаем, как сама природа. Идеи и информация сами по себе ничего не весят. Для них не нужны вагоны, контейнеры, трубопроводы, портовые краны, грузчики. Более того, лучшие из них не изнашиваются, становятся «вечными». Технические устройства новейших поколений весьма компактны по сравнению с индустриальными аналогами, если таковые вообще имеются. Однако эти факторы в нашей экономической теории и практике хозяйственного планирования до сих пор выступают как вторичные и второстепенные.

Интернет впервые явно, реально и виртуально, объединил вещественно-энергетические аспекты бытия с когнитивными и эмоциональными сторонами человеческой психики. То, что раньше выступало как виртуальная противоположность материи и сознания, здесь смотрится синтезом «железа и кремния» с интеллектуальными наработками и программным обеспечением оптимального функционирования Сети.

Интернет тесно связан с правом и юриспруденцией прежде всего в контексте несвойственного прежним этапам истории акцентирования всё возрастающей роли в жизни человека и человечества интеллектуальной (духовной) деятельности и её продуктов. Они всё чаще выступают предметом интеллектуальной собственности, причем, не только на программные и технологические средства, используемые или транслируемые через Интернет, но и на всё более расширяющийся круг предметов человеческой деятельности. Интеллектуальная собственность предполагает право её создателей на распоряжение, владение и пользование авторизованными творениями человеческого мозга, которые могут тиражироваться на весь мир и «возмездно» передаваться другим лицам и организациям. Это резко актуализирует роль и значение в жизни общества авторского права и патентного зако-

нодательства, прежде находившихся на периферии классического вещного права. Электронная кодификация принципов и норм международного права и национального законодательства выступают надежной опорой бизнеса в виде интернет-консалтинга, интернет-переговоров, интернет-экспертиз, включая разработанную в Институте философии РАН концепцию комплексной гуманитарной и биоэтической экспертизы под углом зрения места и роли человеческого потенциала в различного рода социальных программах и инновационных проектах⁴.

Сетевое общество и информационная экономика знаний

Человечество вступает в полосу новой дифференциации. Некоторая часть населения (в основном старших возрастных групп) не имеет возможности (а часто и желания) приобрести компьютер и вообще иметь с ним дело. Другую часть составляют пользователи, для которых персональный компьютер – некий синтез забывенной пишущей машинки и, в лучшем случае, ещё и телевизора. В качестве движущей силы экономики знаний ветераны промышленной эпохи – синие комбинезоны и организаторы конвейерного производства – белые воротнички уступают место золотым свитерам – молодым компьютерщикам и программистам, мысленно разгуливающим, подобно любознательным туристам, по необъятным просторам виртуальных миров. В 1970 г. известный географ и писатель-фантаст И.М.Забелин, высказал почти крамольную для того времени мысль о том, что в условиях научно-технической революции роль рабочего класса как авангарда социального прогресса возьмёт на себя интеллигенция, ибо «интеллектуальная индустрия превращает интеллигенцию в тот единственный класс, которому принадлежит будущее»⁵. Похоже, это предположение в какоё-то мере сбывается.

Телевидение, мобильная связь и компьютер обозначили технологический и моральный износ не только системы регулирования индустриального производства, но и острый кризис порождённых им экономических, социальных и политических (властных и собственнических) отношений (институтов). На смену Гуттенберговой Галактике как доминанты информационных потоков и комму-

никативных отношений индустриального общества пришла поглотившая её Всемирная Паутина, радикально изменившая основные тенденции и регуляторы социальной жизни. Первым тенденцию дистанцирования друг от друга носителя и сообщения, *информации* как совокупности сведений и *коммуникации* как средства общения выявил Маршалл Макклюэн, рассматривавший электронную систему по аналогии с центральной нервной системой человека⁶.

Совершающийся на наших глазах процесс перехода от очаговой индустрии к хозяйственной системе, опирающейся на глобальную компьютерную Сеть, вызвал мощные, поистине тектонические сдвиги в мировых социальных, экономических, политических и психологических отношениях. Когда-то для многих миллионов людей и целых поколений внедрение инструмента и машины означали трагическое крушение привычного образа жизни, разгул насилия, разбоя и рабства, личной зависимости и эксплуатации, безработицы и обнищания, отчаяния и слепого протеста, потерю жизненных ориентиров и отвращение ко всякому труду, люмпенизацию и пауперизацию. Не проходит безболезненно современное наступление информатики и появление рядом с синими и белыми золотых «воротничков».

Не исключено, что вулканический всплеск всемирного терроризма и целого спектра патологических зависимостей, подспудно связан с панической растерянностью человека толпы перед всемогущей и вместе с тем чувственно не воспринимаемой (подобно земной гравитации и естественной радиации) виртуальностью нового миропорядка и не подготовленными естественной эволюцией психики темпами информационно-интернетовского наваждения. Грядет новая дифференциация общества, так называемый «цифровой раскол», поначалу отделяющий пользователей Интернета, и особенно программистов, от людей только книжной грамотности, дающая в перспективе приоритетные социальные преимущества ученым и компьютерщикам на фоне падения психологического престижа и самой надобности во многих «ручных» профессиях, дефицитных в индустриальную эпоху.

Шведские исследователи А.Бард и Я.Зодерквист в своей книге «Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма»⁷ полагают, что становление информационного « сетевого общества» (М.Кастельс⁸) и виртуального «коммуникативного общества»

(Ю.Хабермас⁹) создают не только информационную экономику знаний, но и новую бинарную оппозицию её ключевых действующих лиц. Это предполагает становление новой интересубъективности в пространстве сетевых структур. Привилегированным господствующим классом информационной эпохи, своего рода «сетевой элитой», становится активная, образованная, динамичная, интенсивно использующая Интернет и иные интеллектуально-компьютерные технологии как средство общения и создания социальных связей, так называемая, *нетократия*. В бурно меняющемся мире её успешные представители, в отличие от сформировавшегося в XVII в. несгибаемого картезианского человека вроде стойкого оловянного солдатика Андерсона, стремящегося в любых условиях сохранить свою заранее заданную идентичность, ориентированы на многократную смену амплуа в контексте постоянных и нередко импульсивных изменений окружающей социальной и природной среды. Для адекватного определения нетократа шведские теоретики используют понятие *дивид* (в отличие от индивида), а способность нетократа иметь одновременно множество лиц и нескончаемая череда мест пребывания сближает его с шизоидом, вследствие чего традиционный для буржуа фрейдовский психоанализ заменяет *шизоанализ*. Оба термина нетократического новояза авторы откровенно заимствовали у Жюль Делёза.

В силу неодолимых тенденций всемирной истории, нетократия постепенно, но неуклонно вытесняет на периферию социума и за его пределы «постбуржуазия» постиндустриального общества, которая, несмотря на интенсивное использование информационно-компьютерных технологий, в принципе мало отличается по мотивации экономического поведения от своих генетических предков, фундаментально исследованных Карлом Марксом. Зеркально повторяется ситуация, когда на заре капитализма восходящая на арену социальной жизни молодая и дерзкая буржуазия свергала с властного пьедестала знатную и опытную, но исчерпавшую свой прогрессивный потенциал развития родовую и придворную аристократию. В данной связи ряд авторов используют применительно к эпохе компьютера и Интернета понятие интеллектуального капитала¹⁰. Однако это синтетический термин логически, психологически, лексически и исторически тесно в сознании связано с уходящей буржуазной цивилизацией. Представляется более адек-

ватным понятие интеллектуальной ренты, ибо различные виды ренты характерны для хозяйственных систем всех «этажей» всемирной истории¹¹.

А.Бард и Я.Зодерквист исследуют постиндустриальное общество как неизбежное и вместе с тем неизбежно временное «сожительство» информационных и буржуазных социальных «миров». Шведские авторы видят психологическое и поведенческое отличие нетократа от типичного буржуа прежде всего в мотивации деятельности. Цель первого – достижение доминирующей позиции в социальных сетях и создание временных проектов; второго характеризует навязчивое стремление стать богатым: удачливым бизнесменом, создавшим свою компанию, приносящую надёжную прибыль, или политиком, материально связанным с бизнесом и/или теньвыми структурами.

Социальным антиподом нетократии, низшим классом «цифрового общества», по мнению шведских философов, выступает *косумптариат* – своего рода потребительский пролетариат. Он представляет собой массу интеллектуально деградирующих пассивных участников цепочек потребления по типу римского плебса, ведущих растительный образ жизни (поэтому на Западе их называют «диванными картофелинами»). Речь идёт о людях, как правило, не имеющих своей семьи, привычно лежащих на диване у телевизора, регулярно принимающих алкоголь, из Интернета предпочитающих стрелялки, порно и киберсекс, и вполне удовлетворяющих свои убогие социальные и культурные притязания наличием достаточного количества «хлеба и зрелищ». Скромное финансовое содержание этого инертного социального балласта создатели концепции нетократии оправдывают необходимостью и целесообразностью откупа власть придержащих от уличной преступности, протестных движений и революций со стороны инертного и вместе с тем порой непредсказуемо агрессивного плебса путём обеспечения беднейших слоёв бесплатным медицинским обслуживанием и элементарным образованием, а также поддержкой и обновлением общественной инфраструктуры, в том числе электронной.

Косумптариат отличается от промышленного пролетариата, бинарно связанного вековым противоречивым альянсом с буржуазией, тем, что он «выпал» из производственной сферы жизни, окончательно переключившись в свою потребительскую ипо-

стась. Представление о массового механизме рекрутирования косумптариата из рядов работающего пролетариата даёт конфликт Маргарет Тэтчер с горняками ставших убыточными угольных шахт. Длившаяся год и два дня забастовка шахтёров не смогла сломить упорство «железной леди», и они сдались. Части из них государство помогло получить новую профессию, главным образом в сфере обслуживания, где они стали торговыми работниками или конторскими клерками, остальные удовлетворились неплохой преждевременной пенсией. Косумптариями становятся в общем случае пауперы и люмпены, получающие пособие по безработице и не желающие утруждать себя поисками достойной работы. Жиль Делёз, предвидя появление таких людей, предложил называть тех, у кого уже атрофировалась сама потребность трудиться, *постпролетариатом*. Вместе с тем шведские социологи исключают из числа косумптариев подавляющее большинство гастарбайтеров окраин крупных европейских городов, ибо часто это – молодые энергичные люди, готовые активно бороться за место под социальным солнцем и цепко адаптироваться к условиям и требованиям новой цивилизации. Это скорее – *предпролетариат*, в том числе, аграрного, умственного и конторского труда, как его понимал яркий алжирский революционер и теоретик, врач-психиатр Франц Фанон¹².

Интернет и человек

Неудивительно, что появление Интернета оценивается порой прямо противоположным образом. Одни видят в нем реальное деяние и промысел Божий либо виртуальные изыски Верховного Разума, то есть приписывают ему роль Бога, который выведет род людской из тех тупиков эволюции, в которые оно забрело по неведению, честолюбию и гордыни. Другие, включая известного эзотерика Даниила Андреева, со слов его вдовы, считают Интернет остроумным, привлекательным и завлекательным, но все-таки дьявольским порождением и наваждением, в конечном счете, угрожающим человечеству неведомыми прежде бедами. Высказывалось также опасение, что весь мир свихнется на Интернете, сбежит в виртуальное пространство, и планета опустеет, ибо все

её население «прилипнет» к компьютерам. Вспомните: в середине XX в. противники телевидения уверяли, что неотвратимая телемания погубит цивилизацию. Ещё раньше, на заре автостроения, скептики предсказывали почти неизбежную гибель человечества под колесами лимузинов и тем более грузовиков. Элементы подобного гипертрофирования фатальной злокозненности Интернета сегодня прочно «сидят» в сознании части современников, тем более что в воронку интернетовского аутизма поначалу попадает 15–20 % пользователей. И далеко не все они благополучно из нее выбираются. В Китае по данным 2011 г. из 1.334 млн жителей 457 млн пользуются Интернетом. Из них порядка 30 млн поражены патологической интернет-зависимостью. Они могут проводить за компьютером до 18 часов в сутки. Появились скандалы и даже разводы из-за бесконечных электронных туров в другие измерения и коварных виртуальных «измен»¹³. Недаром, психологи и психиатры спешно разрабатывают специальные меры антиинтернетовского противоядия, пытаясь превентивно смягчить опасность возможной деформации и даже ломки структуры личности от притягательно-магического воздействия вездесущего Интернета.

Вместе с тем, безоговорочно видеть в Интернете знаковый символ свободы мешает весьма распространенное отождествление последней с анархизмом и хаосом в результате низкого уровня массовой киберкультуры: упрощенный доступ к Сети часто опережает формирование у пользователей и, особенно у юных программистов, интеллигентной этики интернет-поведения и интернет-общения. Кроме того, технологическая возможность произвольного и порой бесцельного кочевания по необозримым просторам интернет-пространства отнюдь не синоним абсолютной свободы, хотя бы в силу зависимости от специфического различия условий тех «регионов», куда заводит интернет-номада его компьютерный верблюд. Кукловод волею судеб, сам того подчас не замечая, вполне может оказаться игрушкой ведомой им куклы. Подобная инверсия ролей и статусов Интернета и пользователя отнюдь не всегда остается безобидным курьезом. Ведь соединения компьютера и его лоцманские функции навигации в Сети выполняют отнюдь не руки, лежащие на клавиатуре, а руководящий ими мозг человека. Отсутствие должной интернет-культуры может загнать его в глубокую пещеру аутизма или сделать заядлым

интернетголиком, вплоть до компьютерной шизофрении. Впрочем, некоторые психиатры и психологи возлагают на Интернет определенные надежды, имея в виду психически неустойчивых лиц со склонностью к агрессивным проявлениям. Возможно, есть надежда, что некоторые из них смогут удовлетворить свои антисоциальные потенции и амбиции, находясь в виртуальном пространстве, снимая тем самым стресс и тревожность, получая относительно безобидную сублимацию комплексов агрессии и/или мании преследования. Впрочем, тотальная компьютеризация может создавать для индивида иллюзорную свободу, своего рода эффект золотой рыбки в прозрачном аквариуме, то есть, ставить личность под контроль Системы, считывающей её передвижения, покупки, контакты и становящейся тем самым региональным или даже всемирным интернет-полицейским. При определенном уровне незащищенности общества высока опасность создания электронной пирамиды власти, против которой будут бессильны и мощный совокупный общественный интеллект, и достаточный уровень материальной культуры. Немало авторов видят в роли интернет-деспота саморазвивающийся искусственный Разум, в перспективе способный, согласно данному сценарию, со временем запросто поработить человечество, или вообще предлагают рассматривать земную цивилизацию как запрограммированную Свыше реальную виртуальность. При этом из виду упускается одна принципиальная в методологическом плане «мелочь»: человек может мыслить, опираясь на интуицию и творческие озарения, а компьютер и Интернет при наилучшем программном обеспечении способны лишь искать, находить и комбинировать информацию, заложенную в Сеть, но лишены сознательного, целенаправленного креативного потенциала, сравнимого с человеческим мозгом и историей цивилизации.

Люди интуитивно чувствуют психическую нагрузку, которую несёт с собой Интернет. С появлением компьютера в наиболее благополучных странах Запада отмечен феномен своего рода «бегства от будущего», навязчивое стремление части интеллектуалов спрятать голову в песок прошлого, чтобы сохранить даже ценой социальной мумификации свою индивидуальность и роскошь непосредственного человеческого общения в пику во многом деперсонализованному компьютерному «раю» и рискующей сме-

сти реальную неповторимость личности лавине искусственных (виртуальных) контактов по Интернету. Рядом с фантастикой, компьютерной графикой и сюжетами звездных войн вновь обретают популярность исторические хроники и мемуары. Становятся модными туристические экскурсии в прошлое. Неожиданно выявилось скромное обаяние палеолита. Всё более распространенной психологической отдушиной становятся «санатории», имитирующие естественную жизнь первобытной общины без денег, без налогов, без нескончаемой гонки за прибылью, без комфорта и информационно-интернетовского натиска современной цивилизации. Артур Кларк предпочел на закате компенсации информатизации, захлестывающей современный мир.

Как всякая область, имеющая отношение к социальным процессам, Интернет требует соблюдения порою жестких этических принципов и правовых норм со стороны всех пользователей и адресатов. Эта проблема становится актуальной. Первый звонок прозвенел: уже совершено убийство по Интернету. Больному, находящемуся в реанимации, вторгнувшись в госпитальный компьютер, отключили системы жизнеобеспечения. В другом случае на компьютер жертвы была передана такая специально подобранная комбинация цветов и геометрических образов, что у человека произошла остановка сердца, и он погиб буквально на глазах своих коллег, находившихся в том же помещении. Так что проблема криминала принимает в эпоху Интернета новые формы, а потому на повестке дня стоит разработка стратегии правовой защиты не только программного обеспечения и иных интеллектуальных продуктов, но и самого социума, включая жизнь и здоровье людей. Более того, в странах Тропической Африки отмечен феномен внедрения Интернета в структуру тайных ритуальных обществ¹⁴. Третья Волна (по Элвину Тоффлеру) накрывает Первую и сливается с ней, создавая негативную опасность зловещего криминального цунами.

Тем не менее, интернетика в виде интернет-педагогики и интернет-дидактики, наряду с информатикой, со временем станет не только методологической основой дистанционного образования и просвещения, но и специальным предметом преподавания (не только электронного, но и книжно-разговорного) в самых различных учебных заведениях и курсах для желающих приобщиться

к Интернету. Без его практического освоения скоро трудно будет оставаться активным и полноценным членом формирующегося гражданского общества¹⁵.

Первым технологическим прообразом Интернета можно считать созданную американскими военными в годы холодной войны «связку» из нескольких дублирующих друг друга компьютеров, расположенных в разных местах, с целью избежать полной потери управления войсками и акцией возмездия в случае атомного удара со стороны СССР. Детище Пентагона было задумано децентрализованной и антииерархической структурой. Французские философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари, пожалуй, первыми акцентировали внимание на том, что Сеть является открытой, принципиально незаконченной, неиерархической, динамически развивающейся, делокализованной информационной системой, где существенными являются не узлы связи, а линии соединения. Благодаря невозможности блокады, изоляции и цензуры Интернет стал, по их оценке, «детерриторизованной зоной свободы», принципиально неподконтрольной и превентивно оппозиционной любым проявлениям силового воздействия, в том числе со стороны диктаторских поползновений властей и иных сильных мира сего¹⁶.

Интернет открывает властным структурам, монополиям и банкам возможность, изощрённо манипулируя информацией, мощно влиять на сознание людей и тем самым на эволюцию общества в заданном «верхами» направлении, вплоть до своего рода геббельсианы – массового нейролингвистического программирования и агрессивно-назойливой рекламы чуждых сложившемуся национальному менталитету моделей поведения «вчерашнего дня» мировой истории. Одновременно уникальные возможности Интернета могут эффективно перехватывать идеологи «низов» и организаторы протестных акций загнанных в тупик нищеты и бесправия народных масс. Кроме того, Всемирная Паутина может служить средством социальной критики «верхов», политических разоблачений, агитации, пропаганды. Именно в Интернете нередко становятся прозрачными секретные материалы государственных чиновников и спецслужб. Это дает повод ряду аналитиков считать Сеть опорой демократии будущего, специфической информационной «пятой властью», что убедительно показал всемирный скандал, инициированный Викиликс.

Обострение мирового противостояния по линии Запад – Восток находит отражение в сюжетах, транслируемых различными СМИ, включая в первую очередь, Интернет. Борьба идей и выражение противоположных политических интересов перемещаются в виртуальную сферу, не теряя налёта экзотичности и художественности. В частности, в современной политической риторике Запада нередко встречается обращение к аналогиям с Римской империей в зените ее мощи и славы, тем более что Единая Европа сложилась в основном в контурах её границ. Императоры Нерон, Тиберий и римский наместник в Иудее Понтий Пилат героизируются также в устах теоретиков внешней политики США. Их антитезой в тех же СМИ выступают порой апокалипсические сценарии будущего в виде мусульманских всадников на верблюдах, картинно гарцующих на фоне рейхстага или собора Святого Петра с намёком на аналогию с древними германцами, покорившими «вечный город» Рим и разрушившими созданную им империю. Такие красочные пассажи Интернет разносит по всему миру, но они хороши лишь как метафорическое предупреждение чрезмерным амбициям верхушки золотого миллиарда и монстрам валютно-финансовой паразитивилизации (выражение А.И.Неклессы) с их некритическими претензиями на экологический и демографический паразитизм в планетарном масштабе.

Опять вспоминаются замечания Маркса о возрастающей роли науки, техники и технологий, о грядущей кооперации интеллектуальных сил человечества, о превращении овеществленной силы знания в главную составляющую всемирного хозяйства, о трансформации рутинного подневольного труда и регулируемой контрактом работы в творческий процесс, которые легли в основу его концепции научно-технической революции, призванной сменить машинное общество той эпохи. Информатизация и Интернет обещают взять на себя именно эту социальную роль, одновременно создавая серьёзную угрозу мешающему рыночному и банковскому неокapитализму Западной Европы и Северной Америки, вынесенному в страны с преобладанием традиционного менталитета под флагом «догоняющего» развития¹⁷.

Мир, благодаря информационно-компьютерной революции, эпицентром которой стал Интернет, оказался на рубеже кардинально различных цивилизаций. Между ними – разлом, бездна, пропасть, которую нельзя преодолеть в два прыжка. Прошлое об-

рушивает на наши головы нарастающий ком проблем. Справиться с ними известными методами у нас не хватает ни времени, ни сил, ни средств. Ситуация требует мировоззренческого, точнее – философского осмысления. Упорно навязываемая странам с переходной экономикой, в том числе входящих в четырёх континентальный БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), стратегия «догоняющего» развития в условиях острой экономической и политической конкуренции заведомо обречена на неуспех и добровольную консервацию отставания. Взятые сегодня за основу вчерашние ориентиры могут завтра привести... только в позавчера. Зачем же, рискуя сорваться под колеса, пытаться вскочить на подножку последнего вагона, коли разогнавшийся поезд индустриальной цивилизации мчится в исторический тупик?

**Перегнать, не догоняя: ориентация «на вчера»
приводит... «в позавчера»!**

В 60–80-х гг. XX в. автор посвятил ряд своих работ проблеме социальных сдвигов в странах Африки с акцентом на принципиальную несовместимость традиционных на континенте общинных и родо-племенных структур институтам власти и собственности, привносимых западноевропейским капитализмом, перешедшим от сверхэксплуатации собственных сограждан к беззастенчиво-разбойной эксплуатации ранее колониальных народов¹⁸. Но тогда стихийные вспышки недовольства носили в основном локализованный и разрозненный характер, в связи с общинной автаркией, массовой неграмотностью, племенной раздробленностью населения. Ситуация коренным образом изменилась с проникновением на, казалось бы, застывший в панцире своих традиций Восток интернационального, по сути своей, Интернета. Именно он сыграл роль мощного виртуального катализатора реальных протестных движений, изначально инициированных студенческой молодёжью и люмпен-интеллигенцией и охвативших на рубеже второй декады XXI в. страны Северной Африки и Ближнего Востока.

Вспыхнувшие, будто пожар в саванне, протестные движения рубежа 2010–2011 гг. в Тунисе, Египте, Ливии и других странах Ближнего Востока западные СМИ окрестили twitter- и facebook –

революциями, поскольку основная масса призывов к свержению власти передавалась посредством социальных сетей. В Египте правительство пыталось, хотя и мало успешно, заблокировать Интернет-общение на территории страны. Обострённые чуждыми традиционному сознанию капиталистическими отношениями чудовищная коррупция, кумовство, безработица, многолетнее правление одного лидера грозят повторением в Узбекистане египетского сценария, а потому власти стремятся превентивно жёстко контролировать в сетях Интернета массовые рассылки с подозрительным содержанием и обязывают операторов отключать сети по первому требованию правительства¹⁹. Руководство Китая срочно отменило налоги для 100 млн наиболее бедных граждан, а также впервые в новой пятилетке акцент развития производства делается не на абстрактное, мало понятное населению росту ВВП, а на повышение благосостояния народа. Параллельно государство усиливает контроль за деятельностью операторов Интернет – сетей.

Между тем, всё большее число стран с переходной экономикой, эффективно используя, благодаря современным информационно – коммуникативным технологиям, ресурсы мировой науки, встаёт на путь резкого (в разы и даже в десятки тысяч раз) увеличение расходов на развитие национального интеллекта, образования и теоретических исследований. В XXI в. в этом особенно преуспели Турция, Иран, Малайзия, Катар и ряд других государств. Громадную роль в этом сыграл Интернет. В Иране число пользователей Сети выросло за 10 лет с 260 тыс. до 33,9 млн, в Тунисе – со 100 тыс. до 3,8 млн человек. Кстати, экс-президент Бен Али немало сделал, внедряя самые современные технологии восстановительной медицины, чтобы эффективнее использовать уникальные курортно-климатические ресурсы страны. Уместно напомнить, что уличный торговец, совершивший публичное самосожжение, после которого в Тунисе начались протестные акции, приведшие к смене власти, имел университетский диплом, но не смог найти адекватной работы.

В панарабских революциях 2011 г. причудливо, с точки зрения стереотипов европейского сознания, переплелись интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности Интернета и мощное экзальтированно-эмоциональное воздействие самой молодой из мировых религий – ислама обеспечили прак-

тически мгновенную, поголовную (всенародную) мобилизацию протестного электората, хотя мужчины и женщины синхронно манифестировали на территориально разных площадках. Необходимо отметить также массовую готовность идти на заградительный огонь сил правопорядка, ибо, согласно Корану, статус мученика за веру даёт надежду на счастливую жизнь в раю.

В этом особенно отчётливо проявился специфический арабский вариант инверсии понятий «структура» и «власть», сформулированной М.Кастельсом. В условиях сложившейся в третьем мире, во многом благодаря распространению виртуального Интернета, межцивилизационной и межкультурной (по С.Хантингтону) реальной революционной ситуации власть коммуникативно-информационной структуры становится сильнее заскорузлой колониально-индустриальной структуры государственной, политической и экономической власти местных правителей и их камарильи.

Элвин Тоффлер, представляя будущее человечества, как напоминающий гегелевский закон отрицания отрицания возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе, приходит к выводу, что по многим признакам информационная цивилизация Третьей волны несёт в себе черты сходства с Первой волной (аграрно-общинные социумы): «Самое удивительное, что цивилизации Первой и Третьей волн более сходны между собой, чем с цивилизацией Второй волны. Иными словами, они кажутся родственными»²⁰. Причём, практическая и конституционная реализация этого родства без революций и насилия удачно осуществлена в самом центре благополучной Европы. Речь идёт об «уникальном сочетании зависимости от представителей с возможностью представлять себя самим, которое Э.Тоффлер называет полупрямой демократией – чертой цивилизации Третьей Волны, по сути дела, уже реализованном в (закреплённом Конституцией 2000 г. – *И.А.*) общинно – кантонально – конфедеративном устройстве швейцарского государства», которому в этом году исполняется 720 лет, прошедших без острых социальных протестов и международных конфликтов, без войн и революций²¹.

Интернет – глобальный феномен и планетарное достояние всего человечества, подлинные масштабы влияния которого на всемирную историю сегодня довольно трудно оценить. Разумеется,

он привнесёт в социум и в жизнь конкретных людей ещё немало фундаментальных инноваций и, порой, неожиданных сюрпризов самого различного свойства. Но такого рода умозрительные прогнозы – предмет специального фундаментального исследования.

Примечания

- ¹ *Андреев И.Л.* «Философия истории» Гегеля: к вопросу о генезисе социально-го расчленения // Философия Гегеля и современность. М., 1973. С. 208–224; *Он же.* Тенденции и стадии генезиса эксплуатации. Доклад на IX всемирный конгресс антропологических и этнографических наук. М.–Чикаго, 1973; *I.L.Andreev, D.D.Tumarkin.* Traditional Communal Structures and Some Problems of Socio-Economic Development of Pacific Islands Peoples // XIII th Pacific Sciens Congress. Vancouver, 1975 // *Moscou, Наука, 1975.* **К.Маркс не употреблял понятия «неолитическая революция»**, введённое в научный оборот в 1935 году австралийским археологом Гордоном Чайлдом. Но в набросках ответа на письмо Вере Засулич в 1881 году Маркс назвал вторичной формацией в смысле прелюдии к появлению капитализма «ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 419). Их сближало между собой наличие общинных социальных связей в среде привилегированного (эксплуататорского) класса (в первом случае) либо угнетаемых и эксплуатируемых (во втором). *Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Андреев И.Л.* Рукописная страница истории марксизма (Проблема общины и рода в рукописях К.Маркса 70–80-х гг.). М., **О методологическом значении изучения феномена неолитической революции в современной науке см.:** Вестн. РАН. 2011. № 1. С. 48.
- ² *Андреев И.Л.* Россия: взгляд из Будущего // Вестн. РАН. 2003. № 7, а также: *Андреев И.Л., Никитенко П.Г.* Россия и Беларусь: аспекты современной геополитики. Кн. 2-я // Цивилизационный процесс под углом ноосферного зренья: В 3 кн. Минск, 2002. С. 233–362.
- ³ *Андреев И.Л.* Истоки и виды энергии человеческого мозга // Энергия. 2010. № 11. С. 70–77; *Он же.* Происхождение человека и общества. – 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1988.
- ⁴ *Юдин Б.Г.* Об ответственном поведении исследователей // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4. М., 2010.
- ⁵ *Забелин И.М.* Человечество – для чего оно? М., 1970.
- ⁶ *Маклюэн М.Г.* Галактика Гуттенберга. Киев, 2001; *Спирин В.А., Попонов М.А.* Медиа-философия Маршалла Маклюэна. СПб., 2009.
- ⁷ *Бард А.* Зодерквист Я. **Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.** СПб., 2004.
- ⁸ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- ⁹ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

- ¹⁰ Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб., 2001.
- ¹¹ Андреев И.Л. Интеллектуальная рента эпохи информатизации // Вестн. РАН. 2004. № 5.
- ¹² Ульяновский Р.А. и др. Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1983. С. 306–318.
- ¹³ Андреев И.Л. Не стать бы Мухой во Всемирной Паутине // ФСБ: за и против. М., 2008. № 1.
- ¹⁴ Андреев И.Л. Там, где бессилён Интерпол // ФСБ: за и против. М., 2008. № 2.
- ¹⁵ Андреев И.Л. др. Словарь прикладной интернетологии // Компакт-диск. М., 2004.
- ¹⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.–СПб., 1998. С. 80–109.
- ¹⁷ Федотова В.Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 68; Иноземцев В.Л. Пределы догоняющего развития. М., 2000; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 247–252: раздел «Коммунизм как незападный тип модернизации».
- ¹⁸ Андреев И.Л. Община и социальные процессы в освобождающейся Африке // Вопр. философии. 1965. № 8; I.L.Andreev. La comunidad y los procesos sociales en Africa que se libera // Cuba Socialista. Gavana, 1966. № 7(59). P. 94–114; Он же. Африка: социально-классовые сдвиги // Коммунист. 1982. № 18; Он же. Осторожно с «часами» Истории. Методологические проблемы цивилизационного процесса // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 38–53; Он же. Африка на цивилизационном изломе // Вестн. РАН. 1999. № 1; Он же. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестн. РАН. 2002. № 8. С. 710–729; Он же. Тамтам сзывает посвящённых. Философские проблемы этнопсихологии. М., 2008.
- ¹⁹ РБК daily: В Узбекистане опасаются начала SMS-революции. 15.03.2011.
- ²⁰ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 539.
- ²¹ Андреев А.И. Швейцарское товарищество по присяге: реликт прошлого или воспоминание о будущем? // Вестн. РАН. 2007. № 1. С. 84–89.

Игровые компоненты коммуникации

Общение, в котором выражается эмоциональное состояние и передаются сведения о своих намерениях, об окружающей обстановке и необходимых совместных действиях присуще не только людям, но и животным. Язык общения животных – это позы, акустические сигналы, обонятельная информация, всевозможные касания. У животных можно обнаружить выразительные движения, связанные с так называемыми социальными эмоциями, например специальные жесты – приветствия друг друга. Высшие животные прекрасно разбираются в жестах и мимике друг друга. При помощи жестов они выражают не только свои эмоциональные состояния, но и побуждения, направленные на другие предметы. В животном мире широко распространен «язык» запахов. Животные семейства кошачьих, куньих, собачьих «метят» границы территории, где они обитают. По запахам животные определяют зрелость особей, выслеживают добычу, избегают врагов или опасные места – ловушки и капканы. Имеются и другие каналы связи между животными и средой, связанные с биоэлектромагнитными полями и акустическими сигналами: электромагнитная локация у рыбки нильского слоника, ультразвуковая эхолокация у летучих мышей, высокочастотные звуковые сигналы – свисты у дельфинов, инфразвуковая сигнализация у слонов. Рыбы издают много разных и характерных звуков, используя их для общения в стае. Взаимоотношения «общественных» животных иногда достигает значительной сложности [1].

Большинство животных могут использовать сигналы в их взаимодействии с другими животными. Звуки, издаваемые животными – это сигналы, выражающие их состояние, желания, чувства ярости, тревоги, любви. Звуковая сигнализация существует у большинства животных: обезьяны издают более 40 разных звуков, лошади – около 100, а вороны – до 300. Эти звуки передают общее эмоционально-психическое состояние животных – поиск корма, тревогу, агрессивность, радость общения. Высшие животные (обезьяны, собаки, дельфины и некоторые другие) понимают обращенную к ним речь человека, избирательно реагируют на эмоционально-экспрессивные ее аспекты. Эти общения заведомо примитивней коммуникаций людей, происходят на уровне первой сигнальной системы, однако существенно сложнее моделей анализа, используемых в настоящее время.

Наиболее плодотворной моделью межличностной коммуникации является кибернетическая модель К.Шеннона и У.Уивера математической теории связи (коммуникации), которая основана на аналогии с телефонной связью. Два человека, проживающие в разных странах, говорящие на разных языках и плохо понимающие язык своего абонента, вынуждены вести переговоры по телефону. При этом время разговора ограничено, а телефонная связь неустойчива.

В данной модели: источник – это тот, кто делает звонок (передает сообщение); сообщение – передаваемая информация; телефонный передатчик – кодирующее устройство, преобразующее звуковые волны в электрические импульсы; телефонный провод – канал; телефонный приемник (второй аппарат) – декодер, осуществляющий обратное преобразование электрических импульсов в звуковые волны; приемник – человек, которому адресовано сообщение. При этом разговор сопровождается постоянными помехами (шумами), возникающими на линии связи; частотный диапазон канала может быть ограниченным, а абоненты могут плохо понимать язык друг друга. Шум может возникать вследствие нечеткости кодирования, проблем с каналами, по которым передаются сигналы, или ошибок декодирования, допускаемых целевым объектом. Из этого вовсе не следует, что любое несогласие между двумя людьми можно отнести за счет шума. В этой ситуации они пытаются максимизировать количество информации, передаваемой по линии

связи. Цель анализа заключается в отделении шума от полезной информации, передаваемой источником, путем использования избыточности сигналов [2].

* * *

Согласно Шеннону, избыточность в технике коммуникации достигается либо многократным повторением одного и того же сигнала (информации), либо его дублированием с использованием других каналов связи. Таким образом, возникает модель двуканальной и далее многоканальной коммуникации.

Математическая теория связи Шеннона абстрагируется от содержания (смысла) передаваемой информации, сосредоточиваясь целиком на ее количестве: неважно, какое сообщение передаете, важно лишь, какое количество сигналов передается. С точки зрения Шеннона, информация – противоположность энтропии (хаоса, неопределенности, беспорядка), следовательно, она есть возможность уменьшения неопределенности: чем больше информации содержит система, тем выше степень ее упорядоченности (при этом Шеннон отмечает, что слишком большой объем информации также увеличивает степень неопределенности – возникает «информационный шум»).

Достоинство данной модели связано с тем, что с ее появлением возникло представление о скорости и количестве передаваемой информации. Однако модель Шеннона–Уивера имеет и ряд ограничений: она механистична – отражает преимущественно технические способы коммуникации; человек включается в нее лишь в качестве «источника» или «приемника» информации; она абстрагируется от содержания, смысла передаваемой информации, уделяя внимание только ее количеству; коммуникативный процесс в данной модели носит линейный, однонаправленный характер, обратная связь отсутствует. Преимущественно техническая ориентация данной модели до сих пор вызывает дискуссии среди специалистов о ее применимости к изучению межличностной коммуникации.

В качестве источника сообщений рассматривается «разум» коммуникатора без разъяснений, что имеется в виду. По-видимому, сообщения возникают в головном мозгу и кодируются для передачи другим людям. Источник должен иметь средства передачи ин-

формации, такое как устная речь, жесты или письмо. Сообщение кодируется и посылается как сигнал получателю, который должен декодировать данное сообщение. Конечным пунктом назначения сообщения является опять же «разум» целевого объекта, индивидуального получателя, реципиента. Эта информационная модель оказывается полезной при рассмотрении некоторых чрезвычайно важных вопросов межличностной коммуникации и применяется при использовании различных технических средств связи.

Существующие данные указывают на то, что символы используются только людьми. Поэтому символ, по-видимому, означает важный разрыв в филогенетическом ряду между людьми и всеми другими формами жизни. Язык является средством обработки информации и используется для сохранения, изменения, продуцирования и передачи информации. Анализ межличностной коммуникации был бы неполным без принятия во внимание этих символических аспектов языка. Одним из важнейших свойств символов является то, что они могут соотноситься с целыми классами объектов, и могут обладать разнообразными значениями. Тем самым, ошибки в коммуникациях оказываются не только частыми, но и неизбежными. То есть, шум становится неизбежным сопутствующим свойством межличностной коммуникации. Ситуации и взаимоотношения с другими обеспечивают контекст, в рамках которого люди могут добиваться общей интерпретации сообщений и таким образом снижать эффекты шума. Это относится к помехам, касающихся сообщения (проблемы стилистики сообщения, его языкового словаря и возможности однозначной трактовки), помех кодирования (декодирования) сообщения и отклика (проблемы поиска идентичности), помех канала прямой и обратной связи. Анализ коммуникационных преград позволяет существенно повысить эффективность обмена информацией в организации, свести к минимуму потери времени и нейтрализовать возможный ущерб от несогласованных действий сотрудников. Следует подчеркнуть, что речь идет о намеренной коммуникации. Источник информации хочет быть правильно понятым, получатель – правильно понять передаваемое.

При общении коммуникатор использует больше, чем просто слова. Вообще-то 60 % информации сообщения получается из громкости и тона голоса, которым оно было отправлено, 22 % – из языка жестов, 10 % – из конкретной ситуации, и только 8 % смыс-

ла содержат слова. По другим источникам 55 % сообщений воспринимается через выражение лица, позы и жесты, а 38 % – через интонации и модуляции голоса и всего 7 % остается словам, воспринимаемым получателем, когда мы говорим. Люди обладают селективным слухом, пониманием и памятью. Что действительно играет основную роль в сообщении, так это его смысл. Смысл же, в свою очередь, находится не в словах. Значение каждого сообщения закладывается непосредственно людьми. Одно и то же слово может иметь множество оттенков, которые зависят от тона, жестов, определенных обстоятельств, которые и наполняют смыслом набор слов. Отправитель сначала создает определенный тембр, жест, подборку слов, а потом просто посылает получившееся сообщение слушателю, который, в свою очередь, принимает это сообщение посредством своих слуховых и зрительных рецепторов. При живом общении, когда человек нам что-то говорит, мы считываем массу косвенной информации – жесты, интонацию голоса, цвет кожи, движение глаз, ширину зрачков, дыхание собеседника и даже изменения запаха тела. Что-то считывается нами сознательно, что-то бессознательно, но в любом случае содержание речи занимает меньше десятой части от всего потока информации.

Смыслы (знания, умения, эмоции, стимулы), которые коммуниканты сообщают реципиентам, не всегда бывают правдивыми, искренними, достоверными. Ложь, обман, иллюзия, лицемерие, ханжество, коварство, заблуждения – это коммуникационные явления, они не существуют вне социальной коммуникации. Звери не предают и не обманывают друг друга. У них нет инстинкта лжи и коварства, а разум их недостаточно развит, чтобы изобретать то, чего нет на самом деле.

Феномен обмана и лжи присущ обществу людей. С одной стороны, ложь всегда осуждается, как тяжкий грех. С другой стороны, ложь лжи рознь, она многолика и непреодолима. Действительно, при извлечении выгоды за счет нанесения вреда другому человеку (организация финансовых пирамид, всякие лохотроны, «наперсточники» у метро, гадалки, деятельность сект) – сопоставимо с воровством. Но обман без нанесения вреда другому и без извлечения выгоды (разновидности самооправдания своих слабостей, шалостей, неудачных действий или выражений) воспринимаются терпимо. А обман в пользу другого человека, ложь во благо или

во спасение (врач не рассказывает истинного состояния здоровья больному или стереотипный этикет) – считается нравственно обоснованной коммуникацией, обычной ложью нашей эпохи. А всякие мечты и фантазии? В работе [3] можно ознакомиться с многообразными примерами этого социального явления.

В реальной коммуникации идеал абсолютной правдивости достичь невозможно по разным причинам. Добросовестные заблуждения коммуниканта, который может не владеть полным и истинным знанием обсуждаемых фактов, сам того не подозревая; субъективизм отбора фактов, включаемых в сообщение; неравноправие социальных статусов коммуниканта и реципиента (родители и дети, военачальник и солдаты, директор фирмы и сотрудники); психологические ограничения из-за особенностей ситуации.

Не лгут только дети (до 3–4 лет) и дураки. Как утверждают психологи, среднестатистический человек лжет 170 раз в день. Причем зачастую мы этого даже не замечаем, ложь слетает с наших губ произвольно, и мы даже не осознаем, что солгали. Произносятся такие привычные для нас фразы как: «Ты прекрасно выглядишь!», «Я тебе скоро перезвоню», «Очень вкусно!», мы часто так не считаем, то есть попросту лжем. Человек, потерявший способность говорить неправду, не может сделать комплимент не очень привлекательной женщине, не может оправдаться за опоздание, теряет чувство юмора, становится скучным занудой. То есть получается, что без лжи, даже самой невинной, нам не обойтись в повседневной жизни. Обман в человеческой жизни – не только норма диалога души с телом, но и ценность воспитания и самовоспитания: «...тмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», – пишет А.Пушкин, или: «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!».

Когда коммуникант «владеет» информацией, а реципиент – нет, коммуникация приобретает модус «объект-субъект», причем «объект» рискует стать объектом манипулирования. Изложенные соображения несложно перенести на случаи, когда «объектом» становится группа людей и массовая аудитория. Любое социальное общение предпочтительней его отсутствия, информационный голод ведет к дегенерации личности [4]. Кому же хочется быть объектом манипулирования? Не удивительно, что проблеме детекции лжи посвящены многочисленные исследования [3, 5] и существует некоторый набор рекомендаций выявления дезинформации:

1. Неопределенность, неконкретность передаваемых сведений.
2. Чрезмерная, нарочитая точность описания событий (особенно отдаленных по времени).
3. Совпадение в мельчайших деталях сообщений нескольких опрашиваемых.
4. Отсутствие в описании несущественных подробностей и деталей.
5. Различное объяснение одних и тех же событий на разных этапах общения.
6. Исключительно позитивная информация о самом себе и отсутствие малейших сомнений в трактовке событий.
7. Настойчивое, неоднократное инициативное повторение каких-либо утверждений.
8. «Проговорки» (оговорки) в ходе общения, то есть невольное сообщение достоверной информации как следствие конфликтного соперничества в сознании человека правдивых и ложных вариантов объяснения или описания события.
9. Не типичные для данного человека (с учетом уровня общего развития и образования) выражения, термины и фразеологические обороты.
10. Обедненность эмоционального фона высказываний.
11. Неуместные, неоднократные ссылки на свою добропорядочность и незаинтересованность.
12. Уклонение от ответа на прямой вопрос.
13. Сокрытие того, что не может быть не известно.
15. Разброс интервалов времени между вашим вопросом и началом ответа на него.

В экстремальных случаях используется система Полиграф или ее аналоги Voice Stress Analysis, KishKish Lie Detector и др., достоверность работы которых порядка 80 %. В работах психиатров отмечается важность определения позиции своей и реципиента (родитель, взрослый, ребенок) на преднатальном этапе диалога и в некоторых случаях ее камуфлировании [4, 6].

Там, где обман, всегда тенью бежит игра. Игра – это квинтэссенция человеческого общения, это коммуникация «субъект-субъект». Игра отличается от других видов социально-культурной деятельности. *Во-первых*, всякая игра – это свободная деятельность, игра по приказу – не игра, в лучшем случае – имитация игры. Свободно войдя в игру, человек может столь же свободно из

нее выйти. Благодаря свободе, гармонической упорядоченности, отрыву от обыденности игра создает временное, ограниченное совершенство в хаосе повседневной жизни. Она удовлетворяет эстетическую потребность. *Во-вторых*, игра – это жизнь «понарошку», она не преследует получение материальных продуктов, подобно труду, но она не бесцельна. Целью игры является выигрыш, который может носить морально-эмоциональный характер; если и материальный, то важнее морально-эмоциональные стимулы, утрата которых приводит к вырождению игры в неигровое занятие. Как «царство свободы» игра противостоит обыденной реальной жизни как «царству необходимости». Демонстративное инобытие игры обуславливается замкнутостью игрового пространства, регламентированием времени начала и конца игры, периодами ее повторения; использованием костюмов, паролей, масок; обособлением игроков, ограниченностью их круга посвященными в «тайну» игры; незыблемостью добровольно принятых правил. Неуловимый симбиоз справедливости и лжи. *В-третьих*, игра представляет собой непредсказуемое, но справедливое испытание силы, упорства, отваги, находчивости, воли, интеллекта, обаяния, эрудиции игроков, и тем самым удовлетворяет эстетическую потребность. Достижение выигрыша требует нетривиальных, новаторских решений от игроков, поэтому игру можно квалифицировать как творческую продуктивную деятельность. В процессе игры не только передаются, но и создаются новые смыслы.

Развитие или модификация признаков игры, как и наполнение их несколько другим смыслом, отражает тенденции человеческой деятельности, и культуры в частности.

В игре значимым является не только и не столько содержание передаваемого, но и сам процесс передачи. Процесс становится коммуникативным. При этом резко возрастает значимость любых иных, неигровых элементов, даже нулевых – молчания, пропуска, ожидания и т. д. Это соответствует позиции Й.Хейзинги: выключение из обыденной жизни, преимущественно радостный тон деятельности, пространственное и временное ограничение, сочетание строгой определенности и подлинной свободы [7]. Игровая, творческая стихия бытия не хочет подчиняться никаким законам – это полная свобода от всего. На самодостаточности, «далеко идущей самостоятельности игры» настаивает Хейзинга. Исследователь

утверждает, что «игра лежит вне дизъюнкции мудрости и глупости», «она не знает различия истины и лжи», в игре «не заключено никакой моральной функции – ни добродетели, ни греха».

Для игры характерен особый модус существования. Одним из основных компонентов природы игры является ее двуплановость. Личность в игре находится в двух планах: реальном и условном. С одной стороны, игрок выполняет реальные действия в реальных условиях для решения разнообразных творческих или утилитарных игровых задач. С другой стороны, в этой реальности есть обязательно условность, иррациональность. При нарушении одного из планов игра всегда расстраивается. Нарушение игрового, условного плана делает игру бессмысленной, слишком похожей на обыденную жизнь. Утрата же реального плана переводит игру в чисто фантазийный план. Человек добровольно погружается в виртуальный мир, чтобы начать смотреть на реальные предметы глазами игрока, задумавшего свою игру и подбирающего для нее необходимый инструмент.

Игра является двусторонней, если между игроками существуют субъект-субъектные отношения, характеризующиеся непринужденностью, заинтересованностью, готовностью соблюдать правила игры. Но она может быть и односторонней, если не все вовлеченные в игру участники желают стать игроками или отдают себе отчет в том, что они участвуют в каких-то играх. Тогда имеют место субъект-объектные или объект-субъектные отношения, в силу которых участники-объекты становятся жертвами обмана, мистификации, заблуждения и вместо выигрыша обретают разочарование.

В двусторонней игре имеет место коммуникационный диалог. Односторонние субъект-объектные отношения свойственны управлению, где субъект «играет» с объектом, как кошка с мышью; односторонние объект-субъектные отношения присущи подражанию, розыгрышу. Игра вырождается в псевдо-игру. Таким образом, игровые ситуации хорошо коррелируют с формами коммуникативных действий.

Игра старше культуры. «Культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре». За прошедшие тысячелетия «внеразумное занятие» вместе с культурой прошло сложный путь воссоздания разнообразных смысловых ситуаций человеческой деятельности – подготовки к коллективным действиям, социализации подрастающего поколения, ритуалы, мусические искусства, праздники и развлечения.

Прошедший век актуализировал игровую индустрию. Это обусловлено немислимым ранее объемом потоков информации, пронизывающих сознание современников, а также взаимопроникновением и взаимообогащением разных культур.

К примеру, игровой элемент в журналистской практике. Это и всевозможная игра с заголовками, создание смысловых планов, ассоциативных связей, это и различного рода языковые абсурды: от простейших каламбуров до, например, сложных анекдотических вставок. Реципиент, то бишь, читатель, при получении информации дополнительно получает удовольствие оттого, что разгадывает «ход» журналиста, знает первоисточник.

Помимо обычного развлечения, цель которого привлечь аудиторию, наладить контакт, помочь легче усвоить информацию, игровой элемент, как правило, бессознательно используется, дабы аудитория как-то иначе взглянула на суть той или иной проблемы. Игра выступает в роли символического осмысления реальности. Сегодня такое игровое символическое осмысление в полной форме находит себя в новом формате игры – в интерактивной игре, взаимодействующей с актуальной информацией. Появление интерактивных игр в сегодняшней журналистике свидетельствует о том, что формируется новый уровень осмысления информации, основывающийся на современных информационных технологиях. Данный уровень осмысления информации обнаруживает формирование особой, игровой парадигмы мышления в массовой коммуникации, которая требует от человека новых познавательных ресурсов.

Практически во всех сферах человеческой деятельности возникает необходимость освоить игровые коммуникации, приобретать новые навыки и делать необычные вещи, которые кинопродюсеры, шоумены и редакторы телеканалов делают ежедневно уже многие годы. Чтобы потребитель получал удовольствие, а не раздражение от рекламного вмешательства, нужно искать непривычные формы привлечения и удержания потребительского внимания. Бестселлер 1937 г. Д.Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», по сути игровой аспект коммуникационных технологий, в современном состоянии избытка информации, в том числе через телеканалы, Интернет, обрел новый импульс своего развития. В работе [8] анализируются 5 уровней отношений, в каждом из которых свои «правила игры». Даже по названию глав видна значимость культуры общения

(Ни о чем не просите. Просите совета, а не добивайтесь контракта. Сочувствие: краеугольный камень доверия. Восприимчивость: откройте окно в свой внутренний мир. Доверительность: закон хранилища. Любопытство: умение задавать вопросы. Щедрость: изучите нужды людей. Скромность: дар объективного восприятия. Чувство юмора: живите весело. Искусство быть благодарным). В своем высшем уровне общения, уровне пентхауза, основанном на умении давать, а не получать, звучат понятия сопереживания, доверия и преданности, умения поставить себя на место другого, возможно непривычные для делового или, скажем, научного сообщества и требующие особого внимания для анализа современных и игр, и коммуникаций.

В итоге игры переходят от своей в большей мере развлекательной функции к функции коммуникативной. Игры становятся одним из видов общения. Естественно, что развлекательный компонент игр сохраняется. Игра как категория может рассматриваться в качестве одного из наиболее фундаментальных жизненных элементов. Игра – это и особая форма наслаждения, высшая степень осознанности, когда внутренняя интимность питается внешней созерцательностью. Игра противопоставляется обыденности, утилитаризму. Человек выбирает себе товарищей, друзей, близких чаще всего из числа тех, кто играет в те же игры. В этом и состоит личностное значение игр.

Литература

- [1] *Ранке Дж.* Коммуникация со всем сущим. Как понимать животных и говорить с ними. М.: Весь, 2010. 208 с.
- [2] *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 830 с.
- [3] *Кузнецов В.* Психология взаимопонимания. Неправда, ложь, обман. СПб.: Питер, 2008. 288 с.
- [4] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
- [5] *Бухарин С.Н., Цыганов В.В.* Методы и технологии информационных войн. М.: Акад. проект, 2007. 382 с.
- [6] *Нардонэ Дж., Сальвини А.* Магическая коммуникация. Стратегический диалог в психотерапии. М.: Рид Групп, 2011. 160 с.
- [7] *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс Традиция, 1997.
- [8] *Spaulding T.* It's Not Just Who You Know. N.Y.: Broadway, 2010. 308 p.

Аннотации

***Игорь Михайлов.* Теория коммуникации как методология знания о человеке**

Вопрос об эпистемологическом статусе философского знания о человеке ставится в духе Юмовой проблемы, сформулированной Кантом. Философская антропология по своей природе не может быть ни аналитической, ни синтетической. Выйти из этого парадокса помогает кантовская концепция знания о человеке как эмпирического внутреннего самоопределения субъекта, к которой примыкает витгенштейновская концепция онтологических допущений, не подлежащих эмпирической проверке в данной культуре, и концепция «культурных кодов» Лотмана.

Семиотическая теория культуры сама основывается на онтологических допущениях относительно человека и его общественной, коммуникативной природы. Таким образом, выстраивается последовательность нисхождения от концептуально-философского к научно-эмпирическому знанию о человеке: философская теория мышления и эпистемология → философская антропология как рефлексия онтологических допущений относительно человека → общая семиотическая теория коммуникации → конкретные гуманитарные науки.

Ключевые слова: философская антропология, семиотика, Юм, Кант, Витгенштейн, Лотман, онтологические допущения, семиотическая теория культуры, коммуникация

***Наталья Смирнова.* Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций**

Предметом статьи является социально-феноменологическая перспектива проблемы природы и сущности социальных коммуникаций. Рассмотрены трансцендентальные предпосылки и фундаментальные идеализации исследования социальных взаимодействий. Показан неустрашимый «зазор» между субъективным и объективным контекстом значений, преодолеваемый коммуникативными партнерами. Сформулированы методологические императивы социально-научного и гуманитарного анализа.

Ключевые слова: значение, прямые (непрямые) коммуникации, интерсубъективность, социальная феноменология

***Ирина Мелик-Гайказян.* Взаимосвязь коммуникативных процессов и динамики форм знаков**

В статье представлен концептуальный вариант взаимосвязи коммуникативных и семиотических процессов

Ключевые слова: философия процесса, событие, информационный процесс, коммуникативные процессы, семиотика

Игорь Ашмарин. Дискретность и континуальность: что первично

В работе рассматриваются некоторые коммуникативные и когнитивные аспекты знаковой и символической информации, воспринимаемой человеком. При этом выделяются различия между дискретной и континуальной компонентами этого восприятия.

Ключевые слова: дискретность, континуальность, язык, мышление, коммуникация, сознание, смысл, знак, символ

Елена Ярославцева. Коммуникативная онтология человека: принцип фокуса

Практические проблемы развития человека лежат сегодня в области возникновения новых технологий коммуникаций, которые уже давно перешли из статуса информационных в статус диалоговых, свидетельствующих о постоянно расширяющихся формах общения человека. При активном использовании компьютерных систем действует обратная связь как внутреннее объективно существующее основание любой коммуникации. В статье рассматривается коммуникация с разнообразной системой обратных связей, что определяется как коммуникативная онтология, многообразно проявляющая себя в индивидуальной и социальной системах отношений, а так же в особенностях кооперативного взаимодействия субъектов.

Ключевые слова: интерактивность человека, коммуникативная онтология, фокус, соразмерность

Юрий Гранин. Формирование российской нации: коммуникативный аспект

Для обеспечения национального (политического и культурного) единства России необходимо унифицировать коммуникативное пространство Российской Федерации, создать общее символическое поле для всех народов РФ.

Ключевые слова: интеллигенция, масс-медиа, нация, национальное государство, национализм, федерализм, образование, суверенитет

Александр Разумов. Идеи и идеологии: опыт коммуникаций XX века

Существуют идеи и идеологемы, которые, возникнув в рамках религий и философии, в дальнейшем не исчезают. Идеологии стимулируют исторический выбор. Они же отвечают за «коммуникацию», за связь поколений.

Ключевые слова: Идеи, идеологии, движения, политические партии, социализм, история

Юрий Резник. Альтернативность как способ существования личности

Статья посвящена проблеме альтернативности как основания выбора вариантов жизненного пути личности. Альтернативность автор рассматривает как «рефлексивную комплексность Ego и Alter», которая проявляется как внутри личности (субъективный аспект), так и вовне – в

отношениях с другими людьми (интерсубъективный аспект) и миром в целом (объективный аспект). С этой точки зрения личность попеременно выступает в разных ситуациях со-бытия: «Я и другие Я во мне», «Я и другие Я вне меня», «Я и мир».

Ключевые слова: альтернативность, выбор, комплексная личность, субъективный, интерсубъективный и объективный миры личности, со-бытие, Я, самость, иное, идентичность, конструктивность, рефлексивность, экзистенциальное, трансцендентное, трансперсональность

Владимир Кантор. Италия как духовный ориентир русской культуры: пять эпизодов кросс-культурной коммуникации

В статье показывается на примере контактов Италии и России продуктивность трансляции европейской культуры от Рима до Санкт-Петербурга. Выбрав пять кросс-культурных эпизодов влияния Италии на Россию, автор приходит к выводу, что они способствовали становлению идеологии великой российской империи.

Ключевые слова: Италия, Россия, Рим, Санкт-Петербург, Петр I, культура, империя, влияние, трансляция, культурная коммуникация, идеология, продуктивность

Марина Киселева. Интеллектуальная коммуникация в культуре восточных славян конца XVI–XVII вв.

В статье рассматривается материал, касающийся интеллектуальных контактов Украины, Белоруссии и России в конце XVI–XVII вв. Концепция фундируется механизмами культурного заимствования, личностной, конфессиональной, национальной и языковой идентификаций, а также идеей трансляции знания, которая осуществлялась через религиозные и литературные тексты, сформированные под влиянием западной интеллектуальной барочной культуры.

Ключевые слова: интеллектуалы в монастырях, интеллектуальные контакты, братские школы, Острожская коллегия, Киево-Могилянская коллегия, Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Московский двор 2-й половины XVII в., культура барокко

Татьяна Чумакова. «Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации

В современном обществе происходит постоянная межкультурная коммуникация, в процессе которой сталкиваются представители разных культур, поэтому вопрос о преодолении этнокультурных стереотипов восприятия «своего» и «чужого» выходит на первый план. Автор подчеркивает необходимость изучения национальных истоков образа «чужого», а также анализирует механизмы коммуникации между «своим» и «чужим» в истории русской культуры.

Ключевые слова: Древнерусская культура, межкультурная коммуникация, критерии «чуждости», история идей, ислам, христианство, иудаизм

Ольга Шульман. Афоризм как философский жанр во французской салонной культуре XVII в. и в современной французской мысли

Афоризм – философский жанр, характерный для французской культуры. Его значение связано с типом коммуникации, сложившимся во французских салонах, расцвет которых приходится на XVII–XVIII вв. Этот жанр актуален и для современной философской мысли. Согласно одному современному мыслителю, афоризм предполагает выбор в пользу гуманизма – смысла, эрудиции, дружбы, человека и Бога.

Ключевые слова: афоризм; философский жанр; салон; французская культура XVII в.; современная французская мысль; гуманизм

Галина Степанова. Общение и коммуникация: традиции и новации

В статье проводится сравнительный анализ феноменов общения и коммуникации, их специфики в российском социокультурном контексте. Анализируются психологические особенности, генезис и традиции общения в российском культурном пространстве, их влияние на деловое коммуникативное поведение, интернет-общение и другие современные способы коммуникации

Ключевые слова: коммуникация, общение, коммуникативное поведение, эмоции, мотивация, интернет, блоги, социальные сети, самореализация

Сергей Малков. Закрытый Интернет-форум как средство коммуникации: bank case

В статье рассматривается Интернет-форум как новый способ групповой коммуникации. Выявляются его отличия от социальных сетей и блогов. Одно из них состоит в способности создавать закрытые групповые Интернет-сообщества с собственной коммуникативной площадкой. Закрытые форумы обладают гигантским потенциалом воздействия на целый ряд сфер общественной жизни. В качестве примера в статье рассматривается деятельность одного закрытого банковского форума на протяжении последних шести месяцев, который оказал существенное влияние на работу ряда российских банков.

Ключевые слова: закрытый форум, коммуникативная площадка, банк, банковская карта

Игорь Андреев. Интернет как прелюдия информационной цивилизации

В контексте философии истории и социальной философии, а также взаимосвязи технологических достижений человечества с эволюцией психики и активизацией различных отделов головного мозга человека ав-

тор акцентирует внимание на роли Интернета как платформы и средства формирования информационного общества и экономики знаний, объективно ведущих к обострению социальных противоречий и спонтанному складыванию революционных ситуаций нового типа, когда «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить и управлять на основе западноевропейских моделей рыночной экономики и парламентской демократии.

Ключевые слова: Интернет, сетевое общество, экономика знаний, информация, коммуникация, интеллектуальная рента, планетарное виртуальное племя, нетократия, консумптариат, интеллигенция

Олег Скоркин. Игровые компоненты коммуникации

Механистическая модель коммуникации рассматривается как объект-объектные отношения по передаче информации. Участие рефлексирующего субъекта вносит во взаимоотношения дополнительное искажение содержания информации. Вариант объект-субъектных (подражание) или субъект-объектных отношений (манипулирование) суть псевдоигры. Субъект-субъектные отношения рассматриваются в качестве игры со всем спектром намеренной и/или ненамеренной лжи, способствующей появлению нового содержания информации.

Ключевые слова: антропология, культура, коммуникация, взаимоотношения, игры, правила, состязательность (конкуренция), ложь, обман, творчество

Summary

Igor Mikhailov. Communication Theory: From Humean Problem to Humane Knowledge

The paper poses the question of the epistemological status of humane philosophical knowledge in the light of Humean problem as articulated by Kant. Philosophical anthropology by its nature may be neither analytic nor synthetic. One can cope with this paradox with the help of Kantian conception of the knowledge of man as the empirical internal self-determination of the subject, being connected with Wittgenstein's conception of ontological assumptions that are not subject to empirical check in this very culture, as well as Lotman's conception of «cultural codes».

The semiotic theory of culture is itself based on the ontological assumptions concerning man and his social, communicative nature. Thus, shown is the sequence of descent from conceptual and philosophical to scientific and empirical knowledge of man: philosophical theory of thought and knowledge → philosophical anthropology as a reflection of ontological assumptions on man → general semiotic theory of communication → specific humanities.

Keywords: philosophical anthropology, semiotics, Hume, Kant, Wittgenstein, Lotman, ontological assumptions, semiotic theory of culture, communication

Natalia Smirnova. Phenomenological Project in the Study of Social Communications

There is an attempt in the framework of social phenomenology to answer the question of how social communications are possible, what presuppositions should be taken into consideration and what idealizations to be made. For this purpose the discrepancy between subjective and intersubjective meaning contexts to be bridged by communicating persons is studied. It is argued that there are some rules to be followed in order to meet methodological standards in social sciences and humanities.

Keywords: meaning, direct (indirect) communications, intersubjectivity, social phenomenology

Irina Melik-Gaykazyan. Interconnection of Communicative Process and Dynamic of Sign Forms

A concept version of the relationship of communicative and semiotic processes are considered in this paper.

Keywords: philosophy of process, occasion, information process, communicative processes, semiotics

Igor Ashmarin. Discreteness and Continuity of Meanings within Communication

Some communicative and cognitive aspects of sign and symbol information perceived by man are considered in this paper. The distinctions between discrete and continuous components of this perception have been marked.

Keywords: discreteness, continuity, language, thinking, communication, conscious, sense, sign, symbol

Elena Yaroslavtseva. Communicative Ontology of a Human Being: Focus Principle

The practical issues of human development lies today in the area of creation of new communication technologies which have gone way back from the status of information to the status of dialogue. This gives the evidence of constant expansion of forms of human communication. With intensive use of computer systems, the feedback appeared as objectively existing base of all communications. The article discusses communication with richly developed system of feedback that allows us to speak about the communicative ontology, which manifests itself in individual and social systems of relations, as well as in the features of cooperative interaction between actors.

Keywords: interactivity of the human being, communicative ontology, focus, commensurable

Yuri Granin. Formation of Russian National Identity: Communicative Process

The national (political and cultural) unity of Russia is ensured by bringing the communicational space of Russia into line and creating common symbolic sphere for all nations of RF.

Keywords: intelligency, mass media, the nation, the national state, nationalism, federalism, formation, sovereignty

Alexandr Razumov. Ideas and Ideologies: Communications Experience of 20th century

There exist ideas and ideologies that, having once emerged within a religion or philosophy endure for centuries. Ideologies direct historical choice and are also responsible for links between generations.

Keywords: idea, ideology, movement, political party, socialism, history

Yuri Reznik. Alternativity as Individual's Way of Existence

The article deals with alternativity as a ground for the individual; choices in life. The author regards alternativity as a “reflexive complexness of Ego and Alter” manifesting itself both within the individual (a subjective aspect), in relations with other people (an inter-subjective aspect), and with the world as a whole (an objective aspect). From this view point the human

being is alternatively manifested in various situations of co-existence: “I and others who are in me”, “Myself and other selves outside of myself”, “Me and the world”.

Keywords: alternativity, choice, complex individual, subjective, inter-subjective and objective human worlds, co-existence, self, identity, other, constructiveness, reflexivity, existential, transcendental, trans-personality

Vladimir Kantor. Italy as a Spiritual Reference Point of the Russian Culture: Five Episodes of Cross-cultural Communications

In his article Vladimir Kantor examines cultural contacts between Italy and Russia, considering them as productivity examples of the European cultural transmission from Rome to Saint Petersburg. Having chosen five cross-cultural episodes of Italian influence on Russia, the author comes to the conclusion that they have promoted a formation of ideology of the Great Russian Empire.

Keywords: Italy, Russia, Rome, St. Petersburg, Peter the Great, culture, empire, influence, transmission, cultural communications, ideology, productivity

Marina Kiseleva. Intellectual Cultural Communication of the Eastern Slavs in the end of 16th-17th centuries

The article analyses of the material related to intellectual contacts of Poland, Ukraine, Byelorussia, and Russia in the end of 16th – 17th centuries. The author’s concept is based on the mechanism of cultural adoption, including personal, confessional, national, and language identification, and on the idea of knowledge transmission, reflected through theological and literary texts, which had been formed under the influence of the Western Intellectual Baroque Culture.

Keywords: intellectuals in monastery, intellectual contacts, The Ostrog collegium, brotherhood schools, the Kiev Mohila collegium, the Moscow yard of the 2nd half of 17th century, Baroque culture, Simeon Polotsky, Lazar Baranovich

Tatiana Chumakova. “Ours” and “Others” in Russian Culture of the Eleventh-Seventeenth Centuries: Communications Problem

In contemporary society there is a constant intercultural communication in the process of which representatives of various cultures come into interaction, that is why the problem of overcoming of ethnic and cultural stereotypes of “ours” and “others” becomes more and more actual. Author makes an accent on the necessity of studying national roots of the image of an “others” and analyzes mechanisms of communications between “ours” and ‘others’ in the history of Russian culture.

Keywords: Old russian culture, intercultural communication, criteria of “otherness”, history of ideas, Islam, Cristianity, Judaism

Olga Shulman. Aphorism as a Philosophical Genre in the Culture of French Salons of the 17th century and in the Contemporary French Thought

Aphorism is a philosophical genre typical for the French culture. The importance of aphorism is due to a special kind of communication which formed in the French salons of 17th – 18th centuries. The genre is also important for contemporary French thought. According to one contemporary writer, aphorism supposes the choice of humanism, of sense, of erudition, of friendship, of human being and of God.

Keywords: aphorism; philosophical genre; salon; the French culture of the 17th century; contemporary French thought; humanism

Galina Stepanova. Personal Contact and Communications: Traditions and Innovations

This paper presents a comparative analysis of the phenomena of personal contact and communication, their specificity in the Russian social and cultural context. The author analyzes the psychological characteristics, genesis and tradition of communicating in Russian cultural space, their impact on business communicative behavior, Internet and other modern means of communication

Keywords: communication, personal contact, communicative behavior, emotion, motivation, internet, blogs, social networks, self-actualization

Igor Andreev. Internet as a Prelude to the Informational Civilization

The author focuses on the role of Internet as means of establishing of informational community and economics of knowledge which objectively lead to aggravation of social conflicts and spontaneous emerging of revolutionary situations of a new type, of the West European patterns of market economy and parliamentary democracy.

Keywords: Internet, economics of knowledge, information, communication, intellectual rent, planetary virtual community, netocracy, consumpatriate, intelligentsia

Sergey Malkov. Private On-line Forum as a Method of Communication

The article discusses an online forum as a new group communication. In the paper are revealed differences between forum and social networking and blogging. One of them is the ability to create a private group of the Internet community with its own communication platform. Private forums have great potential impact on several spheres of public life. As an example, the article reviews the activities of a private banking forum in the past six months, which had a significant impact on the work of several Russian banks.

Keywords: private forum, communication platform, bank, bank card

Oleg Skorkin. Game component of communication

Within the current work, the mechanistic model of communication is seen as object-objective relationships of information transfer. The participation of the reflexing subject brings an intended additional lie into the mutual relationship. The variation of object-subjective relations (mimicking) or subject-objective ones (manipulation) is the central point of the pseudo-game. The subject-subjective relations are seen as a game with the entire specter of intended and/or unintended lies, that are foster the appearance of new information content.

Keywords: anthropology, culture, communication, interrelation, games, rules, competition, false, deceit, creation

Научное издание

Человек вчера и сегодня

Междисциплинарные исследования. Выпуск 5

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор: *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 02.08.11.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 15,21. Тираж 500 экз. Заказ № 024.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>